This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 1642.136 (1)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

С. Мельгуновъ.

Церковь и государство въ Россіи.

(Къ вопросу о свободѣ совѣсти).

Съ 16 иллюстраціями въ текстѣ.

Сборникъ статей.

I.

Изданіе
Т ва И. Д. Сытина.

K
Slav 1642, 136 (1)
HARVARD. UNIVERSITY LIBRARY FEB 12 1969
Институт литературы ЦИК СССР им. М. Горького
36-8495
R
Исчис. 4,

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
МОСКВА. — 1907.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россія переживаетъ историческій моментъ, когда заново перестраивается вѣками существовавшій государственный строй. Трудно еще предугадать, въ какія формы выльется русская революція, каковы будутъ ея конечные результаты, но, какъ ни измѣнчивъ барометръ нашей общественной жизни, одно несомнѣнно: возвратъ къ старому уже невозможенъ. Старые ненавистные порядки безвозвратно погибли подъ развалинами полицейско-бюрократическаго режима. Въ мощи современнаго освободительнаго движенія, охватившаго широкой волной всѣ слои русскаго общества, заключается прочный фундаментъ для будущаго обновленія Россіи. Начавшееся строительство русской земли не можетъ остановиться на той предварительной фазѣ, на которой было насильственно прервано близорукой политикой верховной бюрократіи, не желающей считаться съ законами исторической эволюціи и реальными условіями русской жизни. Мы твердо вѣримъ, что настанетъ день, и этотъ день близокъ, когда самъ народъ властно возьметъ въ свои руки реформу „безобразнаго зданія“ имперіи.

Законодательному творчеству будущихъ народныхъ избранниковъ предстоитъ колоссальная работа: коренная реформа всѣхъ существующихъ общественныхъ отношеній. И, конечно, среди этихъ многообразныхъ преобразованій одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ реформа взаимныхъ отношеній церкви и государства. И, быть-можетъ, наканунѣ этой реформы не безполезно еще

разъ оглянуться на прошлое, попытаться хоть въ общихъ чертахъ набросать картину господствовавшихъ порядковъ.

Этимъ соображеніемъ и руководился авторъ, выпуская отдѣльнымъ сборникомъ свои статьи. Сюда вошли преимущественно газетныя статьи, печатавшіяся, главнымъ образомъ, въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* въ періодъ 1905—1906 г. Конечно, отрывочныя газетныя статьи не могутъ дать полной картины, но при существующей бѣдности нашей литературы по такому важному вопросу, какъ отношеніе церкви къ государству въ Россіи, думается — и настоящій сборникъ при всемъ своемъ несовершенствѣ можетъ способствовать болѣе или менѣе разработкѣ интересующаго насъ вопроса и ознакомленію съ нимъ широкой массы читателей.

Въ предлагаемомъ сборникѣ статьи приведены въ извѣстную систему. Первая часть характеризуетъ старый порядокъ; вторая посвящена разсмотрѣнію законодательства переходной эпохи, когда правительство бюрократическими средствами пыталось осуществить въ жизни широко возвѣщенную вѣротерпимость; она показываетъ, какъ далека была въ самомъ началѣ правительственная реформа 17 апрѣля 1905 года отъ началъ дѣйствительной свободы совѣсти, въ какую уродливую форму, наконецъ, вылилась эта поистинѣ бумажная вѣротерпимость при столкновеніи съ господствующей административной практикой; третья часть посвящена возможному будущему. (Сюда же включены двѣ статьи, носящія отчасти историческій характеръ: „Изувѣрныя секты и вѣротерпимость“ и „Гоненія на скопцовъ“, которыя служатъ иллюстраціями къ предшествующей статьѣ).

Появленіе той или другой статьи обусловливалось, конечно, ходомъ общественной жизни, тѣмъ или инымъ новымъ правительственнымъ мѣропріятіемъ. Поэтому неизбѣжнымъ элементомъ въ нихъ являлось извѣстное повтореніе; перерабатывать же статьи не представлялось

никакой возможноси — переработка являлась какъ бы равнозначащей написанію новой статьи. Между тѣмъ автору представлялось своевременнымъ выпустить сборникъ именно теперь, когда вопросъ о регламентаціи взаимныхъ отношеній церкви и государства стоитъ на очереди, когда нашему отечеству еще предстоитъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ признанію и къ реальному, наконецъ, осуществленію въ жизни великаго принципа религіозной свободы. Но, быть-можетъ, этотъ недостатокъ до нѣкоторой степени будетъ искупленъ тѣмъ, что изъ собранія въ отдѣльномъ изданіи разрозненныхъ газетныхъ статей особенно наглядно будетъ видно, какъ проводилась у насъ правительственная роформа, долженствовавшая дать свободу совѣсти русскимъ гражданамъ.

С. Мельгуновъ.

1 сентября 1906 г.

I.

Старый порядокъ.

I. Государство и церковь.

(Историческій очеркъ).

На очереди стоитъ вопросъ о возстановленіи патріаршества и упраздненіи Синода, какъ самостоятельнаго учрежденія; съ этой реформой тѣсно связывается полная реорганизація „вѣдомства православнаго исповѣданія", упраздненіе должности оберъ-прокурора, реставрація во всей неприкосновенности каноническаго устройства церкви, т.-е. церкви свободной, выборной, самоуправляющей и независимой отъ государства.

Прогрессивная печать единодушно, конечно, будетъ привѣтствовать освобожденіе церкви отъ путъ бюрократическаго гнета, отъ вѣкового подчиненія ея государственнымъ цѣлямъ. Отдѣленіе церкви отъ государства, полное разграниченіе ихъ вѣдомствъ и регламентація ихъ взаимныхъ отношеній по классической формулѣ, данной Евангеліемъ: „Воздадите кесарево Кесареви, а Божье — Богови" — лозунгъ каждой передовой политической партіи. Какъ сознали теперь и нѣкоторые представители нашей официальной церкви, такая реформа, избавляющая господствующую церковь отъ пагубнаго вліянія опеки свѣтской власти, необходима, чтобы внести „духъ живъ" въ ученіе „казенной" вѣры и возродить нравственный авторитетъ ея духовныхъ представителей.

Неминуемо ли связывается, однако, идея возстановленія патріаршества съ идеей свободы церкви? На этотъ вопросъ въ печати появились разнорѣчивые отвѣты. Привѣтствуя идеи замѣны бюрократическаго управленія церкви соборно-представительнымъ, нѣкоторые готовы видѣть, тѣмъ не менѣе, въ предстоящей реформѣ церковнаго управленія, зародившейся въ бюрократическихъ сферахъ, исключительно реакціонную мѣру, которая неизбѣжно должна привести еще къ большему единенію церкви съ государствомъ: эта реформа создастъ воинствующую церковь,

которая гнетъ бюрократіи замѣнитъ гнетомъ клерикализма, разъ только будутъ осуществлены desiderata духовенства о предоставленіи ему участія въ государственной жизни; другіе, напротивъ, считаютъ патріархатъ почти синонимомъ отдѣленія Церкви отъ государства или, во всякомъ случаѣ, воплощеніемъ извѣстной ея самостоятельности.

Чтобы разобраться въ этихъ противоположныхъ мнѣніяхъ, обратимся къ исторіи, которая въ данномъ случаѣ можетъ, дѣйствительно, сыграть роль „учительницы жизни“. Исторія покажетъ намъ, насколько возстановленіе патріаршества можетъ обезпечить церковь отъ административнаго „усмотрѣнія“ и дѣйствительно освободить ее отъ порабощенности мірскимъ интересамъ; она покажетъ, возможна ли вообще въ настоящее время своего рода „археологическая“ реставрація учрежденія съ отжившими уже формами, учрежденія, быть-можетъ, соотвѣтствовавшаго порядкамъ московской Руси и идеологіи ея представителей, но не удовлетворяющаго запросамъ времени. Если мы бросимъ ретроспективный взглядъ на процессъ вторженія государственной власти въ церковную жизнь, попытаемся выяснить тѣ результаты, къ которымъ привело это полицейское поползновеніе въ теченіе вѣковъ на свободу совѣсти, мы намѣтимъ путь, по которому должны итти предстоящія церковныя реформы.

Какъ создалась въ Россіи національная государственная церковь?

Зародыши ея лежатъ еще въ той отдаленной эпохѣ, когда впервые мелькнулъ свѣтъ исторіи для русскаго государства. Молодая русская жизнь, прикованная многообразными связями къ Византіи, откуда она получила свою цивилизацію, первые зачатки политическихъ, гражданскихъ и общественныхъ отношеній, естественно должна была подчиниться греческому авторитету. Духовная побѣда Византіи ознаменовалась водвореніемъ византійскихъ идей и въ русской церкви, до XV в. подчиненной константинопольскому патріархату — идей цезаро-папизма.

Если на Западѣ религіозно-политическія доктрины папства, пытавшіяся осуществить „Царство Божіе“ на землѣ путемъ созданія гигантской всемірной мо-

нархіи на теократическихъ началахъ, при столкновеніи съ жизнью терпѣли неудачи и сводились, въ концѣ-концовъ, къ проповѣди тѣснаго союза между церковью и государствомъ, принципа равноправія, выразившагося наиболѣе ярко въ ученіи о двухъ мечахъ: духовномъ, принадлежащемъ папѣ, и свѣтскомъ—государю, то въ Византіи въ силу особыхъ условій церковно-политической жизни, не благопріятствовавшихъ въ общемъ развитію самостоятельнаго могущества церкви, идеи, ставящія „святительство“ выше „царства“, не могли привести къ антагонизму съ государствомъ, и выливались въ жизни скорѣе въ форму подчиненія церкви государству: византійскій императоръ, умѣло эксплуатируя въ свою пользу авторитетъ духовной власти, являлся на дѣлѣ не только пассивнымъ блюстителемъ неприкосновенности вѣры и защитникомъ церковныхъ интересовъ, но и активнымъ ея устроителемъ, ея официальнымъ представителемъ.

Въ такой формѣ византійская система государственной религіи была воспринята и въ Россіи, гдѣ церковь съ самаго начала стала подъ непосредственное покровительство свѣтской власти. Лѣтописи свидѣтельствуютъ намъ, что княжеская власть издревле вмѣшивалась въ церковныя дѣла: она распоряжается учрежденіемъ епископскихъ каѳедръ и замѣщеніемъ вакантныхъ, по ея приказанію совершаются такіе церковные акты, какъ перенесеніе мощей и канонизація святыхъ; она, наконецъ, изгоняетъ нерѣдко неугодныхъ ей представителей тогдашней церкви, митрополитовъ и т. д. Естественно, впрочемъ, что на первыхъ порахъ при политической раздробленности Руси и слабости государственной власти, княжеская воля не могла фактически имѣть слишкомъ большого вліянія на дѣла вѣры; поэтому нравственный авторитетъ представителя духовной власти, санкціонированный еще высшимъ авторитетомъ византійскаго императора и патріарха, въ глазахъ современнаго общества стоялъ высоко и независимо. Церковь, какъ наиболѣе яркое воплощеніе религіозно-моральнаго единства, при раздробленности государства являлась представительницей „всея Руси“, носительницей идей національнаго объединенія.

Съ поворотомъ русской политической жизни на новый путь эти отношенія государства и церкви постепенно измѣняются. Возвышеніе Москвы и объединеніе около

нея удѣльныхъ княжествъ происходитъ при дружественномъ взаимодѣйствіи представителей свѣтской и духовной власти, при чемъ идея религіознаго единства служитъ средствомъ для оправданія завоевательной политики московскаго князя, для оправданія его невсегда благовидной политики „примысловъ“. По мѣрѣ того, какъ подъ властью московскаго князя объединяется вся русская народность и московское княжество превращается въ россійское царство, — представитель его возводится въ рангъ самодержцевъ, и теорія московскихъ книжниковъ дѣлаетъ его законнымъ преемникомъ и наслѣдникомъ павшей подъ ударами „агарянъ“ греческой монархіи. Съ утерей какъ бы вассальной зависимости отъ византійской короны должна была эмансипироваться и русская церковь отъ духовно-іерархическаго подчиненія константинопольскому патріарху. При всемірно-исторической роли, предписанной московскому государству теоріей о „Москвѣ—третьемъ Римѣ“, естественно національное возвеличеніе русской церкви являлось по преимуществу политическимъ актомъ. По византійской теоріи былъ „одинъ царь во вселенной“, этимъ царемъ дѣлается московскій князь, какъ единственный оставшійся независимымъ представитель греческой православной вѣры, и къ нему переходятъ функціи византійскаго императора — „браздодержателя святыхъ Божіихъ престоловъ святой вселенской церкви“. Успѣхи національнаго самовозвеличенія въ области религіи завершились превозглашеніемъ автокефальности русской церкви (подъ управленіемъ собственнаго патріарха съ 1589 г.), но въ то же время приписываемая московскому государю почетная роль блюстителя отеческаго православія и охранителя національной русской церкви съ ростомъ политическаго самосознанія и фактическимъ усиленіемъ власти московскихъ самодержцевъ превращается постепенно въ мелочную опеку государствомъ церкви, и тѣсный, неразрывный союзъ „собирателей русской земли“ съ представителями духовной власти, дружно поддерживавшими въ своихъ интересахъ ихъ политическія притязанія, замѣняются началомъ подчиненности.

Начиная съ половины XV вѣка государство замѣтно беретъ перевѣсъ надъ церковью: князь Василій Темный, какъ столпъ и опора православія, играетъ уже первен-

ствующую роль въ охранѣ чистоты догматовъ въ эпоху флорентійской уніи, принесенной въ Россію митрополитомъ Исидоромъ; духовный авторитетъ митрополита не является для него неприкосновеннымъ, и вмѣсто низложеннаго Исидора въ 1444 г., „по *повелѣнію* государя великаго князя русскаго самодержца“ избирается свой русскій митрополитъ—Іона.

Въ XVI вѣкѣ идеи національной государственной церкви и проповѣдь союза алтаря и престола, въ жизненныхъ столкновеніяхъ неизбѣжно превращающагося въ подчиненіе церкви государству, получаютъ свое мѣстное теоретическое обоснованіе въ школѣ московскихъ книжниковъ—іосифлянъ, названныхъ такъ по имени основателя этой школы знаменитаго игумена Волоколамскаго монастыря. Отожествляя господство московскихъ порядковъ съ процвѣтаніемъ національной церкви, школа волоколамскихъ иноковъ санкціонируетъ вмѣшательство государства въ сферу религіозныхъ вопросовъ и въ своей практической программѣ объявляетъ авторитетъ свѣтской власти главнѣйшимъ разрѣшителемъ всѣхъ церковныхъ вопросовъ—государство не только въ правѣ, но и обязано опекать церковь. Съ точки зрѣнія іосифлянъ представитель свѣтской власти мыслится, какъ „пастырь словесныхъ овецъ Христовыхъ“, главнѣйшая задача котораго заботиться о спасеніи душъ своихъ подданныхъ.

Естественно, что московскіе самодержцы, и не отличавшіеся, подобно Грозному, „смышленіемъ быстроумнымъ“, весьма сочувственно отнеслись къ такимъ выгоднымъ для нихъ, хотя и неканоническимъ, теоріямъ и весьма скоро восприняли ихъ во всей полнотѣ. Грозный—этотъ публицистъ-государь, бывшій, по словамъ современниковъ, „въ словесной премудрости риторъ естествословенъ“, столь любившій давать метафизическія обоснованія прерогативамъ царской власти, такъ формулируетъ въ своей перепискѣ съ теоретикомъ боярской оппозиціи—Курбскимъ, задачи государственной власти: „Тщужеся со усердіемъ люди на истину и на свѣтъ поставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя“... Итакъ, представитель свѣтской власти видитъ въ себѣ прежде всего намѣстника Божьяго и смотритъ на свои правительственныя обязанности съ религіозной точки зрѣнія. Божье дѣло отождествляется съ государевымъ дѣломъ:

нарушеніе царскихъ приказовъ, всякое государственное преступленіе разсматривается, какъ нарушеніе Божественнаго закона.

Конечно, при такихъ условіяхъ вліяніе царской власти простиралось на всѣ стороны религіозной жизни, ни одно церковное дѣло принципіально не было изъято изъ компетенціи царя, и мы видимъ полную неразграниченность двухъ вѣдомствъ, полное смѣшеніе религіозной и государственной точекъ зрѣнія. Являясь устроительницей церковной дисциплины, гражданская власть организуетъ церковныя процессіи, предписываетъ религіозные обряды, отдаетъ распоряженія относительно внутренняго благочинія и благолѣпія храмовъ, „чтобъ по святымъ церквамъ звонили и пѣли по божественному уставу“, входитъ въ разсужденіе даже относительно обычая класть на престолъ родильную сорочку и т. д. Въ видахъ охраненія неприкосновенности отеческаго православія она слѣдитъ за духовной жизнью, за движеніями совѣсти народной массы, регламентируетъ до мелочей ея вѣрованія, осуждаетъ ереси и пр.

На знаменитомъ Стоглавомъ соборѣ, созванномъ по *инициативѣ* свѣтской власти для пересмотра и установленія „на вѣки“ духовнаго содержанія національной церкви, идеалы волоколамскихъ иноковъ получили полное свое осуществленіе, приняли, такъ сказать, реальную форму; духовные соборы въ правленіе Грознаго явились какъ бы вѣнцомъ іосифлянской политики. Съ этихъ поръ и теоретически и практически русскій монархъ „ярко христіанскій государь—какъ гласитъ современный свѣтскій законъ,—есть хранитель догматовъ и благочинія православной церкви“.

Естественно, союзъ церкви и государства, вызванный обоюдными интересами и отвѣчающій историческому моменту, до времени не могъ быть слишкомъ обременителенъ ни для вѣрующихъ ни для самой привилегированной церкви. Въ періодъ формулировки и практическаго осуществленія іосифлянскихъ идей выставленная государствомъ и церковью программа совмѣстнаго сотрудничества могла скорѣе вызвать не протестъ, а одобреніе: заботы царя о церковномъ устроеніи, его вмѣшательство въ область вѣры являлось „добрымъ и похвальнымъ дѣломъ“, признакомъ благочестія и любви, преданности къ національной церкви представителя свѣтской власти, тѣмъ

болѣе, что при религіозномъ отпечаткѣ, который носила вся жизнь въ Московской Руси, эта опека въ сущности выливалась въ довольно безобидную форму [1]). Неизбѣжно, однако, теорія государственнаго вмѣшательства съ измѣненіемъ уклада общественной жизни должна была со времени привести къ тому, что можно назвать бюрократизаціей вѣры и церкви, это и случилось.

Параллельно съ процессомъ превращенія князя-помѣщика въ царя - самодержца, процессомъ закрѣпощенія вольныхъ людей на службѣ московскаго государя и превращенія ихъ въ „государевыхъ разныхъ чиновъ людишекъ и холопишекъ", развивался и процессъ введенія церкви въ рамки государственныхъ учрежденій. Какъ добровольный союзъ съ московскимъ княземъ, вызванный тяготѣніемъ къ Москвѣ различныхъ классовъ общества по экономическимъ причинамъ, превращался въ принудительный союзъ, такъ и церковь пріобрѣтала подневольное положеніе: „нестроеніе", т.-е. новые порядки, какъ характерно выражались наши предки, все больше и больше входило въ московскую старину. Съ внѣшней стороны этотъ процессъ проявляется въ томъ, что церковь получаетъ, въ концѣ-концовъ, устройство, скопированное съ государственныхъ учрежденій.

Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ эпоху Грознаго кульминаціоннымъ пунктомъ развитія теократическаго характера московскаго государства; съ учрежденіемъ патріаршества, по ихъ мнѣнію, въ отношеніяхъ государства и церкви установилось извѣстное равновѣсіе; мало того, церковь стремится къ независимости и въ XVII столѣтіи при патріархахъ Филаретѣ и Никонѣ получаетъ даже непосредственное вліяніе на дѣла государственныя, съ паденіемъ же Никона нарушенное было равновѣсіе вновь возстанавливается. Врядъ ли съ такой точкой зрѣнія можно вполнѣ согласиться; процессъ подчиненія церкви безостановочно шелъ усиленнымъ темпомъ, шелъ все время crescendo, и реформы Петра лишь вѣнчали собой политику московскихъ государей.

---

[1]) Для духовенства офиціальная поддержка со стороны свѣтской власти исключительно греко-восточнаго исповѣданія, обезпечивала богатыя матеріальныя блага; услуги церкви въ первое время дорого оплачивались правительствомъ—духовенство, получивъ огромныя имущества и собственный отдѣльный судъ, заняло привилегированное положеніе.

Самодержавно-земская монархія смѣнялась самодержавно-бюрократической; общественная и государственная жизнь теряла свой первоначальный патріархальный характеръ и начинала регулироваться опредѣленными правовыми нормами. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и подчиненіе церкви государству, принимая систематическій характеръ, становилось обременительнѣе. Когда свѣтская власть настолько уже окрѣпла, что не нуждалась для подтвержденія своего авторитета въ санкціи духовной, когда теорія сдѣлала Москву „единственнымъ христіанскимъ царствомъ во всей подсолнечной", а ея царя—„высочайшимъ святымъ самодержцемъ", единымъ во всемъ мірѣ царемъ православнымъ и дала ему религіозное освященіе „милостью Божіей", тогда церковь, вставъ лицомъ къ лицу со всемогуществомъ московскаго самодержавія, должна была потерять часть своей власти, и, дѣйствитедьно, свѣтская власть, какъ видимъ мы, въ теченіе XVI и всего XVII вѣка систематически ограничиваетъ въ интересахъ фиска дарованныя прежде церкви привилегіи: она ограничиваетъ имущественныя права церкви, отнимаетъ судебныя привилегіи, суживаетъ вообще церковную юрисдикцію, передавъ всѣ гражданскія дѣла въ вѣдѣніе самостоятельнаго правительственнаго учрежденія, особаго отдѣла въ Приказѣ Большого Дворца. По уложенію 1649 г. эти функціи исполняетъ бюрократическое учрежденіе, непосредственно зависящее отъ царя,—Монастырскій Приказъ. Только патріаршая область освобождается отъ вмѣшательства свѣтскаго суда, но это уже не прежнее обычное право, это лишь вновь подтвержденная привилегія царя: царь ее далъ, царь же можетъ ее и отнять. Какъ до учрежденія патріаршества, такъ и въ XVII столѣтіи царь является полнымъ устроителемъ церковно-юридическаго порядка. Подобно Грозному, тишайшій царь Алексѣй непосредственно вмѣшивается въ сферу вѣдѣнія патріарха. Помимо главы церкви, онъ предписываетъ своимъ чиновникамъ-воеводамъ слѣдить за соблюденіемъ постовъ, за тѣмъ, напримѣръ, чтобы во время шествія священника къ больному со св. Дарами церковный причетникъ несъ передъ нимъ свѣчу; царь непосредственно отдаетъ распоряженія отпустить изъ Москвы въ Курскъ животворящій крестъ; даже санъ архимандрита, по свидѣтельству современниковъ, никто не получаетъ иначе, какъ по приказу царя. Въ обществѣ

сознаніе, что царь является устроителемъ внутренняго быта Церкви настолько уже укоренилось, что игуменъ Соловецкаго монастыря, минуя главу Церкви, ходатайствуетъ передъ царемъ о запрещеніи монахамъ держать хмельное питіе, и царь, помимо патріарха, издаетъ указъ о запрещеніи монахамъ предаваться „пьянственному питію". Мало того, въ XVII столѣтіи нерѣдко низшее духовенство отказывается приводить въ исполненіе не утвержденныя царемъ церковныя распоряженія, хотя бы они исходили непосредственно отъ патріарха.

Такой характеръ отношеній представителя свѣтской власти къ церковнымъ вопросамъ въ XVII вѣкѣ объясняется, конечно, далеко не одними личными свойствами такихъ набожныхъ русскихъ царей, какъ царя Алексѣя — природнаго „уставщика церковнаго чина", съ любовью исполнявшаго обязанности церковнаго старосты и съ неподражаемымъ усердіемъ тушившаго и снимавшаго нагаръ со свѣчей во время богослуженія, или слабоумнаго царя Ѳеодора, чуть ли не всю свою жизнь проведшаго за колокольнымъ звономъ. Опека царской власти надъ церковью вытекала, какъ мы указывали, изъ всей совокупности условій окружающей дѣйствительности, являлась результатомъ длительнаго вѣкового процесса. Отсюда понятно, почему всѣ крупнѣйшія церковныя реформы XVII в. производятся или по иниціативѣ свѣтской власти или съ ея непремѣннаго одобренія — „повелѣніемъ благочестиваго государя". Какъ разъ при Никонѣ, при этомъ авторитетномъ и самовластномъ патріархѣ, проводится реформа, которая въ корнѣ измѣняетъ московскую старину, измѣняетъ прежде свободную жизнь приходовъ. До Никона желающій получить санъ священника или дьякона долженъ былъ заручиться согласіемъ со стороны прихода принять его, при Никонѣ выборное начало постепенно замѣняется бюрократическимъ, для низшаго духовенства не требуется уже одобренія прихода,—этотъ приходъ, по мѣткому замѣчанію историка, становится правительственнымъ участкомъ во главѣ съ священникомъ, не избраннымъ общиной прихожанъ, а назначеннымъ епархіальнымъ начальствомъ, т.-е. до извѣстной степени уже чиновникомъ.

Естественно, что при такихъ условіяхъ никогда въ Московской Руси патріархъ не былъ дѣйствительнымъ

Институт литературы АН СССР им. М. Горького

главою свободной церкви, независимой отъ государства. Имѣя огромную власть въ силу своего авторитета, какъ главы церкви, надъ духовенствомъ и мірянами, самъ патріархъ являлся простой креатурой царской власти. Патріархами становятся любимцы царей или лица такъ или иначе имъ угодныя въ данный моментъ; возведенные на патріаршій престолъ повелѣніемъ свѣтскаго владыки, они устраняются той же властью, разъ только сдѣлались почему-либо неугодными. Исторія русской церкви даетъ намъ не одинъ такой примѣръ,—только „потаковники" царской власти держались крѣпко на своихъ мѣстахъ; „первосвятители—по выраженію Карамзина—стали угодниками царей".

Если власть патріарха въ XVII вѣкѣ одно время пріобрѣтаетъ исключительно высокое положеніе, то это объясняется лишь случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ: тѣмъ, что на патріаршій престолъ попадаетъ лицо, находящееся въ ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ къ царю, — Филаретъ, который, пользуясь слабоодаренностью своего сына, становится у кормила правленія государствомъ, или тѣмъ, что патріаршій престолъ занимаетъ колоссальная фигура Никона, „собиннаго" друга царя и въ то же время человѣка сильнаго ума и желѣзной воли. Эти патріархи именуются наравнѣ съ царемъ „великими государями", берутъ на себя функціи свѣтской власти и такимъ образомъ создаютъ государство въ государствѣ — двоевластіе. Но такое исключительное положеніе патріархъ занимаетъ не въ силу своего сана, а въ силу лишь своихъ личныхъ качествъ и довѣрія царской самодержавной власти,—онъ не болѣе какъ всесильный временщикъ.

Чувствуя шаткость своего положенія, Никонъ попытался дать теоретическое обоснованіе своего могущества и явился у насъ проповѣдникомъ теоріи папизма. Для Никона „священство" выше „царства": свѣтскую власть можно уподобить лунѣ, а духовную — солнцу. Однако время было слишкомъ неблагопріятно для развитія ультрамонтанскихъ ученій. Царская политика была уже освящена вѣковой традиціей, государственная власть распространила свою компетенцію на всѣ стороны общественной жизни, и поэтому въ области церковныхъ притязаній всѣ шансы успѣха были на ея сторонѣ. Въ моментъ превозглашенія гордыхъ теорій независимости церкви

вопросъ уже давно былъ рѣшенъ, какъ вѣрно замѣчалъ самъ Никонъ: „Божіе достояніе и Божій судъ были переписаны на царское имя“.

Тѣсная дружба Алексѣя съ Никономъ отодвинула на нѣкоторое время неизбѣжное столкновеніе свѣтской и духовной власти, но когда произошелъ разрывъ въ личныхъ отношеніяхъ царя и патріарха, борьба церкви и государства приняла болѣе интенсивную форму и закончилась полнымъ торжествомъ свѣтской власти, т.-е. крушеніемъ всплывшихъ идей папо-цезаризма. Духовный соборъ 1667 г., которому, въ присутствіи вселенскихъ патріарховъ, былъ переданъ для теоретическаго разрѣшенія вопросъ о взаимыхъ отношеніяхъ государства и Церкви, отвергъ идею второго государя „самодержцу равнаго и большого“ и постановилъ, что въ свѣтскихъ дѣлахъ одинъ царь владыко, и что патріархъ всецѣло повинуется свѣтской власти въ политическихъ рѣшеніяхъ. Правда, согласно византійскимъ идеаламъ, соборъ теоретически провозгласилъ принципъ невмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла; разграничивая сферу компетенціи обоихъ вѣдомствъ, соборъ даже возстановилъ прежнюю гражданскую и уголовную юрисдикцію духовенства. Помѣстный соборъ 1675 г. упразднилъ и Монастырскій Приказъ. Но такое возвращеніе къ старой практикѣ было лишь временными уступками со стороны правительства, не имѣвшими большого фактическаго значенія, и на очень короткое время отсрочивало окончательную развязку. Общій ходъ событій давно уже предрѣшилъ исходъ борьбы свѣтской власти съ духовной въ пользу государственнаго вмѣшательства, и эта окончательная развязка произошла, когда государственныя идеи получили преобладающее значеніе, и представителемъ свѣтской власти сдѣлался рѣшительный Преобразователь, считавшій себя первымъ слугою государства и требовавшій такой же службы отъ церкви.

При ничтожествѣ послѣднихъ патріарховъ Петру ничего не стоило собственной властью уничтожить санъ патріарха.

Быть-можетъ, въ своей церковной реформѣ Преобразователь, любившій иностранные образцы, и руководился примѣромъ протестантской церкви, но, какъ бы то ни было, учрежденіе Синода, санкціонируя полное подчиненіе церкви подъ „самодержавнаго монарха“, завершало

собою вѣковой процессъ. Индиферентный къ вопросамъ религіи, Петръ не былъ склоненъ, подобно своимъ предшественникамъ, брать лично на себя религіозно-нравственное руководство своими подданными, его чрезвычайно мало интересовалъ вопросъ: надо ли класть на престолъ родильную сорочку или нѣтъ, его государство носило уже полицейскій характеръ и не считало себя, какъ прежде, лишь „свѣтской стороной православно-церковнаго организма“. „Полицейское государство, — по замѣчанію проф. Рейснера,—перенесло центръ тяжести изъ вѣроисповѣдной сферы въ область полицейскаго благочинія“... Однако и Петръ, вѣрный выгоднымъ для свѣтской власти традиціямъ Московской Руси, мыслитъ себя „крайнимъ судьей“ въ духовныхъ дѣлахъ. „Богу извольвшу исправлять мнѣ гражданство и духовенство, я имъ обое — государь и патріархъ... въ самой древности сіе *было совокупно*“, заявлялъ самъ Петръ: онъ хотѣлъ быть „единственнымъ начальникомъ“ русской церкви, „булатнымъ патріархомъ“. Петръ, какъ гласилъ Указъ 25 января 1721, изъ страха отвѣтственности передъ Богомъ долженъ приступить къ исправленію „чина церковнаго“.

Съ учрежденіемъ въ 1711 г. правительствующаго Сената Петръ въ это учрежденіе передалъ и свои функціи главы церкви; исполняя былую роль московскихъ царей, Сенатъ наблюдаетъ за совѣстью русскихъ гражданъ и непосредственно вмѣшивается, помимо мѣстоблюстителя патріаршаго престола и освященнаго собора епископовъ, въ устройство церковнаго чина: Сенатъ заботится о посвященіи монаховъ въ архимандриты, о ежегодномъ говѣніи населенія и т. д. На практикѣ такія функціи для Сената, конечно, были слишкомъ обременительны, почему Петръ, недовольный многими нестроеніями“, предпочелъ учредить въ 1721 г. спеціальную духовную коллегію, „сильное правительство“, которая должна была дѣйствовать лишь именемъ монарха. Эта духовная коллегія и была вскорѣ переименована въ Синодъ, при чемъ монарха, въ качествѣ „ока государева“, замѣнилъ въ 1722 г. „добрый человѣкъ изъ офицеровъ“,—оберъ-прокуроръ.

Въ полицейскомъ государствѣ Петра, однако, былъ проведенъ принципъ коллегіальности, и каждое начальствующее лицо являлось у него „не яко владыко, но яко президентъ“. Такимъ образомъ Синодъ, замѣнившій „выборное“ патріаршество и составленный, по выраженію Духов-

наго Регламента, изъ „лишь отъ высочайшей власти утвержденныхъ", все же являлся первоначально самоуправляющимся учрежденіемъ. Но и этотъ оттѣнокъ самоуправленія съ развитіемъ полицейско-бюрократическаго режима въ Россіи постепенно стушевывался. „Премудрая мать отечества", Екатерина II, окончательно уничтожила самостоятельность духовной власти и закабалила ее на службѣ полицейскаго государства. Въ знаменитой рѣчи, обращенной къ Синоду, послѣ осужденія митрополита ростовскаго и ярославскаго, Арсенія Мацѣевича (одного изъ враговъ церковныхъ реформъ Петра и секуляризаціи монастырскихъ имуществъ), Екатерина заявляетъ, что архіереи — не служители алтаря, не духовные сановники, но „государственныя особы" — „вѣрнѣйшіе подданные"; для нихъ, по мнѣнію Екатерины, власть монарха должна быть выше законовъ евангельскихъ.

Отнынѣ русская церковь должна быть лишь орудіемъ государственной власти, должна служить ея политическимъ видамъ; въ актѣ наслѣдія престола Павелъ I открыто уже именуется „Главою Церкви" [1]). Церковь должна превратиться въ простое вѣдомство и сдѣлаться лишь отраслью бюрократическаго управленія. Въ этомъ вѣдомствѣ должны быть только чиновники, за свое усердіе жалуемые орденами (начиная съ Павла) и подчиненные высшему чиновнику. Такимъ начальствующимъ лицомъ „изъ стряпчаго въ дѣлахъ государственныхъ" сдѣлался въ 1824 г. оберъ-прокуроръ Св. Синода, получившій портфель самостоятельнаго министра. Съ тѣхъ поръ все, что касается совѣсти русскихъ обывателей, вершится въ канцеляріяхъ оберъ-прокурора и Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Жандармскій штабъ-офицеръ въ эпоху господства Николаевской солдатчины считается наиболѣе компетентнымъ лицомъ при разрѣшеніи наиболѣе важныхъ вопросовъ вѣроисповѣданія.

Закабаленіе „пастырей духовныхъ" на службу государства имѣло прежде всего самыя тяжелыя и роковыя послѣдствія для православной церкви.

[1]) Уже Духовный Регламентъ требуетъ отъ членовъ Синода, какъ отъ правительственныхъ чиновниковъ, присяги: „по крайнему разумѣнію и возможности предостерегать и оборонять всѣ права и преимущества, принадлежащія къ высокому Его Царскаго Величества Самодержавства силѣ и власти, не щадя, если потребуется, и своей жизни".

„Служители алтаря“ — правительственная „команда“, какъ характерно именовались они въ официальныхъ актахъ XVIII вѣка, облеклись въ мундиръ полицейскаго чиновника. Чрезвычайно мѣтко и ярко охарактеризованы тѣ этапы, которые проходила православная церковь въ теченіе вѣкового процесса подчиненія свѣтскимъ интересамъ, Вл. Соловьевымъ: „Сначала, при Никонѣ, она (церковь) тянулась за государственной короной [1]); потомъ крѣпко схватилась за мечъ государственный и „наконецъ“ принуждена была надѣть государственный мундиръ“. Конечно, въ полицейскомъ государствѣ этотъ мундиръ былъ мундиромъ полицейскаго чиновника...

Превратившись въ „колоссальную канцелярію“ съ неизбѣжной, по словамъ И. Аксакова, „канцелярской официальной ложью“, церковь, по идеѣ блюстительница законовъ высшей нравственности и совѣсти, явилась горячей защитницей самодержавно - бюрократическаго порядка, безправія и насилія въ русской жизни; она сдѣлалась врагомъ прогрессивной мысли и проповѣдницей приниженности человѣческой мысли во имя охраны неприкосновенности устоевъ стараго, отжившаго общественнаго порядка. Она сдѣлалась врагомъ свободы... Она предавала „анаѳемѣ“ дѣятелей великаго освободительнаго движенія и своимъ духовнымъ авторитетомъ пыталась санкціонировать правительственныя казни. Такъ поступала церковь еще недавно. Такъ поступала она всегда. Когда вожди первыхъ глашатаевъ политической свободы въ Россіи, декабристовъ, погибли на плахѣ, и тѣла ихъ ночью были выброшены въ яму съ растворенной известью,—„на слѣдущій день церковь возблагодарила Бога за пролитую кровь“. Петербургскій же митрополитъ Серафимъ, „скача и пляша отъ избытка духовнаго веселія“, объявилъ Николая I „истиннымъ христіаниномъ“, а декабристовъ—„извергами, исчадіемъ ада, сынами дьявола“... Когда русская интеллигенція выступила противъ рабскаго крѣпостного права, церковь оставалась пассивной зрительницей и учила народъ лишь подчиняться своему подневольному положенію. И въ наши дни большинство православнаго духовенства играло весьма пе-

---

[1]) По выраженію Духовнаго Регламента, патріархъ захотѣлъ сдѣлаться „вторымъ государемъ, Самодержавцу равносильнымъ или больше его“, не только въ духовныхъ, но и мірскихъ дѣлахъ.

чальную роль въ исторіи освободительнаго движенія; своими реакціонными проповѣдями съ церковныхъ каѳедръ оно возбуждало ненависть однихъ слоевъ населенія противъ другихъ. Съ каѳедръ, откуда должны были исходить слова любви и братства, раздавались призывы произвести контръ-революцію, неслись кровавыя рѣчи—призывы къ избіенію „враговъ отечества", т.-е. всѣхъ борющихся въ рядахъ освободительнаго движенія. Въ періодъ самаго разгара страстей служители алтаря заботились не о примиреніи враждующихся сторонъ,—они взывали лишь къ самымъ низменнымъ страстямъ темной народной массы [1]).

Церковь забыла Христа!.. она слѣпо, по-рабски, исполняла велѣнія власти. Такую переписку „Божьяго царства" на государево имя православная церковь окончательно признала еще двѣсти лѣтъ назадъ. Когда Петръ рѣшилъ казнить сына своего Алексѣя, онъ обратился къ Синоду, и послѣдній далъ рѣдко характерный отвѣтъ: „Сіе дѣло не нашего суда, ибо кто насъ поставилъ судьями надъ тѣми, кто нами *обладаетъ*"...

Рабы должны повиноваться безпрекословно, и когда Указомъ 1716 года, дважды повтореннымъ черезъ 2 года и 1722 г., было повелѣно духовнымъ пастырямъ доносить губернаторамъ о томъ антиправительственномъ, что будетъ имъ сказано на исповѣди [2]), священнослужители, дѣйствительно, стали исправно отправлять полицейскія функціи; они сдѣлались „сыщиками и дозор-

---

[1]) Справедливость, однако, требуетъ сдѣлать оговорку. Современное освободительное движеніе не осталось безъ вліянія и на представителей господствующей церкви; стремленіе къ „свободѣ" захватило и эти, въ общемъ закоснѣлые, слои. Мы видимъ уже пастырей, выступающихъ съ активнымъ протестомъ, и каждый день почти читаемъ объ увеличеніи числа этихъ „неблагонадежныхъ" элементовъ.

[2]) Политическое соглядатайство и доносъ были введены еще въ Духовный Регламентъ его составителемъ,—дѣйствительно, злымъ геніемъ русской церкви, ея первымъ торквемадой, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ: „Ежели кто на исповѣди,—гласитъ Регламентъ,—духовному отцу своему нѣкое зло и нераскаянное умышленіе на честь и здравіе государево, наипаче же на бунтъ или измѣну объявитъ, то долженъ донести вскорѣ о томъ, гдѣ надлежитъ, въ Преображенскій Приказъ или Тайную Канцелярію. Ибо симъ объявленіемъ не порокуется исповѣдь *(iезуитски пытается дать оправданіе такому нарушенію таинства исповѣди наивный составитель регламента)*, и духовникъ не преступаетъ правилъ евангельскихъ, *но еще исполняетъ* ученіе Христа: „Обличи брата, аще же не послушаетъ, повѣждь Церкви". Когда уже такъ о братнемъ согрѣшеніи Господь повелѣваетъ, то кольми паче о злодѣйственномъ на государя умышленіи".

щиками Преображенскаго Приказа". Такими въ сущности и впредь осталось большинство представителей господствующей церкви [1])...

Если до Петра церковь, по выраженію Мережковскаго, напоминала „сухую смоковницу", то впослѣдствіи она впала въ „параличъ" (Достоевскій); она потеряла послѣдніе остатки духовнаго авторитета. И, не имѣя творческой силы для борьбы съ религіозными разномыслями, она усиленно взывала къ помощи той свѣтской власти, которая привела ее къ нравственному безсилію. Для еретиковъ она требовала „градского наказанія, сирѣчь казни". За недостаткомъ духовныхъ средствъ она еще при Петрѣ получила въ свое распоряженіе „гвардіи сержанта и 26 солдатъ"..... Лютыми казнями, тюрьмами и ссылками вѣками обезпечивалось внѣшнее, видимое господство національной государственной церкви и казеннаго вѣроисповѣданія.

1905 г.

---

[1]) До сихъ поръ существуетъ циркуляръ Синода, повелѣвающій полковымъ священникамъ доносить о томъ, что имъ будетъ открыто на духу·

II. Свобода совѣсти.

Одною изъ крупныхъ аномалій въ русской общественной жизни является посягательство со стороны государства на свободу совѣсти, вторженіе его въ интимную область религіозныхъ убѣжденій и попытка установить крѣпостное состояніе въ вопросахъ вѣроисповѣданія.

Если вѣковая проблема о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви не вездѣ еще нашла себѣ удовлетворительное разрѣшеніе, то идеи вѣротерпимости получили уже практическое примѣненіе во всѣхъ культурныхъ государствахъ. И наука и жизнь послѣ вѣковой кровавой борьбы давно уже выработали безспорные принципы свободы совѣсти и установили неотъемлемое право личности на свободное избраніе религіозныхъ воззрѣній и на переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, а также на свободную пропаганду своего вѣроученія, среди „естественныхъ правъ человѣка и гражданина", неотъемлемыхъ правъ политической свободы, личной неприкосновенности, свободы слова, печати, собраній и т. д., право свободы религіознаго исповѣданія, затрагивая область, которая по своему существу не можетъ быть регламентируема никакими административными предписаніями, несомнѣнно, занимаетъ первое мѣсто.

Но въ русской государственной жизни еще живы средневѣковыя крѣпостническія традиціи и особенно сильно проявляются онѣ именно въ той области, которая и по ученію христіанской церкви не подлежитъ вѣдѣнію кесаря и по своему внутреннему характеру должна быть свободна отъ всякаго рода насилія, должна служить воплощеніемъ идеи любви, братства, смиренія и свободы—въ области вѣры. Здѣсь крѣпостное состояніе держится твердо.

Дѣйствующее законодательство, признавая нѣкоторую религіозную самостоятельность, подъ контролемъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, за привилегированными иностранными и иновѣрческими исповѣданіями, въ сущности совершенно отрицаетъ эту самостоятельность за адептами господствующей церкви. По смыслу нашего законодательства прирожденный русскій можетъ быть только православнымъ, а иновѣрецъ, перешедшій въ первенствующую, государственную вѣру, долженъ остаться въ этой церковной организаціи навсегда со всѣмъ своимъ потомствомъ, — выходъ изъ православія, признаннаго національной вѣрой, всѣмъ запрещенъ и — безусловно. Эта неприкосновенность государственной религіи обставлена у насъ цѣлымъ рядомъ гарантій, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ внѣшнія административно-полицейскія мѣры надзора и судебное преслѣдованіе за уклоненіе отъ формъ признаннаго господствующимъ вѣроученія.

Жизнь, конечно, далеко не укладывается въ такія рамки. Свѣтская власть такъ или иначе должна считаться съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ государствѣ существуетъ рядъ духовныхъ организацій и обществъ, не подчиняющихся верховенству официальной церкви, авторизированному цѣлымъ „арсеналомъ принудительныхъ мѣръ".

Политика, устраняющая искренность и правдивость въ церковно-государственной жизни, неминуемо создаетъ сложную систему лжи, притворства и лицемѣрнаго, чисто внѣшняго послушанія, къ которому въ силу необходимости прибѣгаютъ люди, юридически числящіеся сынами господствующей церкви, фактически же принадлежащіе къ какой-либо сектѣ. Неужели не пора сознать, что на души подданныхъ государство не можетъ вліять, что факты, касающіеся внутренней совѣсти гражданина, недоступны по существу государственному воздѣйствію и что власть, стремящаяся духовно-нравственную пропаганду вѣроученія замѣнить репрессивными мѣропріятіями, обрекаетъ себя на непосильную борьбу!

Вторженіе свѣтской власти въ чуждую ей область религіозныхъ вѣрованій нарушаетъ внутреннюю нравственную крѣпость церкви и лишаетъ ее духовной силы, необходимой для господства пропагандируемыхъ ею идей. Напомнимъ извѣстныя слова, произнесенныя нѣсколько

лѣтъ назадъ на орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ: „Гдѣ нѣтъ свободы для слова, свободы для мнѣнія, свободы для сомнѣнія, свободы для исповѣданія, — тамъ нѣтъ мѣста для вѣры“...

Устанавливая право миссіонарской пропаганды лишь за православіемъ и возлагая на свѣтскую власть обязанность оказывать этой проповѣди возможное содѣйствіе, развѣ государство тѣмъ самымъ не лишаетъ господствующую церковь возможности дать нравственный отпоръ энергичнымъ проповѣдникамъ новыхъ вѣроученій, мощнымъ силою духа и искренностью убѣжденія? Поддерживая вѣру путемъ полицейскаго воздѣйствія, неужели само государство не раскрываетъ всей несостоятельности „казенной вѣры“, которая не можетъ уже удовлетворить съ ростомъ самосознанія естественныя исканія народной массы „правой вѣры“? Политика, дѣлающая изъ воинствующаго клира агентовъ свѣтской власти, только обезпечиваетъ успѣхъ за проповѣдью мощныхъ самобытныхъ философовъ народной среды, апостоловъ „правды, любви и братства“.

Съ другой стороны, исторія даетъ намъ не мало хорошихъ опытовъ и поучительныхъ примѣровъ того, на какія опасныя осложненія обрекаетъ себя государство, навязывая церкви посторонніе ея задачамъ вопросы политическіе и вызывая тѣмъ самымъ на ряду съ борьбой за свободу совѣсти и общественный протестъ. Не показали ли, наконецъ, вѣковыя гоненія за вѣру, что они импонирующимъ ореоломъ мученичества лишь способствовали распространенію преслѣдуемаго ученія,—не лучшимъ ли примѣромъ служитъ само христіанство, окрѣпшее и закалившееся въ борьбѣ и преслѣдованіяхъ?

Двѣсти съ лишнимъ лѣтъ назадъ невѣжественный старовѣръ, проявившій рѣдкую нравственную стойкость въ борьбѣ за свои идеалы, протопопъ Аввакумъ, въ отвѣтъ на гоненія, которымъ подвергались старообрядцы за свои убѣжденія со стороны государства и церкви, писалъ: „Чудо! Какъ-то въ познаніе не хотятъ прійти: огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить. Которые-то апостолы научили такъ, не знаю! Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить“... И какъ оказался онъ правъ по прошествіи двухъ столѣтій!

Политика, господствовавшая вплоть до послѣдняго времени по отношенію къ расколо-сектантству, не достигла, какъ это неоднократно было офиціально признано, никакихъ положительныхъ результатовъ,—расколъ не только не слабѣлъ, а, напротивъ, все глубже и все сильнѣе вкоренялся въ жизнь русскаго народа. Какое вліяніе могли имѣть репрессивныя мѣры на людей, готовыхъ итти на смерть за свои религіозныя убѣжденія, готовыхъ претерпѣть, отстаивая свободу совѣсти во имя спасенія души, всѣ тѣ мученія и пытки, которыя только могъ выдумать административный геній палачей—инквизиторовъ средневѣковья. Казалось, сознаніе этого проникло, наконецъ, въ высшія административныя и законодательныя сферы. Въ современное русское право были введены нѣкоторыя крупицы вѣротерпимости, выразившейся въ предоставленіи по закону 3-го мая 1883 года „раскольникамъ“ права свободно отправлять свое богослуженіе. Изданіе этого закона въ свое время Государственный Совѣтъ мотивировалъ заботою объ охраненіи права „каждаго вѣрующаго, хотя бы и заблуждающагося въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, свободно молиться“. Однако съ теченіемъ времени законъ 3-го мая, ограниченный первоначально же запрещеніемъ внѣшняго оказательства вѣроученія и его пропаганды, т.-е. противорѣчащій понятію „свободы совѣсти“, все болѣе и болѣе стѣснялся путемъ самыхъ разнообразныхъ административныхъ предписаній, и въ концѣ-концовъ и эти крупицы вѣротерпимости потонули въ общемъ безправномъ положеніи „отщепенцевъ“ господствующей церкви.

Въ отношеніяхъ государства и церкви къ религіознымъ разномысліямъ и нынѣ уцѣлѣла еще масса самыхъ мрачныхъ пережитковъ средневѣковыхъ порядковъ. Не такъ далеко еще отъ насъ то время, когда подвергались гоненіямъ духоборы, и всѣмъ извѣстно, до какого вопіющаго произвола доходила въ данномъ случаѣ администрація; до самаго послѣдняго времени мрачные казематы монастырскихъ тюремъ служатъ орудіемъ борьбы съ сектантствомъ.

Неужели еще въ XX вѣкѣ нужна борьба во имя идей вѣротерпимости,—борьба, стоившая уже столькихъ жертвъ, „обагрившая кровью столько плахъ и зажегшая столько

костровъ"? Вѣками „царили религіозное принужденіе и гнетъ", вѣками „приносились изобильныя человѣческія жертвы на алтарь религіозной нетерпимости", и неужели еще не получила окончательно признанія истина, такъ просто выраженная соподвижникомъ патріарха Никона, тишайшимъ царемъ Алексѣемъ: „Никого силой не заставишь Богу вѣровати"?

13 ноября 1904 г.

III. Законъ и «религіозные отщепенцы».

Свобода совѣсти есть основное нравственное требованіе каждаго вѣроученія; свобода вѣры и безвѣрія, безусловное право безконтрольнаго отправленія культа и мирной публичной пропаганды религіозныхъ воззрѣній,— таковы неотъемлемыя права человѣка и гражданина, провозглашенныя еще наканунѣ XIX столѣтія и получившія уже реальное осуществленіе вездѣ на Западѣ. Только у насъ устанавливается кабальное состояніе въ вопросахъ вѣроисповѣданія, такъ сказать, насильственное расписаніе гражданъ въ административномъ порядкѣ по опредѣленнымъ вѣроученіямъ: „вѣроисповѣдная принадлежность православныхъ, по словамъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, опредѣляется посредствомъ выписокъ изъ православныхъ метрическихъ книгъ о рожденіи“ — и только.

Конечно, русскій бюрократизмъ безсиленъ бороться въ возрастающимъ деизмомъ интеллигентной среды; эта область, несмотря на всѣ его поползновенія, ему недоступна и здѣсь поневолѣ, считаясь съ реальной дѣйствительностью, приходится или игнорировать существующіе факты, считать ихъ вопреки логикѣ недѣйствительными, несмотря на всю ихъ реальную видимость, или довольствоваться признаніемъ фиктивнаго послушанія. Но зато какими тяжелыми послѣдствіями, должны отзываться насильственныя вторженія государства въ сферу религіозной мысли той народной массы, которая въ силу уже извѣстнаго культурнаго состоянія не можетъ индиферентно относиться къ вопросамъ вѣры, составляющимъ плоть и кровь ея вѣкового міросозерцанія!

Пробужденіе самосознанія этой массы, начало ея умственной жизни неминуемо связываются съ коренной переоцѣнкой всѣхъ утвердившихся въ ней понятій и, конечно, прежде всего съ провѣркой ранѣе безсознательно

воспринятыхъ религіозныхъ тезисовъ; вопросъ о „правой вѣрѣ“ въ такомъ случаѣ является кореннымъ вопросомъ всего міросозерцанія, и борцы за „истину“, проявляя несокрушимую нравственную силу въ отстаиваніи своихъ идеаловъ, менѣе всего способны итти на тотъ компромиссъ, къ которому ихъ принуждаетъ русское законодательство, взявшее подъ свою защиту неприкосновенность господствующаго вѣроученія и охраняющее его путемъ полицейскихъ мѣропріятій. Въ такое-то ненормальное положеніе и попадаютъ „религіозные отщепенцы“, съ точки зрѣнія господствующей церкви, т.-е. многомилліонная масса русскихъ сектантовъ и раскольниковъ-старообрядцевъ, изъ которыхъ первые, отрицая всякую условность въ дѣлахъ вѣры и регламентацію въ вопросахъ, касающихся совѣсти, пытаются дать раціоналистическое обоснованіе новымъ формамъ вѣроученія, болѣе удовлетворяющимъ духовные интересы пробуждающагося самосознанія народныхъ массъ; а вторые, догматически не расходясь съ православіемъ, не признаютъ за государствомъ права вмѣшательства въ дѣла вѣры, отрицаютъ національное значеніе за православіемъ и авторитетъ бюрократизованной господствующей церкви, служащей лишь выразительницей велѣній свѣтской власти.

Расколъ-старообрядчество и другія секты, возникшія на русской почвѣ и отдѣлившіяся отъ православія, въ своемъ безправіи стоятъ несравненно ниже тѣхъ группъ инославныхъ и иновѣрческихъ вѣроученій, которымъ русское законодательство даруетъ нѣкоторыя привилегіи, если не свободу совѣсти, то, по крайней мѣрѣ, свободу вѣроисповѣданія, ввѣряя охрану ихъ неприкосновенности Министерству Внутреннихъ дѣлъ,— главному наблюдательному органу за мыслями и совѣстью русскихъ гражданъ. Старообрядчеству въ сущности не предоставлено даже и тѣхъ ограниченныхъ правъ, которыми пользуются вѣроученія, возникшія на почвѣ терпимыхъ въ Россіи инославныхъ христіанскихъ исповѣданій.

На первый взглядъ можетъ показаться, что de jure раскольники „не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ“, какъ говорятъ нѣкоторыя статьи дѣйствующаго законодательства (ст. 45-я Уст. пред.); по буквѣ закона, воспрещается лишь „публичное оказательство“ ереси и

раскола со стороны ихъ послѣдователей (ст. 59-я Уст. пр.) и совращеніе (стт. 189-я и 196-я Ул. о нак.), наконецъ, принадлежность къ сектамъ, соединеннымъ съ изувѣрствомъ (ст. 203-я Ул. о нак.). Однако уже одинъ терминъ—запрещеніе „публичнаго оказательства“ вѣроученія, когда послѣднее не грозитъ ничѣмъ общественной безопасности, стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ принципами вѣротерпимости и не можетъ быть названъ иначе, какъ преслѣдованіемъ „за мнѣнія о вѣрѣ“.

Въ дѣйствительности же при существованіи въ государствѣ такого правопорядка, при которомъ административныя распоряженія дополняютъ законъ и даже идутъ наперекоръ ему, эта видимая терпимость дѣлается окончательно мертвой буквой. Примѣненіе закона 3-го мая 1883 г. (стт. 45—64-я Уст. пред.), даровавшаго нѣкоторыя вѣроисповѣдныя льготы старообрядцамъ и сектантамъ, поставлено всецѣло въ зависимость отъ „административнаго усмотрѣнія“. Этотъ законъ, предоставивъ старообрядцамъ, какъ русскимъ гражданамъ, свободу передвиженія, торговли, право владѣнія, право занятія по выборамъ общественныхъ должностей (ст. 60-я Уст. пр.) и т. д., чего они были лишены прежде, въ вопросахъ, касающихся вѣроисповѣданія старообрядцевъ, совершенно лишилъ ихъ свободы дѣйствія, несмотря на то, что изданіе этого закона въ свое время, какъ мы уже указывали, было мотивировано Государственнымъ Совѣтомъ заботой объ охраненіи права „каждаго вѣрующаго, хотя бы и заблуждающагося въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, человѣка свободно молиться“, т.-е. гарантировать свободу вѣроисповѣданія всѣмъ сектамъ, за исключеніемъ тѣхъ, ученіе которыхъ будетъ признано особо вреднымъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности всѣ безъ исключенія старообрядцы, разъ дѣло касается ихъ вѣры, не могутъ сдѣлать шага безъ разрѣшенія администраціи. Право давать или не давать разрѣшеніе на открытіе моленныхъ по закону предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ; но съ какимъ трудомъ на практикѣ даются эти разрѣшенія, какъ часто всѣ подобныя ходатайства остаются безъ отвѣта! Не лучшимъ ли примѣромъ ненормальности положенія служатъ факты, свидѣтельствующіе, что на 75,000 населенія старообрядцевъ въ громадной нижегородской епархіи приходится лишь 12 разрѣшенныхъ правительствомъ моленныхъ, а

въ вятской — всего пять. Естественно, что при такихъ условіяхъ помимо официально существующихъ въ указанныхъ епархіяхъ имѣется масса неразрѣшенныхъ моленныхъ: въ нижегородской — 172, въ вятской — 60 [1]). Несмотря на многочисленныя рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, разъяснившія, что на устройство общественнаго богомоленія въ частномъ домѣ разрѣшенія не требуется, всѣ эти моленныя существуютъ подъ постоянной угрозой „полицейскаго разгрома и судебной волокиты". Законъ 3-го мая запрещаетъ раскольникамъ публичное „оказательство" вѣроученія, мотивируя это запрещеніе возможнымъ „соблазномъ" для православныхъ; къ этимъ внѣшнимъ оказательствамъ (ст. 59-я Уст. пред.) относятся употребленіе внѣ домовъ, часовенъ и молитвенныхъ зданій церковнаго облаченія или монашескаго и священнослужительскаго одѣянія, крестные ходы, публичное ношеніе иконъ, раскольничье пѣніе на улицахъ, наружные колокола на молитвенныхъ зданіяхъ и т. д.,— все это запрещается даже на кладбищахъ, гдѣ „раскольникамъ" отводятся отдѣльныя мѣста; администрація и духовенство даже этимъ не удовлетворяются и къ внѣшнимъ оказательствамъ подобнаго рода относятъ ношеніе шляпъ, походящихъ сколько-нибудь на шляпы у православнаго духовенства, предъявляютъ требованія, чтобы старообрядческое духовенство не носило длинныхъ волосъ, а стригло ихъ по примѣру мѣщанъ и крестьянъ, къ сословію которыхъ оно принадлежитъ, и т. д. Законъ 3-го мая (ст. 46-я) предоставилъ право уставщикамъ, наставникамъ и другимъ лицамъ исполнять духовныя требы у раскольниковъ, не подвергаясь преслѣдованіямъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они окажутся виновными въ распространеніи своихъ заблужденій между православными или въ иныхъ преступныхъ дѣяніяхъ, а между тѣмъ администрація сплошь да рядомъ требуетъ отъ духовныхъ старообрядческихъ пастырей отказа отъ священническаго званія и совершенія службъ, а не желающіе исполнять противозаконныя требованія администраціи подвергаются высылкѣ. Старообрядцамъ предоставлено право исправлять и возобновлять принадлежащія имъ часовни и молитвенныя зданія, приходящія въ ветхость, съ

[1]) Эти данныя относятся ко второй половинѣ 90-хъ годовъ.

тѣмъ, однако, чтобы общій наружный видъ исправленнаго или возобновленнаго зданія не былъ измѣняемъ (ст. 48-я). На производство этихъ работъ должно быть испрошено каждый разъ особое разрѣшеніе высшей администраціи; и здѣсь снова встрѣчаются безконечныя препятствія, о чемъ свидѣтельствуютъ безчисленные судебные процессы, доходящіе до Сената.

Все это, казалось бы,—мелочи, но жизнь при такихъ условіяхъ дѣлается невыносимой. Мыслима ли такая регламентація, такое мелочное вмѣшательство въ частную жизнь, когда нельзя исправить развалившееся окно безъ разрѣшенія *высшей* администраціи.

Старообрядцамъ запрещается заводить скиты и обители (ст. 47); въ сущности же ихъ многочисленныя богадѣльни играютъ роль такихъ обителей, куда люди уходятъ отъ мірской суеты,—и сюда проникаетъ око всевластной администраціи: въ видѣ начальниковъ надъ этими монастырями поставлены свѣтскія лица, принадлежащія къ господствующему вѣроисповѣданію,—чиновники Министерства Внутреннихъ дѣлъ...

Нарушеніе всѣхъ этихъ постановленій въ огромномъ большинствѣ случаевъ влечетъ за собой кару въ видѣ ссылки и тюремнаго заключенія.

Предоставленные всецѣло „усмотрѣнію“ администраціи, старообрядцы въ жизни часто подвергаются такимъ преслѣдованіямъ, которыя можно назвать лишь гоненіями за вѣру. Таковы, напр., извѣстные факты уничтоженія старообрядческихъ мощей, возбужденія народныхъ страстей путемъ пресловутыхъ уличныхъ изданій, возведенія на старообрядцевъ необычайныхъ небылицъ, что́ такъ часто практикуется на страницахъ нашей охранительной печати, и т. д. и т. д.

Для борьбы съ „расколомъ“ практикуются въ настоящее время различныя миссіи, собесѣдованія о вѣрѣ и проч., „дабы словомъ, путемъ убѣжденій“ содѣйствовать возвращенію „раскольниковъ“ на лоно господствующей церкви, но на практикѣ эти мирныя противораскольничьи миссіи и собесѣдованія о вѣрѣ, нерѣдко даже въ присутствіи представителей жандармеріи, выливаются въ уродливую форму и служатъ лишь орудіемъ провокаторства; потому лучшіе представители старообрядческаго міра, не разъ уже пострадавшіе за попытки высказать открыто и свободно свои религіозныя убѣжденія,

старательно избѣгаютъ подобнаго рода собесѣдованій, зная по горькому опыту, какъ рискованно искренно говорить о томъ, что думаешь, даже тогда, когда на это вызываетъ само начальство...

Для урегулированія семейнаго положенія старообрядцевъ еще по закону 19-го апрѣля 1874 г. заведены метрическія книги, веденіе которыхъ возложено на полицію. И здѣсь снова цѣлый рядъ самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, на почвѣ которыхъ развиваются потрясающія драмы, когда законныя жены и законныя дѣти старообрядцевъ признаются администраціей незаконными, когда старообрядцы, по недоразумѣнію или произволу, вопреки многочисленнымъ разъясненіямъ высшей въ имперіи судебной инстанціи — Сената, попадаютъ въ рангъ отпавшихъ и должны нести всѣ послѣдствія такъ называемаго отпаденія отъ православія.

Если бы сгруппировать всѣ эти данныя, несомнѣнно, получилась бы такая яркая картина злоупотребленій, что сдѣлалось бы понятнымъ ходатайство, съ которымъ въ 1901 г. обратились старообрядцы Поволжья за подписью 49,713 лицъ: они просили избавить ихъ отъ „преслѣдованія за мнѣнія о вѣрѣ“, просили о сохраненіи имъ, по крайней мѣрѣ, той условной свободы, тѣхъ ограниченныхъ правъ, которыя имъ были предоставлены закономъ 3-го мая 1883 года и которыми въ настоящее время они почти не пользуются.

Если, такимъ образомъ, юридическое положеніе раскольниковъ-старообрядцевъ по справедливости можно назвать безправнымъ, то какими словами охарактеризовать положеніе тѣхъ русскихъ сектантовъ, ученіе которыхъ идетъ въ разрѣзъ съ догматами господствующей церкви? Эти сектанты de facto находятся „внѣ закона“; мѣропріятія по отношенію къ нимъ носятъ характеръ такихъ репрессій, которыя немыслимы ни въ одномъ культурномъ европейскомъ государствѣ, не мыслимы ни въ одномъ правовомъ государствѣ, гдѣ обезпечивается какими-либо гарантіями неприкосновенность личности отъ бюрократическаго произвола и насилія администраціи.

Русское законодательство по существу не дѣлаетъ различія между ересью и расколомъ, отождествляя до извѣстной степени оба понятія и различая ихъ только по степени вредности ересей и раскольничьихъ толковъ.

Законъ 3-го мая предоставилъ право на общественныя молитвенныя собранія не только раскольникамъ-старообрядцамъ, но и всѣмъ вообще русскимъ сектантамъ, а Правительствующій Сенатъ въ своихъ рѣшеніяхъ за послѣднее время неуклонно проводитъ ту точку зрѣнія, что при толкованіи закона 3-го мая нельзя устанавливать никакой разницы между коренными раскольниками, т.-е. раскольниками отъ рожденія, и некоренными, т.-е. отпавшими отъ православія. Этимъ самымъ какъ бы санкціонируется возможность отпаденія отъ православія, что такъ категорически отрицаютъ двѣ статьи нашего законодательства (ст. 36-я Уст. пред. и 21-я дух. кон.). Казалось бы, что логика требовала устраненія этихъ противорѣчій и, конечно, въ смыслѣ уничтоженія упомянутыхъ двухъ статей, стоящихъ въ полномъ несоотвѣтствіи съ требованіями современной жизни.

Выдѣляя изъ состава сектъ „особо вредныя“, въ періодъ созданія закона 3-го мая Государственный Совѣтъ призналъ нужнымъ устранить прежнюю форму перечисленія въ ст. 197-й Улож. о нак. этихъ особо вредныхъ сектъ, къ которымъ были отнесены, между прочимъ, духоборы, молокане и др., предоставивъ Министерству Внутреннихъ дѣлъ издавать соотвѣтственныя распоряженія о вредности той или другой секты, соображаясь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ компетентнымъ мнѣніемъ Св. Синода. Такимъ образомъ въ нашемъ законодательствѣ самый терминъ „особо-вредная секта“ былъ устраненъ, и, слѣдовательно, всѣ сектанты, за исключеніемъ послѣдователей вѣроученій, соединенныхъ съ изувѣрными и противонравственными дѣйствіями (ст. 203-я Ул. о нак.), получили право воспользоваться льготами закона 3 мая 1883 г.

Въ теченіе истекшихъ съ тѣхъ поръ 20 лѣтъ къ разряду сектъ „особо-вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніи“ были отнесены штундисты, которымъ, согласно Положенію Комитета Министровъ 4 іюля 1894 г., воспрещены общественныя молитвенныя собранія. Хотя Правительствующій Сенатъ и разъяснилъ, что формула закона 1894 г. можетъ быть примѣнена къ сектантамъ исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда *фактами* доказана наличность признаковъ, характеризующихъ штундизмъ, т.-е. ясно выраженный антигосударственный характеръ секты, тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что съ каждымъ годомъ растетъ число ни-

чѣмъ необоснованныхъ судебныхъ процессовъ по обвиненію сектантовъ въ устройствѣ недозволенныхъ молитвенныхъ собраній,—процессовъ, возникшихъ исключительно на почвѣ произвола полицейской власти, которая, вторгаясь въ чуждую ея непосредственнымъ задачамъ область религіозныхъ вѣрованій, привлекаетъ сектантовъ къ уголовной отвѣтственности по ст. 29-й Уст. о нак., т.-е. за неисполненіе распоряженій полицейскихъ властей. Полицейскія власти, насильственно вторгаясь въ частныя жилища въ цѣляхъ преслѣдованія незаконныхъ сборищъ, не могутъ, конечно, входить на мѣстѣ въ детальное обсужденіе сложнаго научнаго вопроса о принадлежности къ штундизму привлекаемыхъ къ уголовной отвѣтственности сектантовъ—это выясняется лишь впослѣдствіи на судѣ. Уже послѣ того, какъ исполнительная власть разгромитъ молитвенныя собранія сектантовъ, отнесенныхъ по усмотрѣнію администраціи къ штундистамъ, начинается разслѣдованіе признаковъ, на основаніи которыхъ вѣроученіе виновныхъ можетъ быть отнесено къ ученію, именуемому штундой, и только тогда поднимается вопросъ о томъ, насколько правы были сектанты, собравшіеся для отправленія общественнаго молитвеннаго богослуженія. Реабилитировать распоряженія полицейской власти, доказать ихъ правильность и добиться осужденія привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности сектантовъ, — таковы задачи, которыя возложены на свѣдущихъ въ вопросахъ сектовѣдѣнія экспертовъ на судѣ, — всевозможныхъ миссіонеровъ въ кокардахъ, чиновниковъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Эти эксперты произносятъ на судѣ обвинительныя рѣчи противъ сектантовъ и, не имѣя часто никакихъ аргументовъ для обвиненія ихъ въ принадлежности къ гонимому штундизму (согласно разъясненіямъ Сената, нахожденіе одного признака еще недостаточно для обвиненія въ штундизмѣ, недостаточно даже признаніе самихъ сектантовъ, что они — штундисты, разъ это не согласуется съ обстоятельствами дѣла), въ перечисленіе признаковъ штундизма они вводятъ такіе пункты, какъ нахожденіе въ домѣ въ большомъ количествѣ книгъ св. Евангелія, фарисейское воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ, сокрытіе въ глубинѣ духа соціально-политическихъ тенденцій, повиновеніе правительству и законамъ не за совѣсть, а страха ради, и т. д.

И на основаніи такихъ юмористическихъ доводовъ, сектанты, причисленные къ послѣдователямъ штунды, подвергаются не только судебному преслѣдованію, но въ жизни испытываютъ нерѣдко такого рода гоненія, которыя воскрешаютъ передъ нами средневѣковые инквизиторскіе порядки. Въ глубинѣ Россіи, тамъ, гдѣ не шумятъ „столичные витіи“ и гдѣ царитъ вѣковая тишина, — тамъ, по старинамъ традиціямъ, дѣйствуютъ „огнемъ и желѣзомъ“. И такіе факты были засвидѣтельствованы въ самое послѣднее время русской печатью, несмотря на тѣ тиски, въ которыхъ она находилась. Ссылки въ Сибирь и Закавказье, монастырскія тюрьмы, расправа нагайками, военныя экзекуціи въ 1895 г. надъ духоборами, произволъ, доходящій до отобранія молоканскихъ дѣтей въ 1897 г., столь часто повторяющіяся избіенія сектантовъ народными толпами (въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ въ 1901 г.), возбужденными агитаціей и подстрекательствомъ низшихъ агентовъ мѣстной администраціи, приходскаго духовенства или миссіонера — „волка въ овечьей шкурѣ“.

Вотъ тѣ многочисленные факты, характеризующіе правовое или, справедливѣе сказать, безправное положеніе „религіозныхъ отщепенцевъ“, поставленныхъ въ Россіи „внѣ закона“ и предоставленныхъ у насъ всецѣло „административному усмотрѣнію“.

Проблески терпимости, проникшіе было въ русское право, являлись отзвукомъ вѣяній 60-хъ годовъ, они были какъ бы результатомъ сознанія всей безплодности вѣковой борьбы съ религіозными разномысліями,—безплодности именно въ тотъ моментъ, когда сектантство пышно расцвѣло въ періодъ всеобщаго пробужденія русскаго общества, когда вмѣстѣ со смѣной всѣхъ крѣпостныхъ отношеній рушилось и религіозное міросозерцаніе народной массы, несоотвѣтствующее настроенію освободившихся отъ своего прежняго подневольнаго положенія... Ослабѣвали преслѣдованія, ослабѣвалъ естественный и боевой характеръ сектантскихъ вѣроученій, и съ каждымъ годомъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ограничиваются прежнія льготы, все туже и туже затягивается петля, пытающаяся задушить всякое проявленіе свободной мысли, закабалить совѣсть и путемъ насилія задержать столь ненавистный для нѣкоторыхъ ростъ народнаго самосознанія, подавить всѣ проблески

критическаго отношенія къ окружающей средѣ и уничтожить попытки анализировать прежнія общественныя отношенія и перестроить жизнь на новыхъ началахъ.

Въ отчетахъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода мы каждый годъ читаемъ сообщенія о противораскольничьихъ миссіяхъ, о собесѣдованіяхъ, о привлеченіи дѣтей раскольниковъ въ общія народныя школы; мы читаемъ хорошія „слова“ о необходимости „дѣйствовать на заблуждающихся съ мягкостью и кротостью“, „духомъ терпимости, христіанской любви и снисхожденія къ заблуждающимся“, „черезъ раскрытіе и уясненіе ихъ неправоты“, путемъ просвѣщенія и т. д., а въ то же время въ тѣхъ же отчетахъ раздаются постоянныя жалобы на „снисходительность гражданской власти“, на „бездѣйствіе администраціи и суда“, содѣйствующихъ и даже иногда потворствующихъ распространенію сектантскихъ лжеученій...

При современной постановкѣ дѣла всѣ эти миссіи, учрежденныя якобы съ благими намѣреніями подъ вліяніемъ растущаго сознанія безплодности борьбы путемъ репрессивныхъ мѣръ съ идеями, не только не достигаютъ своихъ цѣлей, а приводятъ скорѣе къ противоположнымъ результатамъ. Низшіе агенты, вторя, весьма понятно, словамъ о воздѣйствіи на сектантовъ въ духѣ „мира, любви и сожалѣнія къ врагамъ церкви“, съ каждымъ годомъ все властнѣе и властнѣе требуютъ содѣйствія гражданской власти, чтобы обезпечить свой „нравственный авторитетъ“, требуютъ ограничительныхъ административныхъ мѣръ. Наши миссіонерскіе съѣзды требуютъ по отношенію къ сектантамъ возстановленія порядка, господствовавшаго до изданія закона 3 мая 1883 г.; требуютъ отмѣны всѣхъ дарованныхъ льготъ и возвращенія къ испытанной уже вѣковой „истребительной политикѣ“; требуютъ ограниченія свободы передвиженія сектантовъ, права избранія на общественныя должности, права владѣнія; требуютъ возстановленія практики отобранія дѣтей, административной высылки, — однимъ словомъ, находятъ возможнымъ бороться съ расколо-сектантствомъ путемъ лишь уголовныхъ каръ и административныхъ стѣсненій. Выставляя расколъ и сектантство грозной силой, могущей, по словамъ небезызвѣстнаго редактора *Миссіонерскаго Обозрѣнія*, г. Скворцова, сокрушить даже „русскій колоссъ,

мощный православной вѣрой“ (т.-е. самодержавіе), эти добровольные агенты свѣтской власти, завербовавшіе церковь на службу государству, требуютъ запретить для охраненія общественной безопасности свободу богомоленій почти всѣмъ русскимъ сектантамъ и старообрядцамъ, за исключеніемъ развѣ только послѣдователей поповщинскаго толка.

И что же? Устраненный было изъ нашего Уголовнаго Уложенія терминъ „особо-вредныя секты“ грозитъ воскреснуть, какъ на это указывалъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, путемъ зачисленія всѣхъ фракцій русскаго сектантства въ секту гонимыхъ штундистовъ. Но какъ не дальновидны наши охранители! Вѣковой опытъ привелъ къ крушенію политики репрессалій и показалъ, что при смѣшеніи религіи и государственнаго принципа государство создаетъ себѣ громадную опасность и осуждаетъ себя на политическія осложненія. „Каждый еретикъ, — говоритъ проф. *Рейснеръ* въ своихъ статьяхъ „Мораль, право и религія по дѣйствующему русскому закону“ (*Вѣстникъ Права* 1900 г.), — отрицая истину государственной церкви, невольно будетъ отрицать и само государство; гдѣ церковь и государство слиты, тамъ невольно и неизбѣжно рождается мысль, что не церковь, а государство проповѣдуетъ и защищаетъ данную истину, а слѣдовательно, отрицая данную истину, нужно отвергнуть и то государство, которое ее проповѣдуетъ...“

Хотя провозглашеніе принциповъ свободы совѣсти, установленіе вѣротерпимости само по себѣ вовсе не является синонимомъ отдѣленія церкви отъ государства, какъ вѣрно отмѣтилъ въ своей прекрасной книгѣ „Судъ и раскольники-сектанты“, *Бобрищевъ-Пушкинъ*, чего такъ боятся наши охранители, несомнѣнно, однако, что только при полномъ разграниченіи двухъ этихъ вѣдомствъ возможно установить неприкосновенныя гарантіи свободы совѣсти. Вѣдь сама по себѣ религіозная нетерпимость, быть-можетъ, свойственная отчасти даже каждому вѣроисповѣданію, при отсутствіи реальной грубой силы вращается въ области однихъ „жалкихъ словъ“, она не можетъ воздвигнуть пылающихъ инквизиторскихъ костровъ и мрачныхъ неприступныхъ стѣнъ монастырскихъ крѣпостей.

3 декабря 1904 г.

IV. На Рогожскомъ кладбищѣ.

(По поводу распечатанія алтарей).

Сороковые годы, время казарменнаго режима Николая I, были одними изъ самыхъ тяжелыхъ для старообрядцевъ. Въ періодъ пышнаго расцвѣта программы офиціальной народности съ ея трехчленной формулой: „православіе, самодержавіе и народность", старообрядчество было признано антигосударственнымъ элементомъ, и въ правительственныхъ сферахъ была разработана особая программа репрессій.

При царившемъ беззаконіи и произволѣ правительство не останавливалось ни передъ какими мѣрами. Помимо обычныхъ для повседневной русской жизни того времени тюремъ и ссылокъ, въ правительственную программу борьбы съ сектантствомъ 40-хъ годовъ входили такія мѣры, какъ конфискація имуществъ заподозрѣнныхъ лицъ, отобраніе дѣтей и т. д. и т. д. Въ 1841 году была даже совершена попытка законодательнымъ путемъ лишить старообрядцевъ возможности имѣть правильныя семьи. По Высочайшему Указу было повелѣно составить для безпоповцевъ „однажды и навсегда" семейные списки и никакой уже „прибыли" по нимъ не допускать; новорожденные должны были подвергаться крещенію согласно обрядамъ и законамъ государственной церкви. Правда, такое вопіющее нарушеніе элементарныхъ гражданскихъ правъ населенія недолго оставалось въ видѣ законодательной нормы; 28 ноября 1846 года было Высочайше повелѣно: „Не разлучать членовъ одного семейства за разномысліе о вѣрѣ", но въ жизни еще долго практиковался возмутительный способъ увоза „тайкомъ" дѣтей во время повальныхъ ночныхъ обысковъ, которые производили административно-полицейскія власти совмѣстно съ представителями духовнаго вѣдомства въ старообрядческихъ

селеніяхъ. Перелюстрація писемъ, организованныя соглядатайства надъ цѣлыми мѣстностями, періодическіе обыски и пр. — таковы были мѣры борьбы съ распространеніемъ сектантскихъ ученій. Дѣло доходило до

Рис. 1. Рогожское кладбище. Лѣтній храмъ. Наружный видъ.

того, что нѣкоторые правительственные агенты, предлагали разъ навсегда установить даже типичный образецъ внутренняго устройства крестьянскихъ избъ, дабы преградить возможность устройства различныхъ тайниковъ...

Рис. 2. Зимній храмъ. (Снимки заимствованы изъ коллекціи М. И. Брилліантова).

Въ царствованіе Николая, конечно, подверглись полному разгрому всѣ старообрядческіе храмы, монастыри и моленныя. И однимъ изъ многочисленныхъ звеньевъ въ этой политикѣ репрессій явилось запечатаніе алтарей въ храмахъ Рогожскаго кладбища по Высочайшему повелѣнію 7 іюля 1856 г., т.-е. уже въ новое либеральное царствованіе Александра II.

За что́ же лишены были рогожскіе старообрядцы самыхъ элементарныхъ религіозныхъ правъ, дозволенныхъ, казалось бы, даже при строгомъ архиполицейскомъ Николаевскомъ режимѣ? Мотивы, вызвавшіе эту мѣру, очень не сложны.

Въ 1854 г. умеръ старообрядческій священникъ Ястребцовъ, послѣдній изъ числа тѣхъ бѣглыхъ поповъ господствующей церкви, которыхъ дозволено было старообрядцамъ принимать по указу 1822 г. Такъ какъ въ началѣ царствованія Николая I брать изъ господствующей церкви новыхъ священниковъ было запрещено, то московскіе старообрядцы, такъ называемые поповцы, лишены были возможности совершать богослуженія на Рогожскомъ кладбищѣ, сдѣлавшемся центромъ старообрядчества, пріемлющаго новую австрійскую іерархію; тогда стали служить священники бѣлокриницкаго поставленія. Эти священники, негласно отправлявшіе на Рогожскомъ кладбищѣ столь необходимыя для старообрядцевъ церковныя службы, какъ вѣнчаніе, похороны и пр., не были признаны правительствомъ, и имъ, какъ недозволеннымъ лжепопамъ, было запрещено служить литургію. Такъ продолжалось почти два года, и старообрядцы не нарушили наложеннаго запрещенія. И тѣмъ не менѣе 7 іюля 1856 г., „въ видахъ пресѣченія“ для священниковъ австрійскаго рукоположенія „возможности явиться на смѣну бѣглыхъ поповъ“, были опечатаны алтари Рогожскаго кладбища, и старообрядческіе храмы обращены въ молитвенные дома. Чтобы придать благовидный характеръ такой антирелигіозной въ сущности мѣрѣ, какъ опечатаніе святынь Рогожскаго кладбища, правительство воспользовалось завѣдомо ложнымъ доносомъ.

Въ 1856 г. нѣкоторые представители Рогожскаго кладбища, купцы Сопѣлкинъ, Кабановъ и др. приняли единовѣріе. Для огромнаго большинства искреннихъ старообрядцевъ, не согласившихся отступить отъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, несмотря на всѣ

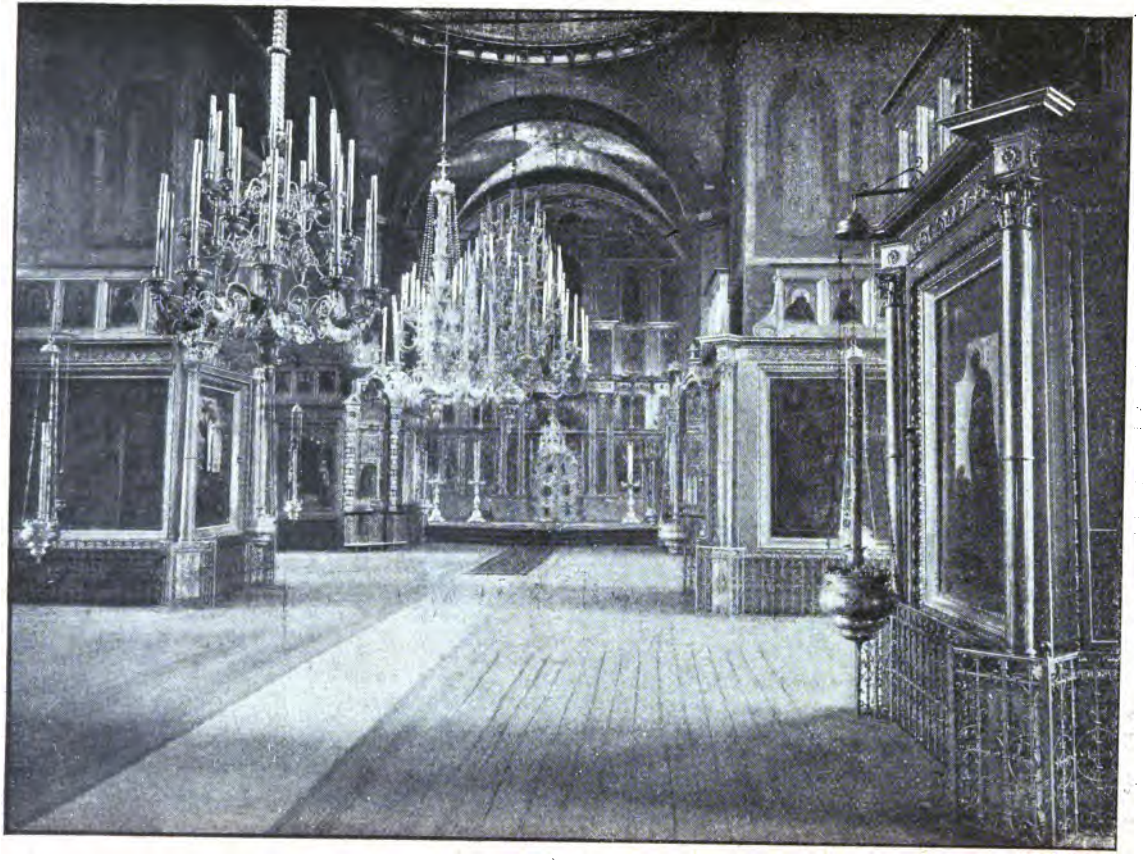


Рис. 3. Средина лѣтняго храма.

правительственныя стѣсненія, эти лица, конечно, были отступниками, въ отношеніи къ которымъ невольно долженъ былъ сказываться оттѣнокъ презрѣнія. Въ глубинѣ души, вѣроятно, чувствовали справедливость такого отношенія и принявшіе единовѣріе. Отсюда становится понятнымъ ихъ враждебное отношеніе къ прежнимъ единомышленникамъ, всегдашняя готовность и желаніе повредить тѣмъ, кто, не прельщаясь мірскими интересами и даруемыми привилегіями, оставался вѣрнымъ своей вѣрѣ и традиціямъ. Эти-то лица и донесли митрополиту Филарету, будто бы священникъ, отправлявшій въ то время церковныя службы на Рогожскомъ кладбищѣ, Д. Д. Крынинъ, несмотря на запрещеніе, служитъ открыто въ алтаряхъ рогожскихъ храмовъ литургію. Нетрудно было, конечно, при желаніи, разобраться въ психологіи людей, отъ отступничества перешедшихъ къ ложнымъ доносамъ, но митрополиту Филарету и его приспѣшникамъ этотъ доносъ былъ на руку.

Еще „въ январѣ 1856 г.,—гласитъ офиціальный актъ,—московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ было доведено до свѣдѣнія (Министерства Внутреннихъ дѣлъ), что смотритель рогожскаго богадѣльнаго дома, статскій совѣтникъ Мосжаковъ, *самопроизвольно* воспретилъ рогожскимъ раскольникамъ совершать въ часовняхъ ихъ богомоленія. Министръ внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Ланской, принимая во вниманіе, что рогожскіе раскольники издавна (со временъ царствованія Екатерины II) отправляли богомоленія въ своихъ часовняхъ, по ихъ обрядамъ, и имѣя въ виду, что Высочайшимъ повелѣніемъ 21 декабря 1853 г. раскольникамъ безпоповщинской секты дозволено собираться въ часовняхъ на Преображенскомъ кладбищѣ для молитвы, отпѣванія умершихъ и совершенія панихидъ, при чемъ разрѣшено имъ церковное пѣніе, и что Высочайшимъ же повелѣніемъ 9 августа 1854 г. предписано принять по рогожскому богадѣльному дому тѣ же мѣры, кои были установлены для Преображенскаго кладбища, призналъ распоряженія смотрителя Мосжакова о воспрещеніи богомоленія въ рогожскихъ часовняхъ неправильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ генералъ-адъютанту графу Закревскому о томъ, чтобы на будущее время не было дѣлаемо препятствія рогожскимъ раскольникамъ отправлять богослуженіе по ихъ обрядамъ въ упомянутыхъ

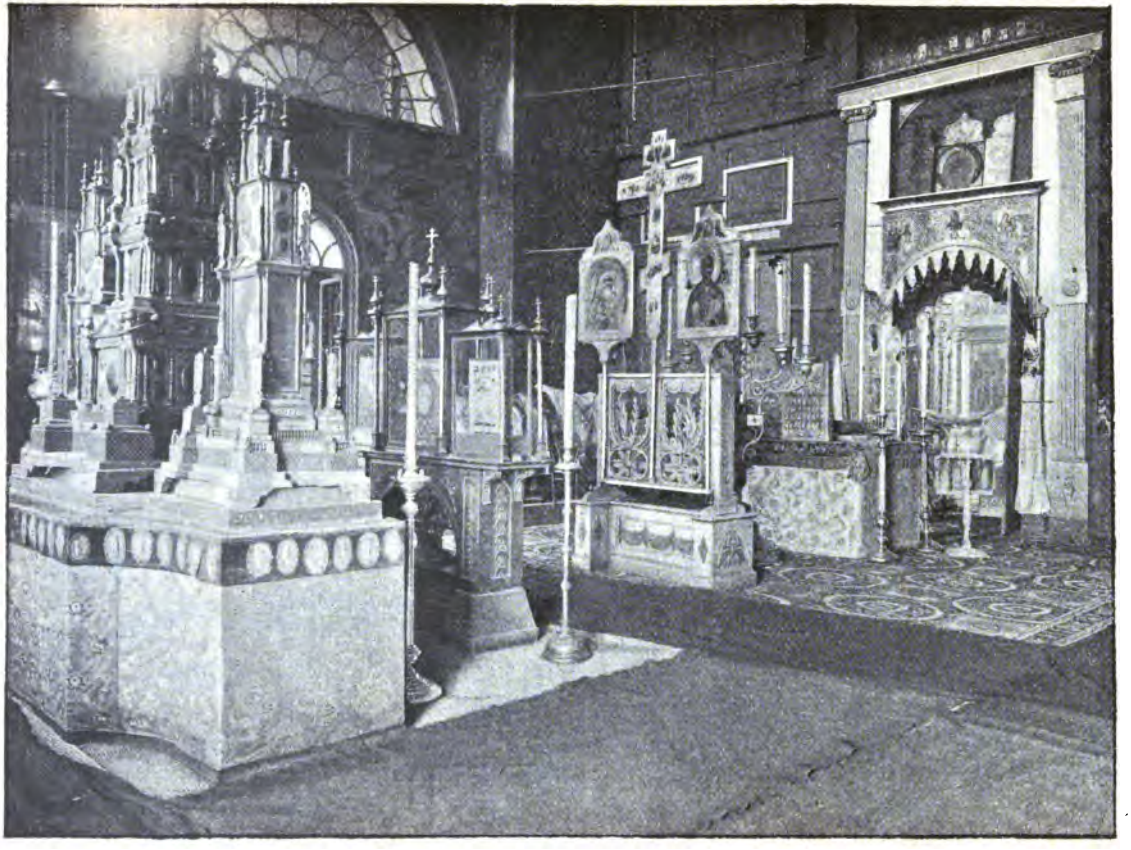


Рис. 4. Въ алтарѣ лѣтняго храма.

часовняхъ, *строго, однако, наблюдая за недопущеніемъ ими при семъ публичнаго оказательства раскола*".

Воспользовавшись послѣдними строками министерскаго предписанія и поступившимъ доносомъ, московскій іерархъ немедленно сообщилъ Синоду, къ какимъ результатамъ ведетъ „либеральничье" Министерства Внутреннихъ дѣлъ. Послѣ отмѣны распоряженія смотрителя Мосжакова, сообщалъ Филаретъ, со стороны рогожскихъ старообрядцевъ немедленно стало появляться во время богомоленій запрещенное „оказательство раскола", что вызвало, между прочимъ, столкновеніе между раскольниками и православными. Въ виду „важности предмета" Высочайше повелѣно было протестъ митрополита внести на разсмотрѣніе „секретнаго комитета". При обсужденіи этого вопроса въ комитетѣ произошло разногласіе, и нѣкоторые члены комитета „въ виду отсутствія формальнаго по сему предмету дознанія" находили „справедливымъ ограничиться строгимъ внушеніемъ раскольникамъ, дабы они при совершеніи своихъ богомоленій отнюдь не дозволяли себѣ такихъ дѣйствій къ соблазну православныхъ, кои противны существующимъ на сей предметъ законоположеніямъ"... Но тѣмъ не менѣе по докладу объ этомъ Государю, Высочайше повелѣно было положить, во избѣжаніе соблазна, на алтари Рогожскаго кладбища печати, что́ и было исполнено 7 іюля полицейскими чиновниками совмѣстно съ представителями православнаго духовенства.

Съ этихъ поръ начались долгія, безрезультатныя, но тѣмъ не менѣе настойчивыя ходатайства старообрядцевъ передъ правительственною властью о снятіи печатей съ алтарей,—ходатайства, которыя подавались при каждомъ удобномъ случаѣ и вызывали со стороны правительства лишь категорическія запрещенія безпокоить впредь такими тщетными заявленіями правительственныя сферы.

Въ эпоху либеральныхъ вѣяній при Лорисъ-Меликовѣ, — эпоху, которую столь поразительно напоминаетъ моментъ, переживаемый вновь Россіей въ наши дни, прогрессивная печать, единодушно бичуя развращающее вліяніе бюрократическаго строя и провозглашая неотъемлемыя права каждаго гражданина на свободу совѣсти, подняла и вопросъ о признаніи религіозныхъ и гражданскихъ правъ за „расколомъ". Тогда

Рис. 5. Въ алтарѣ зимняго храма престолъ, въ моментъ распечатанія.

же было возбуждено ходатайство и самими московскими старообрядцами о распечатаніи алтарей въ храмахъ Рогожскаго кладбища. Это ходатайство увѣнчалось нѣкоторымъ успѣхомъ.

По поводу означеннаго ходатайства 23 представителей рогожской общины старообрядцевъ министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ прежде всего вошелъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода. Послѣдній, какъ и слѣдовало ожидать, остался вѣренъ той политикѣ репрессій, которая постоянно руководила дѣятельностью этого „святѣйшаго“ учрежденія. Маковъ получилъ отвѣтъ, что Святѣйшій Синодъ нашелъ, „что такъ какъ въ рогожскихъ часовняхъ опечатаны только алтари, самыя же часовни оставлены открытыми, такъ что раскольники и въ настоящее время могутъ возносить въ нихъ свои молитвы ко Всевышнему Богу, только лжесвященники ихъ лишены возможности совершать богослуженіе въ тѣхъ алтаряхъ, то посему распечатаніе означенныхъ алтарей не можетъ быть допущено *по духу* постановленій православной церкви, отвергающихъ законное существованіе раскольничьей лжеіерархіи, а между тѣмъ распечатаніе наименованныхъ алтарей съ дозволеніемъ рогожцамъ совершать въ нихъ богослуженіе равнялось бы фактическому признанію раскольнической лжеіерархіи, безъ представителей которой не можетъ быть совершаемо богослуженіе. Сверхъ сего, по мнѣнію Святѣйшаго Синода, нельзя упустить изъ вида и того, что въ настоящее время разрѣшается общій вопросъ о предоставленіи раскольникамъ разныхъ правъ, между прочимъ, и относительно удовлетворенія ихъ религіозныхъ потребностей и отправленія богослуженія. До разрѣшенія этого общаго вопроса частное распоряженіе по сему предмету можетъ оказаться въ противорѣчіи съ ожидаемымъ рѣшеніемъ. По сему Святѣйшій Синодъ не находитъ съ своей стороны основаній къ удовлетворенію настоящаго ходатайства московскихъ раскольниковъ“.

Итакъ, Синодъ подъ благовиднымъ предлогомъ предстоящихъ реформъ желалъ отложить разрѣшеніе дѣла въ далекій ящикъ. Министръ Маковъ въ данномъ случаѣ держался другого взгляда[1]). 2 апрѣля 1880 г. имъ

[1]) Онъ былъ подкупленъ, что обнаружилось и было причиной его самоубійства.

Рис. 6. Въ алтарѣ зимняго храма средина, въ моментъ распечатанія.

былъ внесенъ въ Комитетъ Министровъ докладъ, въ которомъ онъ высказывался за распечатаніе алтарей съ „тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ распечатаніе это было произведено безъ всякой торжественности и оглашенія". Мотивировалъ Маковъ свое предложеніе тѣмъ, что уже „Высочайше утвержденными предначертаніями Комитета 1864 г." принципіально рѣшено было допустить „не только распечатаніе старыхъ, но и устройство вновь раскольническихъ молитвенныхъ зданій"; приведеніе же въ исполненіе законодательнымъ порядкомъ этихъ предположеній замедлилось лишь потому, что правительство намѣревалось „постепенно" вводить новыя видоизмѣненія, касающіяся правъ раскольниковъ. И, конечно, эта постепенность въ проведеніи реформъ, сопряженная съ обычной канцелярской волокитой, затянулась на цѣлыхъ 16 лѣтъ... Въ своемъ докладѣ Маковъ указывалъ, что московскій генералъ-губернаторъ, съ которымъ министръ входилъ въ сношеніе по этому поводу, тоже высказывается за удовлетвореніе ходатайства рогожскихъ старообрядцевъ. Дѣло въ томъ, что по разслѣдованію, произведенному командированнымъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ чиновникомъ, оказалось, что мѣра запечатанія алтарей въ храмахъ Рогожскаго кладбища 7 іюля 1856 г. была принята безъ достаточныхъ основаній. По опросѣ свидѣтелей обнаружено было, что „самоличнаго оказательства раскола на Рогожскомъ кладбищѣ, а также столкновенія съ православными никакого не было"...

Такимъ образомъ даже офиціальное разслѣдованіе доказало лживость донесеній московскаго іерарха; оно обнаружило тѣ неблаговидные пріемы обмановъ и доносовъ, къ которымъ прибѣгали представители духовнаго вѣдомства, чтобы облечь въ болѣе или менѣе приличную форму свою „политику репрессій".

Послѣ доклада министра Макова, ходатайство рогожскихъ старообрядцевъ комитетомъ министровъ было удовлетворено.

Алтари, правда, распечатать не было дозволено, но въ 1881 г. было разрѣшено на амвонахъ поставить временные алтари и въ нихъ совершать богослуженія священникамъ бѣлокриницкой іерархіи.

Но либеральныя вѣянія, какъ извѣстно, въ то время не реализовались въ нѣчто осязательное, система админи-

Рис. 7. Въ алтарѣ зимняго храма справа, въ моментъ распечатанія.

стративно-полицейскаго произвола восторжествовала, и провозглашенная было вѣротерпимость скоро смѣнилась прежней религіозной нетерпимостью. Злостная судьба вновь постигла и Рогожское кладбище, на которое обрушилась со своими ударами реакціонная печать, во главѣ съ извѣстнымъ расколовѣдомъ г. Субботинымъ, выступившая на защиту святой православной церкви и требовавшая въ видахъ государственной безопасности положить предѣлъ домогательствамъ старообрядцевъ и „либеральной прессы“. Въ 1884 г. временные алтари на Рогожскомъ кладбищѣ по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ были снова сняты, и только теперь московскіе старообрядцы добились, по прошествіи 49-ти лѣтъ, распечатанія алтарей! 16 апрѣля 1905 года, когда сняты были печати съ алтарей въ храмахъ Рогожскаго кладбища, можетъ быть названо историческимъ днемъ въ жизни московскихъ старообрядцевъ: впервые по истеченіи полувѣка эти глубоко религіозные люди получили возможность торжественно отслужить настоящую пасхальную заутреню въ церкви съ алтаремъ.

Любопытную картину представляютъ эти алтари, пробывшіе полвѣка съ наглухо забитыми окнами, подъ заржавленными замками и полицейскими печатями въ моментъ снятія печатей.

Алтари Рогожскаго кладбища являются богатѣйшею сокровищницей церковныхъ рѣдкостей; здѣсь собраны древнѣйшая иконопись новгородской и строгоновской школы, иконы, принадлежащія кисти самого знаменитаго Андрея Рублева, и время, конечно, не пощадило этой сокровищницы, наложивъ на нее печать разрушенія. Пятьдесятъ лѣтъ къ алтарямъ не прикасалась человѣческая рука, и много рѣдчайшихъ археологическихъ цѣнностей погибло безвозвратно здѣсь отъ пыли и сырости. Алтарь лѣтней церкви, которая не отапливается, сохранилъ свой прежній видъ, и его оказалось возможнымъ реставрировать довольно скоро,—здѣсь попорчена лишь стѣнная живопись. Но зато полную картину разрушенія представлялъ алтарь зимней церкви. При осмотрѣ его очевидецъ выносилъ жуткое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ находился въ какомъ-то мрачномъ подземельѣ. При мерцаніи свѣчей видны были подъ толстымъ слоемъ пыли провалившійся полъ, обломки рухнувшихъ иконостасовъ съ остатками сгнившихъ иконъ, заплѣсневѣлыя стѣны

Рис. 8. Въ алтарѣ зимняго храма слѣва, въ моментъ распечатанія.

съ безвозвратно погибшею живописью, обвалившейся штукатуркой, обрывки истлѣвшей матеріи и т. д. Въ хаосѣ разрушенія на первыхъ порахъ невозможно было оріентироваться, и много пришлось потратить трудовъ для возстановленія прежняго величія и роскоши.

Если даже на посторонняго человѣка осмотръ алтарей Рогожскаго кладбища производилъ такое гнетущее впечатлѣніе, вызывая въ памяти всѣ былые ужасы религіозныхъ гоненій, то еще болѣе горькое чувство должно было вызывать это у самихъ старообрядцевъ, для которыхъ состояніе ихъ святынь являлось поруганіемъ религіознаго самосознанія.

3 мая 1905 г.

V. Штундисты или баптисты?

(По поводу судебнаго преслѣдованія сектантовъ по 29 ст. Уст. о нак.).

Слѣдя за практикой судебныхъ установленій за послѣдніе годы, мы наблюдаемъ преимущественно въ южной половинѣ Россіи значительное увеличеніе числа процессовъ по обвиненію сектантовъ въ устройствѣ недозволенныхъ молитвенныхъ собраній. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ полиція составляетъ протоколы и привлекаетъ по ст. 29-й Уст. о наказ. (за неисполненіе законныхъ распоряженій, требованій или постановленій правительственныхъ или полицейскихъ властей) къ уголовной отвѣтственности лицъ, признаваемыхъ ею за *послѣдователей секты, именуемой штундой* и отнесенной къ разряду „особо вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніи": послѣдователямъ этой секты, на основаніи Высочайше утвержденнаго 4 іюля 1894 г. Положенія Комитета Министровъ, воспрещаются общественныя молитвенныя собранія, дозволенныя прочимъ расколо-сектантамъ закономъ 3 мая 1883 года.

При анализѣ данныхъ этихъ процессовъ мы замѣчаемъ одно характерное явленіе: привлеченные къ уголовной отвѣтственности сектанты на вопросъ судей, какого вѣроученія являются они послѣдователями, большею частью отвѣчаютъ, что они не штундисты, а баптисты, послѣдователи евангельской секты, или христіане евангельскаго вѣроисповѣданія; напротивъ, приглашенные на судъ въ качествѣ экспертовъ спеціалисты по сектовѣдѣнію, — преимущественно миссіонеры, или духовныя лица,—настаиваютъ, что обвиняемые штундисты и именуютъ себя баптистами съ цѣлью воспользоваться правами и льготами, дарованными баптистамъ-лютеранамъ закономъ 27 марта 1879 г. (1106 ст. Уст. иностр. испов. XI т., ч. I), гарантировавшимъ послѣдователямъ этой секты свободу

въ отправленіи ихъ богослуженія. Такая же точка зрѣнія проводится и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода по вѣдомству православнаго исповѣданія (отчетъ 1897 года) и въ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ, на которые и ссылается экспертиза. Такъ, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 апрѣля 1900 г., за № 10.682, предлагаетъ судебнымъ учрежденіямъ „обратить вниманіе на то, что послѣдователи русской секты штунды, ранѣе уже неправильно присвоившіе себѣ названіе баптистовъ, въ послѣднее время, по изданіи Высочайше утвержденнаго 4 іюля 1894 года Положенія Комитета Министровъ, особенно настойчиво стали именовать себя баптистами, не подходящими подъ дѣйствія вышеуказаннаго закона, и, вводя этимъ путемъ въ заблужденіе судебныя власти, избѣгаютъ иногда судебной отвѣтственности за устройство общественныхъ молитвенныхъ собраній“.

Если такіе случаи, какъ желаніе обойти законъ о штундистахъ 1894 г., на которое указывается въ приведенномъ циркулярѣ, на практикѣ и могутъ встрѣтиться, то во всякомъ случаѣ это не означаетъ, что всѣ русскіе, именующіе себя баптистами, принадлежатъ дѣйствительно къ преслѣдуемой сектѣ штундистовъ. Судебная экспертиза на процессахъ указываетъ, что современная наука сектовѣдѣнія не знаетъ русскихъ баптисовъ и что ученіе нѣмецкихъ баптистовъ, воспринятое русскими уроженцами, получаетъ въ примѣненіи къ этимъ послѣднимъ названіе штунды, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, т.-е. именно той секты, о которой говоритъ законъ 4 іюля 1894 г.

Если наша наука сектовѣдѣнія, по справедливому замѣчанію покойнаго изслѣдователя юридическаго положенія русскаго сектантства, Бобрищева-Пушкина [1]), представляющая изъ себя „нагроможденный въ хаотическомъ безпорядкѣ необработанный историческій и современный матеріалъ“, не знаетъ о существованіи секты русскихъ баптистовъ, то, конечно, изъ этого ещо не вытекаетъ, что такой секты нѣтъ въ дѣйствительности, ибо не наука „сектовѣдѣнія“ создаетъ секты, возникающія подъ вліяніемъ существующихъ въ народѣ умственныхъ и нравственныхъ запросовъ, а обратно.

---

[1]) *Бобрищевъ-Пушкинъ*: „Судъ и раскольники-сектанты“, стр. 137.

Мы разсмотримъ догматическую сторону вѣроученія русскихъ баптистовъ или, выражаясь точнѣе, послѣдователей евангельской секты, а пока замѣтимъ, что самостоятельное существованіе русскаго баптизма признано Правительствующимъ Сенатомъ, который, отвергнувъ распространительное толкованіе закона 4 іюля 1894 г. о воспрещеніи штундистскихъ богомоленій, указалъ, что законъ этотъ преслѣдуетъ штунду, а не „баптизмъ, составляющій сектантство, возникшее на почвѣ терпимаго въ имперіи Россійской инославнаго христіанскаго исповѣданія“ (Дѣло Рѣдичкиныхъ—20 октября 1897 г.), и что русскій баптизмъ не можетъ быть отожествленъ со штундизмомъ (Дѣло Пурена, Загера и Богуля—12 ноября 1896 г., и дѣло Александрова и Крючкова—27 сентября 1897 г.). Неоднократные циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ по этому поводу, на которые ссылается, какъ мы уже указывали, судебная экспертиза (циркуляры 10 октября 1894 г., за № 606, 17 мая 1900 г., за № 3), разъясняютъ что русскихъ баптистовъ не должно смѣшивать съ нѣмецкими баптистами и что на первыхъ не простираются права по отправленію духовныхъ требъ, какими пользуются по закону 27 марта 1879 года баптисты-лютеране. Очевидно, что подобныя разъясненія надо понимать въ томъ именно смыслѣ, что упомянутый законъ былъ изданъ спеціально для нѣмцевъ-колонистовъ, когда среди нихъ распространился баптизмъ, и не простирается на тѣхъ штундистовъ, которые именуютъ себя баптистами въ цѣляхъ обойти законъ 4 іюля 1894 г. Между тѣмъ тѣ изъ послѣдователей евангельской секты, которые въ послѣднее время стали обращаться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствами объ огражденіи ихъ отъ преслѣдованій за совершеніе общественныхъ богомоленій, не упоминая даже о законѣ 27 марта 1879 г., касающагося баптистовъ, просятъ о примѣненіи къ нимъ правъ, предоставленныхъ всѣмъ расколосектантамъ по закону 3 мая 1883 г.

Законъ 3 мая, изданіе котораго Государственный Совѣтъ мотивировалъ заботой объ охраненіи права „каждаго вѣрующаго, хотя бы и заблуждающагося въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, человѣка свободно молиться“, гарантировалъ свободу вѣроисповѣданія всѣмъ сектамъ, за исключеніемъ тѣхъ, ученіе которыхъ признано особо вреднымъ. Эти „особо вредныя секты“ были перечислены въ

ст. 197 Улож. о нак.: „Послѣдователи сектъ, именуемые духоборцами, иконоборцами, молоканами, іудействующими, а равно и другіе, принадлежащіе къ ересямъ, которыя установленнымъ для сего порядкомъ признаны или впослѣдствіи будутъ признаны особенно вредными“. Однако уже въ новой редакціи закона 1 мая 1884 г. эта старая формула дѣленія сектъ на особо вредныя и менѣе вредныя была устранена, и Государственный Совѣтъ призналъ болѣе осторожнымъ не вводить въ законъ признаковъ такого дѣленія, опредѣляя въ отдѣльности вредность той или другой секты. Поэтому ст. 197 была замѣнена ст. о скопцахъ. Въ теченіе истекшихъ съ тѣхъ поръ двадцати лѣтъ къ числу особо вредныхъ сектъ съ воспрещеніемъ послѣдователямъ ихъ общественныхъ молитвенныхъ собраній былъ отнесенъ только штундизмъ. Такъ какъ наше законодательство одну принадлежность къ ересямъ и расколамъ не караетъ (запрещается совращеніе, ст. 189 Улож. о нак., ст. 45 Уст. пред. и пресѣч., и публичное оказательство, ст. 48 и 59 Уст. о пред. и пресѣч., а также распространеніе новыхъ сектъ, ст. 196 Улож. о нак.), то, слѣдовательно, всѣ сектанты, за исключеніемъ штундистовъ и послѣдователей сектъ, соединенныхъ съ изувѣрными и противонравственными дѣйствіями (ст. 203 Ул. о нак.), имѣютъ право воспользоваться льготами закона 3 мая 1883 г., что́ и было разъяснено неоднократно Правительствующимъ Сенатомъ, который истолковалъ законъ 3 мая 1883 г. „въ смыслѣ предоставленія дарованныхъ этимъ закономъ правъ по отправленію богомоленій всѣмъ вообще расколо-сектантамъ, независимо отъ того, принадлежатъ ли они къ расколу отъ рожденія или совратились въ таковой впослѣдствіи“ [1]).

Что же касается штундизма, то въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 3 сентября 1894 г., за № 29, разъясняющемъ смыслъ закона 4 іюля 1894 г., эта секта характеризуется въ слѣдующихъ словахъ: „Послѣдователи

---

[1]) Рядъ справокъ, сдѣланныхъ бывшимъ товарищемъ оберъ-прокурора Правительствующаго Сената, А. М. Бобрищевымъ-Пушкинымъ, показываетъ, что всѣ дѣла относительно раскольниковъ департаменты Сената рѣшаютъ однообразно въ смыслѣ непризнанія никакой разницы между коренными раскольниками, т.-е. раскольниками отъ рожденія, и некоренными, т.-е. отпавшими отъ православія (рѣшеніе по дѣлу Блинова 24 января 1895 г., отъ того же числа по дѣлу Лазарева и Худякова).

секты штунды, отвергая всѣ церковные обряды и таинства, не только не признаютъ власти и возстаютъ противъ присяги и военной службы, уподобляя вѣрныхъ защитниковъ престола и отечества разбойникамъ, но и проповѣдуютъ соціалистическія принципы: такъ, напримѣръ, общее равенство, раздѣлъ имущества и т. п.". Ученія ихъ подрываютъ въ корнѣ основныя начала православной вѣры и русской народности... Затѣмъ въ циркулярѣ разъясняется, что льготы, дарованныя закономъ 3 мая 1883 г. раскольникамъ менѣе вредныхъ сектъ, не могутъ быть примѣняемы къ штундистамъ.

Вотъ тѣ фактическіе признаки, на основаніи которыхъ та или другая секта можетъ быть отнесена къ штундѣ: она должна носить ясно выраженный антицерковный и антигосударственный характеръ, и только тогда сектанты подлежатъ судебной отвѣтственности за нарушеніе ст. 29 Уст. о нак., при чемъ точно должно быть опредѣлено, подходятъ ли обстоятельства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ подъ опредѣленіе штундизма, изложенное въ законѣ 4 іюля 1894 года. Между тѣмъ на практикѣ это далеко не всегда соблюдается; таковы многочисленные случаи, когда подвергаются судебному преслѣдованію подъ видомъ штундистовъ послѣдователи евангельской секты.

Богатѣйшій матеріалъ, собранный по этому поводу А. М. Бобрищевымъ-Пушкинымъ, показываетъ, что „заинтересованная сторона" въ судебныхъ процессахъ о сектантахъ — экспертиза — очень часто, несмотря на установленіе путемъ свидѣтельскихъ показаній и прочихъ судебныхъ доказательствъ того факта, что въ ученіи обвиняемыхъ нѣтъ тѣхъ существенныхъ признаковъ, которымъ законъ 4 іюля 1894 г. характеризуетъ штунду, тѣмъ не менѣе, признаетъ, какъ было уже указано выше, баптизмъ и штундизмъ тожественными, давая этой сектѣ названіе „штундо-баптизмъ", и даже, основываясь на мнѣніяхъ миссіонерскихъ съѣздовъ (2 миссіонерскій съѣздъ въ Москвѣ 1891 г. и 3-й въ Казани 1897 г.), духовныхъ консисторій, считающихъ что въ основѣ русскаго сектантства лежатъ соціалистическіе и коммунистическіе принципы, путемъ „тенденціозно-распространительнаго толкованія" штундизма подводитъ подъ этотъ терминъ всѣ другія современныя

фракціи нашего раціоналистическаго и мистическаго сектантства. Однако это не всегда справедливо.

Если мы разсмотримъ религіозное ученіе такъ называемой евангельской секты, возникшей на почвѣ развитія самосознанія и творчества въ народѣ,—секты, которая совершенно отвлеклась отъ заботъ мірскихъ во имя принципа самосовершенствованія и заботъ о душѣ, то видимъ, что въ вѣроученіи этихъ чистыхъ евангеликовъ совершенно нѣтъ признаковъ, характеризующихъ штундизмъ, а между тѣмъ они-то и привлекаются преимущественно къ уголовной отвѣтственности, какъ послѣдователи запрещенной секты. Вотъ основы ученія послѣдователей евангельской секты „истинныхъ христіанъ", какъ они себя называютъ, изложенное въ ихъ „Исповѣданіи вѣрѣ" [1]).

Священное писаніе Ветхаго и Новаго завѣта, вдохновленное Святымъ Духомъ должно служить единственнымъ источникомъ богопознанія и руководствомъ для поведенія. Богъ учредилъ слѣдующія средства благодати для привлеченія къ себѣ грѣшниковъ: 1) слово Божіе; 2) крещеніе; 3) святую вечерю. Молитва есть душа всѣхъ этихъ средствъ. Соединеніе истинныхъ учениковъ Христовыхъ есть церковь, въ которую вѣрующіе принимаются посредствомъ крещенія, при чемъ совершается оно только надъ взрослыми, сознательно увѣровавшими. Святость, безъ которой никто не увидитъ Господа, есть слѣдствіе оправданія черезъ вѣру во Христа и состоитъ въ умираніи для грѣха и исполненіи закона Бога. Слѣдуетъ строго соблюдать всѣ десять заповѣдей. Богъ отъ вѣчности предопредѣлилъ, кто изъ людей будетъ искупленъ жертвой умилостивленія Единороднаго Сына Іисуса Христа (ученіе о предопредѣленіи, впрочемъ, принимаютъ далеко не всѣ послѣдователи этой секты). Послѣ смерти настанетъ воскресеніе и судъ, при чемъ вѣровавшіе получатъ вѣчное блаженство, а нечестивые будутъ осуждены къ вѣчнымъ мученіямъ... Далѣе этими сектантами признается *таинство св. крещенія, пріобщенія тѣла и крови, бракъ* (послѣдній совершается только между вѣрующими, согласно постановленіямъ гражданскаго закона). Наконецъ *правительство признается Божіимъ установленіемъ*. Четырнадцатый членъ исповѣданія вѣры „о гражданскомъ порядкѣ" гласитъ: „Мы вѣруемъ, что власти отъ Бога установлены, и что Онъ облекаетъ ихъ властью для защиты добрыхъ и для наказанія злодѣевъ. Мы считаемъ себя обязанными оказывать безусловное повиновеніе ихъ законамъ, если эти законы не ограничиваютъ свободнаго исполненія обязанностей нашей христіанской вѣры, и тихою и безмятежною жизнью во всякомъ благо-

[1]) Изложенія вѣроученій евангельской секты, разсѣянныя въ дѣлахъ штундистовъ, использованы отчасти А. М. Бобрищевымъ-Пушкинымъ. Такъ сказать, катехизисъ этой секты изложенъ въ изданной въ Одессѣ брошюрѣ, разрѣшенной цензурой: „Краткое вѣроученіе христіанъ евангельскаго исповѣданія". При составленіи настоящей статьи мы пользовались ихъ собственной печатной брошюрой, гдѣ и находится „Исповѣданіе вѣры", состоящее изъ 15-ти членовъ.

честіи облегчаемъ имъ ихъ тяжелую задачу. Мы считаемъ себя также обязанными по Божію повелѣнію *молиться за правительство*, чтобы оно по Его волѣ и подъ Его милостивой защитой такъ употребляло ввѣренную ему власть, чтобы ею могли быть сохранены міръ и правосудіе. Мы признаемъ, что злоупотребленіе клятвы воспрещено христіанамъ, но что *клятва* (*присяга*),—именно, благоговѣйное, торжественное призываніе нашего Бога во свидѣтели истины,—законно требуемая и даваемая, есть только молитва въ необыкновенной формѣ. Мы вѣруемъ, что правительство, которое и при Новомъ завѣтѣ не напрасно носитъ мечъ, имѣетъ право и обязанность по Божьему закону наказывать смертью и употреблять мечъ противъ враговъ страны въ защиту ввѣренныхъ ему подданныхъ, а посему мы считаемъ себя обязанными *нести военную службу*, когда требуетъ отъ насъ правительство".

Всѣ эти данныя, изложенныя въ вѣроученіяхъ послѣдователей евангельской секты, разсѣянныя по судебнымъ дѣламъ о штундистахъ, подтверждаются также и тѣми ходатайствами, съ которыми сектанты, „исповѣдатели христіанской религіи", обращаются къ министру внутреннихъ дѣлъ: они протестуютъ „противъ произвольнаго навязыванія" имъ несуществующихъ у нихъ убѣжденій, проповѣди соціалистическихъ принциповъ и заявляютъ, что желаютъ „служить Богу, Государю и отечеству", исправно платятъ налоги, идутъ на военную службу, повинуются „властямъ и всѣмъ законамъ, если только они не ограничиваютъ свободнаго исполненія и обязанности христіанской вѣры", исповѣдуемой ими [1]). Однимъ словомъ, они „не угрожаютъ общественной безопасности" и не носятъ того политическаго оттѣнка, который имѣетъ въ виду законъ о штундистахъ.

Просматривая многочисленные примѣры, собранные въ книгѣ Бобрищева-Пушкина—„Судъ и раскольники-сектанты", о характерѣ показаній экспертизы на судебныхъ процессахъ, мы видимъ, что нерѣдко обвиненіе носитъ такой проблематичный характеръ, что представители правосудія, которые должны руководиться фактами, обнаружившимися при разбирательствѣ дѣла, а не какими-либо соображеніями „высшаго порядка", не могутъ ими удовлетворяться: эксперты, какъ указываетъ Бобрищевъ-Пушкинъ, большею частью не стремятся „возстановить признака преступнаго дѣянія in concreto", а говорятъ вообще о штундизмѣ, не примѣняясь къ данному слу-

[1]) *Миссіонерское Обозрѣніе*, № 9-й (іюня) 1903 г., стр. 1357—58.

чаю (наприм., экспертиза по дѣлу Шарикова и др., разсмотрѣнному Сенатомъ 9 февраля 1899 г.).

Въ подобныхъ процессахъ, несомнѣнно, судебныя учрежденія должны исключительно руководиться рѣшеніями кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената по сектантскимъ дѣламъ, доходившимъ до этой верховной судебной инстанціи въ Имперіи (рѣшенія по дѣламъ: 1) Рѣдичкиныхъ—20 октября 1897 года; 2) Головко—20 марта 1900 г.; 3) Бедренко—27 октября 1900 г.; 4) Нехуты—10 апрѣля 1901 г.; 5) Терещенко и Донца—2 ноября 1901 г. и т. д.). Мы приведемъ здѣсь наиболѣе характерное рѣшеніе Сената по поводу протеста товарища прокурора владикавказскаго окружного суда на оправдательный приговоръ владикавказскаго мирового съѣзда по обвиненію Матвѣя Головко и другихъ по 29-й ст. Уст. о нак.

Сенатъ, оставивъ безъ послѣдствія протестъ товарища прокурора, между прочимъ, разъяснилъ, что „различныя наименованія, которыя придаютъ себѣ послѣдователи описанной ереси (штунды), не имѣютъ значенія для установленія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, путемъ изслѣдованія указанными въ законѣ способами принадлежности ихъ именно къ штундизму, точно такъ же, какъ названіе себя штундистами со стороны послѣдователей ученій, не заключающихъ въ себѣ указанныхъ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ несомнѣнныхъ и коренныхъ признаковъ штундизма, само по себѣ не даетъ основанія къ привлеченію ихъ къ отвѣтственности за дѣянія, воспрещенныя исключительно штундистамъ“. Поэтому Правительствующій Сенатъ находитъ, что *„въ каждомъ случаѣ привлеченія* тѣхъ или другихъ сектантовъ къ отвѣтственности за нарушеніе существующаго относительно штундистовъ воспрещенія сходиться для общественныхъ богомоленій на судѣ прежде всего лежитъ обязанность выяснить и установить на основаніи *точно провѣренныхъ обстоятельствъ дѣла*—принадлежатъ ли обвиняемые по существу основныхъ положеній исповѣдуемой ими ереси или расколоученія именно къ штундизму и соотвѣтствуютъ ли сіи основныя положенія приведеннымъ выше указаніямъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, въ силу коихъ штундизмъ выражается: „въ отрицаніи всѣхъ таинствъ и обрядовъ, въ непризнаніи никакихъ властей и отрицаніи присяги и военной службы, напра-

вляется на подрывъ основныхъ началъ православной вѣры и государственнаго строя".

По тому же дѣлу Сенатъ разъяснилъ, что на основ. ст. 119 и 766 Уст. угол. суд. отзывы духовныхъ консисторій не могутъ быть отнесены „къ числу предустановленныхъ доказательствъ, правильность коихъ не подлежитъ провѣркѣ суда" (владикавказская консисторія отзывомъ своимъ отъ 10 февраля 1896 г. за № 807 признала баптизмъ и штундизмъ совершенно тождественными; наприм., II миссіонерскій съѣздъ, бывшій въ Москвѣ въ 1891 г., т.-е. до изданія закона 4 іюля 1894 г. о штундистахъ, перечисляя признаки штунды, вводитъ пункты, совершенно не поддающіеся наблюденію: „фарисейское воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ, повиновеніе правительству и закону не за совѣсть, а страха ради" [1]) и проч... Конечно, при судебныхъ разбирательствахъ подобные признаки виновности не могутъ быть принимаемы во вниманіе).

Уничтожая неоднократно все производство по дѣламъ, въ коихъ сектанты голословно были обвиняемы въ принадлежности къ штундѣ, и кассируя недостаточно обоснованныя рѣшенія судовъ, Правительствующій Сенатъ, не задаваясь вопросомъ, существуетъ ли въ дѣйствительности штундизмъ или нѣтъ, нашелъ, что формула закона 1894 г. можетъ быть примѣнена исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда фактомъ доказана наличность признаковъ, въ ней упомянутыхъ, и что нахожденіе одного признака еще недостаточно для обвиненія въ штундизмѣ; даже признаніе самихъ сектантовъ, что они штундисты, разъ это не согласуется съ обстоятельствами дѣла, изъ коихъ не устанавливается наличность признаковъ, не можетъ, согласно разъясненіямъ Сената, служить основаніемъ къ обвиненію по закону 4 іюля 1894 г.

Многочисленныя рѣшенія Правительствующаго Сената, въ сущности, показываютъ, что въ судебной практикѣ должны быть вообще устранены дѣла о привлеченіи къ уголовной отвѣтственности сектантовъ - штундистовъ по 29 ст. Уст. о нак., такъ какъ сами даже представители обвиненія, напримѣръ, редакторъ *Миссіонерскаго Обозрѣнія*, небезызвѣстный экспертъ по этимъ дѣламъ В. М. Скворцовъ, признаетъ, что „точное опредѣленіе догмы положительнаго ученія штундовой секты пред-

[1]) „Дѣянія 3-го всерос. мисс. съѣзда". стр. 348.

ставляется и нынѣ еще крайне затруднительнымъ, такъ какъ штундизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ содержится онъ въ массѣ послѣдователей, не представляетъ собой *какой-либо опредѣленной богословской системы или вѣроисповѣдной доктрины*“ [1]). Если эти процессы будутъ продолжаться, то, съ одной стороны, грозитъ опасность, что при систематическомъ изложеніи экспертизой (часто малоосвѣдомленной даже въ сектантскихъ дѣлахъ) вѣроученія штундизма, когда въ силу измѣняемости воззрѣній и догматической неустойчивости секты придется смѣшивать всѣ догматическіе признаки въ одно, подсудимые будутъ обвиняться въ принадлежности къ сектѣ, которой въ жизни не существуетъ, а съ другой, — что будутъ наказуемы тѣ сектанты, которые ничего общаго со штундизмомъ не имѣютъ (еще недавно херсонское губернское присутствіе уничтожило „за отсутствіемъ преступленія“ производство по 27-ми дѣламъ о штундистахъ, по которымъ обвинялось до 300 человѣкъ), или тѣ, которые были привлечены къ отвѣтственности низшими агентами администраціи по 29 ст. Уст. о нак. не за недозволенныя молитвенныя собранія, а за нарушеніе обязательныхъ постановленій, воспрещающихъ всякаго рода сходбища, что́ на практикѣ и на самомъ дѣлѣ замѣчается за послѣднее время.

Несомнѣнно, наконецъ, и то, что вопросы о свободѣ совѣсти личности и свободы исповѣданія вѣры, сами по себѣ трудно регламентируемые какими-либо административными предписаніями, не могутъ подлежать вѣдѣнію исполнительной полицейской власти, которой въ такахъ дѣлахъ приходится вторгаться въ чуждую ея непосредственнымъ задачамъ область религіозныхъ вѣрованій и входить въ обсужденіе сложнаго научнаго вопроса о принадлежности привлекаемыхъ къ уголовной отвѣтственности сектантовъ къ той или иной сектѣ.

Надо ли добавлять, что вообще всѣ подобныя преслѣдованія могутъ существовать лишь въ полицейскомъ государствѣ.

„Русская Мысль“, октябрь 1904 г.

---

[1]) Брош. В. М. Скворцова: „О штундизмѣ“, стр. 9.

VI. Духоборы и штундисты.

(По поводу выселенія штундистовъ).

Шесть лѣтъ назадъ часть духоборовъ, доведенныхъ до отчаяннаго положенія въ печальную для нихъ эпоху гоненій 1887 — 98 гг., вынуждена была выселиться изъ Россіи: люди, пытавшіеся осуществить въ своей жизни „законъ всеобъемлющей любви", должны были оставить родину, итти искать счастья на новыя мѣста и приспособляться къ чуждымъ незнакомымъ условіямъ жизни,— все это единственно для того, чтобы гарантировать себѣ неприкосновенность религіозныхъ убѣжденій.

Духоборческая эпопея представляетъ собою одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ исторіи религіозныхъ гоненій въ Россіи, преисполненныхъ глубоко-драматическими эпизодами.

Послѣ жестокихъ гоненій при Павлѣ наступилъ „золотой вѣкъ" для сектантства—время Александра I, когда духоборамъ было разрѣшено изъ Воронежской, Тамбовской губ. и Донской области, гдѣ преимущественно получило распространеніе духоборческое ученіе, переселиться въ Мелитопольскій уѣздъ, Таврической губерніи. Такимъ образомъ здѣсь, на Молочныхъ водахъ, духоборы могли впервые собраться всѣ вмѣстѣ и образовать единую общину; здѣсь они впервые почувствовали нѣкоторую свободу. Вотъ почему столь важное разрѣшеніе для духоборовъ собраться всѣмъ на Молочныя воды, важное для разработки и систематизаціи ихъ ученія, они назвали „манифестомъ широкихъ воротъ". Съ прекращеніемъ жестокихъ преслѣдованій со стороны правительства духоборы, благодаря своей „братской" сплоченности и удивительному трудолюбію, въ короткое время достигли значительнаго матеріальнаго благосостоянія. Ихъ было до 8000 человѣкъ. Они создали обширное об-

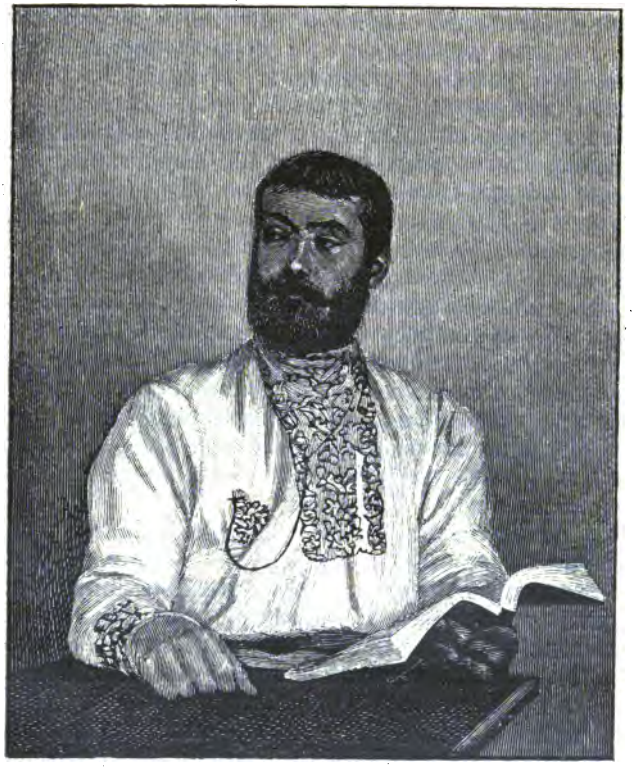
щественное хозяйство, прекрасное организованное самоуправленіе, центромъ котораго было село Терпѣніе съ резиденціей духоборческихъ руководителей въ такъ называемомъ „Сиротскомъ домѣ“.

Спокойная жизнь мелитопольскихъ поселенцевъ, которая, впрочемъ, и въ періодъ „золотого вѣка“ нерѣдко нарушалась правительственнымъ вмѣшательствомъ, при чемъ не мало духоборовъ попадало въ ссылку на Кавказъ и на каторгу въ Сибирь, особенно за отказъ отъ несенія военной службы, несовмѣстимой, по мнѣнію духоборовъ, съ долгомъ истиннаго христіанина,—рѣзко прервалась со вступленіемъ на престолъ Николая I.

Въ 1839 году духоборы въ количествѣ 12.000 съ Молочныхъ водъ были высланы въ глухія и дикія мѣста Закавказья. Новый правительственный актъ являлся вопіющимъ фактомъ беззаконія и произвола, самымъ грубымъ попраніемъ гражданскихъ правъ... но русское правительство никогда не считало себя обязаннымъ охранять интересы населенія. Плодородныя земли на Молочныхъ водахъ, въ которыя духоборы вложили столько труда и заботъ, которыя ихъ собственноручной работой были доведены до образцоваго состоянія, отошли въ казну; имущество было продано за безцѣнокъ, а дома брошены на произволъ судьбы... Однимъ распоряженіемъ правительства было уничтожено съ такимъ трудомъ добытое матеріальное благосостояніе. Духоборы сдѣлались нищими. И этихъ несчастныхъ подъ конвоемъ казаковъ погнали за 2000 верстъ за Кавказскій хребетъ.

Только духоборы, которые смотрѣли на всѣ правительственныя гоненія съ точки зрѣнія необходимыхъ для истинныхъ христіанъ „испытаній“ и „очищеній“, могли выдержать всѣ эти преслѣдованія и не упасть духомъ. Въ высшихъ завѣтахъ религіи они находили утѣшенія и поддержку въ тяжелыя минуты жизни.

Въ суровомъ климатѣ, на горныхъ высотахъ, не пригодныхъ для земледѣлія, духоборы вновь принялись за трудъ. Тяжело имъ было приспособляться къ новымъ, непривычнымъ условіямъ труда и жизни. Но настойчивость взяла верхъ. И здѣсь, въ Закавказьѣ, разоренные духоборы вновь построили Сиротскій домъ въ с. Горѣломъ и завели общественное хозяйство. Вновь они достигли значительнаго благосостоянія. Правительство до времени не вмѣшивалось во внутренніе распорядки



Петръ Вершининъ.

Рис. 9.

духоборческой общины, и благодаря этому никакихъ столкновеній не происходило. Такъ прожили духоборы полстолѣтія. Въ 80-хъ годахъ, однако, на нихъ обрушились новыя правительственныя репрессіи.

Спокойная жизнь повліяла на ослабленіе основъ духоборческаго ученія; они „стали утеривать сознаніе своихъ предковъ“, что особенно замѣтно сказалось въ активномъ участіи духоборовъ въ періодъ русско-турецкой войны. Это вызвало разладъ въ общинѣ. Въ ней образовались двѣ партіи: „большая“, стремившаяся къ возстановленію прежней чистоты, и „малая“, являвшаяся противницей этого возрожденія. Къ сожалѣнію, и здѣсь дѣло не обошлось безъ доносовъ. Представители „малой“ партіи жаловались губернатору. 26 февраля 1887 г. руководитель „большой“ партіи Петръ Веригинъ былъ арестованъ, и его враги, съ помощью администраціи, подкупленной громадными взятками, захватили Сиротскій домъ и все имущество духоборческой общины. Впослѣдствіи послѣ долгихъ тяжбъ Сиротскій домъ и остальное имущество возвращено было обществу, но... оно уже оказалось расхищеннымъ, и въ расхищеніи крупное участіе принимали мѣстныя власти: около полмилліона пошли на одинъ подкупъ правительственныхъ лицъ въ Ахалкалакахъ и въ Тифлисѣ.

Всѣ эти событія имѣли огромное вліяніе на возрожденіе духоборовъ; они показали, къ какимъ неимовѣрнымъ хищеніямъ кавказской администраціи повлекла внутренняя борьба въ духоборческой общинѣ. Среди сторонниковъ „большой“ партіи выдѣлилась особая партія „постниковъ“, которая и взяла на себя задачу возрожденія духоборческаго ученія.

„Въ теченіе зимы 1893—94 гг.,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. И. Дудченко [1]), имѣвшій возможность наблюдать духоборовъ въ этотъ періодъ броженія,—духоборы-постники обсуждали и вырабатывали свое отношеніе къ государству и свое общественно-экономическое устройство. Духоборы знали наперед, что ихъ поступки непремѣнно навлекутъ на нихъ жестокія

---

[1]) Матеріалы къ исторіи и изученію сектантовъ. Вып. I. „Письма духоборческаго руководителя Петра Васильевича Веригина“. Подъ редакціей В. Бончъ-Бруевича. Изданіе „Свободнаго Слова“ (Черткова), Лондонъ.

гоненія... Прошелъ 1894 годъ, который для духоборовъ-постниковъ былъ самымъ интенсивнымъ въ ихъ умственной жизни. Къ этому времени они уже пришли къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ: рѣшительно отказались какимъ бы то ни было образомъ принимать участіе въ поддержаніи насильнической государственной организаціи или подчиняться ей"...

Духоборы не ошиблись, ожидая со стороны правительства самыхъ жестокихъ гоненій. Эти гоненія открылись эрой неимовѣрныхъ хищеній кавказской администраціи, происходившихъ на фонѣ новаго духоборческаго движенія. Богатѣйшіе матеріалы, опубликованные лондонскимъ „Свободнымъ Словомъ", даютъ ужасающую картину насилій, которымъ подвергались духоборы. Эти матеріалы заслуживаютъ большого вниманія, такъ какъ они всѣ подтверждены документальными данными.

Среди духоборовъ начались массовые аресты, и затѣмъ арестованные послѣ полученія соотвѣтствующаго выкупа (въ нѣсколько сотъ рублей) освобождались. Къ духоборамъ подъ видомъ усмиренія „бунта" посылалась экзекуція, и за освобожденіе отъ „экзекуціи" вновь брался выкупъ. Иногда, однако, эти экзекуціи заканчивались и кровавыми сценами... Когда родственники ссылаемыхъ въ Сибирь, пытаясь провѣдать своихъ, обращались за паспортами, мѣстныя власти отказывали въ ихъ выдачѣ, и паспортъ могъ получить лишь тотъ, кто уплачивалъ вмѣсто 1 руб. 45 к. 200—300 и болѣе рублей... По доносамъ недоброжелателей въ духоборческія села посылались солдатскія команды, которыя самымъ беззастѣнчивымъ образомъ грабили населеніе и т. д. Цѣлыя страницы духоборческихъ повѣствованій испещрены подобными фактами...

Духоборы посылали своихъ ходаковъ къ намѣстнику, въ Петербургъ, но безрезультатно. Петербургскіе ходатаи въ Тифлисѣ были посажены въ тюрьмы, а затѣмъ сосланы въ Архангельскую губернію.

Преслѣдованія власти еще болѣе обостряло поднявшееся движеніе въ духоборческомъ обществѣ. Они рѣшили въ категорической формѣ объявить правительству о нежеланіи своемъ отбывать военную службу. И вотъ 29 іюня 1895 года произошла грандіозная демонстрація—сожженіе оружія. Одновременно въ трехъ губерніяхъ, по которымъ были разселены духоборы (Елисаветполь-

ской, Тифлисской и Карской области) въ день Петра и Павла на площадяхъ было сожжено оружіе. Одновременно съ этимъ ополченцы и запасные стали отдавать свои билеты мѣстному начальству. Отказались отъ службы и нѣсколько солдатъ духоборовъ...

Круто расправилось правительство съ ослушниками его воли. Началось усмиреніе. Въ духоборческія села были отправлены казацкіе отряды, которые въ своихъ звѣрствахъ доходили до невозможныхъ неистовствъ: били мужчинъ до смерти, насиловали женщинъ, грабили имущество. Мы не будемъ здѣсь воспроизводить эти леденящія душу картины. Отъ нихъ вѣетъ кровавымъ ужасомъ... Въ результатѣ до 300 человѣкъ, заключенныхъ въ тюрьмы за сожженіе оружія, были сосланы на безсрочную каторгу въ Якутскую область; солдатъ, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ и отказавшихся нести службу, отдали въ дисциплинарные батальоны. И здѣсь ихъ морили голодомъ, истязали, вплоть до сѣченія колючими розгами. Четыре тысячи съ лишнимъ духоборовъ были разселены по грузинскимъ и осетинскимъ ауламъ, въ знойныхъ и лихорадочныхъ долинахъ Тифлисской губерніи. Лишенные земли и права передвиженія, не имѣя заработковъ, они были обречены здѣсь почти на голодную смерть. Только небывалая выносливость и твердость спасли духоборовъ. Однако подъ вліяніемъ невозможно тяжелыхъ условій жизни за три года изъ 4300 человѣкъ умерло здѣсь почти 1000 человѣкъ. Такъ отомстили духоборамъ.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій духоборы рѣшили переселиться. Имъ нечего было болѣе дѣлать на родинѣ-мачехѣ. Правительство, конечно, не сразу согласилось на переселеніе. Русская печать, задавленная бюрократическимъ гнетомъ, молчала. Но положеніе духоборовъ привлекло вниманіе всего культурнаго міра; явилась и денежная помощь извнѣ. Особенно живое участіе въ положеніи духоборовъ приняли англійскіе и американскіе квакеры. Несомнѣнно, подъ вліяніемъ требованій заграничной печати въ началѣ 1898 г. духоборы получили, наконецъ, разрѣшеніе переселиться въ чужія земли, съ тѣмъ, однако, условіемъ, что они теряли право на возвращеніе въ Россію... Въ томъ же году совершилось и переселеніе духоборовъ въ Канаду при помощи нѣкоторыхъ представителей русской интеллигенціи. Такъ

переселилось около 8000. Тамъ за моремъ они добились религіозной свободы и матеріальнаго благосостоянія.

Тяжелое и безотрадное впечатлѣніе произвело на русское общество выселеніе духоборовъ—поистинѣ лучшихъ сыновъ нашего отечества.

Не изгладилось еще тяжелое впечатлѣніе отъ этого глубокаго прискорбнаго факта, какъ на нашихъ глазахъ вновь готовится его повтореніе: въ газетахъ проскользнуло извѣстіе, что въ Нью-Йоркъ прибыла развѣдочная

Рис. 10. Духоборы на кораблѣ (изъ книги Сулержицкаго).

партія (около 100 человѣкъ) русскихъ штундистовъ, направляющихся къ Калифорніи, гдѣ они предполагаютъ образовать поселокъ; если эти ходоки найдутъ условія жизни благопріятными, говорилось въ сообщеніи, то въ Калифорнію прибудутъ еще 200.000 штундистовъ, чтобы основать колонію. Въ возможности такого факта въ виду бывшихъ прецедентовъ нельзя сомнѣваться.

Мы знаемъ, что за послѣдніе годы послѣдователи секты, именуемой штундой, постоянно подвергаются цѣлому ряду административныхъ и судебныхъ каръ, такъ какъ ученіе ихъ, согласно положенію Комитета

Министровъ 4 іюля 1894 года и циркулярнымъ разъясненіямъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ, отнесено къ разряду „особо вредныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніи“: отвергая существующій порядокъ соціально-политической жизни Россіи, штундисты, говоря словами официальныхъ изслѣдователей, мечтаютъ о наступленіи новыхъ формъ жизни. Среди безправнаго положенія „религіозныхъ отщепенцевъ“ штундисты такимъ образомъ занимаютъ самое безправное положеніе; они окончательно лишены тѣхъ незначительныхъ вѣроисповѣдныхъ льготъ, которыя законъ 3 мая 1883 г., сдѣлавшійся подъ вліяніемъ административныхъ распоряженій послѣдняго времени почти мертвою буквой, предоставляетъ прочимъ сектантамъ.

Въ русской печати неоднократно уже выяснялась полная необоснованность тѣхъ многочисленныхъ судебныхъ процессовъ, которые возникаютъ на почвѣ обвиненія такъ называемыхъ штундистовъ въ устройствѣ недозволенныхъ молитвенныхъ собраній, выяснилась на основаніи толкованій Правительствующаго Сената невозможность примѣненія въ огромномъ большинствѣ случаевъ къ привлекаемымъ къ уголовной отвѣтственности сектантамъ формулы закона 4 іюля 1894 г., выяснилась роль въ этихъ процессахъ миссіонеровъ-экспертовъ, являющихся на судъ въ качествѣ вовсе не свѣдущихъ въ вопросахъ сектовѣдѣнія людей, а преднамѣренныхъ обвинителей, и т. д. и т. д., и, конечно, голосъ печати оставался втунѣ: беззаконіе и произволъ торжествовали [1]). Много разъ сами

[1]) Въ жизни, какъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты, штундисты подвергаются весьма часто такимъ же средневѣковымъ истязаніямъ, какъ въ свое время подвергались духоборы. О такомъ вопіющемъ случаѣ, когда въ фактѣ истязанія были замѣшаны „вице-губернаторъ, и земскій начальникъ, и попы, и урядникъ, и миссіонеры православной „смиренной“ „матери-церкви“, и волостной старшина, и десятскіе,— вообще вся мѣстная администрація“, разсказываетъ, напримѣръ, на основаніи подлинныхъ актовъ В. Бончъ-Бруевичъ въ своемъ очеркѣ „Среди сектантовъ“ („Жизнь“, № 5. Августъ 1902 г. Лондонъ). Сектантовъ заставляли обрывать колючій репейникъ голыми руками, сѣкли розгами, жгли тѣло папиросами, зажимали руки въ тиски и жгли раскаленнымъ желѣзомъ, жгли спину, зажавъ бороду въ тиски, вдоль позвоночнаго столба, защемляли сосцы женскихъ грудей и давили ихъ до крови и т. д. и т. д.

Что же это? Вѣдь это самая мрачная пора средневѣковыхъ истязаній и пытокъ! Остается лишь удивляться непоколебимому мужеству и безпримѣрной стойкости народныхъ героевъ, готовыхъ переносить подобныя страданія за идею.

сектанты ходатайствовали объ огражденіи ихъ отъ незаконныхъ, все чаще и чаще повторяющихся судебныхъ преслѣдованій [1]) и произвольнаго навязыванія имъ не существующихъ убѣжденій, и подобныя ходатайства приводили лишь къ отрицательнымъ результатамъ.

Остается сдѣлать одинъ лишь выводъ, что при современномъ полицейско-бюрократическомъ режимѣ въ Россіи нѣтъ мѣста для тѣхъ, кто признаетъ лишь свободу совѣсти и по искренности своихъ убѣжденій, не можетъ итти на компромиссы, — для тѣхъ, кто, какъ говорили штундисты въ послѣднемъ своемъ ходатайствѣ министру внутреннихъ дѣлъ, признаетъ „полную свободу примѣненія ученія Христа каждымъ въ своей жизни по его мощи и разумѣнію".

И вотъ теперь, быть-можетъ, мы наканунѣ выселенія изъ Россіи огромной массы нашихъ согражданъ, не смогшихъ примѣниться къ тяжелымъ условіямъ окружающаго насъ безправія и невыносимо удушливой атмосферы сыска и доноса. Невольно хочется спросить,—да кто же эти люди? И больно сдѣлается за нашу страну, когда придется отвѣтить, что это, несомнѣнно, наиболѣе сознательные и передовые элементы нашей народной среды. Темна и невѣжественна, твердятъ намъ, эта народная масса! И что́ же? По мѣрѣ того, какъ растетъ народное самосознаніе, и подъ вліяніемъ соціальныхъ и экономическихъ факторовъ развивается раціоналистическое сектантство, являющееся, конечно, по преимуществу, продуктомъ прогрессирующей народной мысли, первой ступенью ея развитія и попыткой философскаго обоснованія вопросовъ вѣры; по мѣрѣ того, какъ нарождается способность къ критикѣ и анализу общественныхъ отношеній и въ новой идеологіи пробуждающагося народнаго сомосознанія постепенно на ряду съ религіозными вопросами выдвигается и общественный элементъ (въ раціоналистическомъ сектантствѣ эта эволюція является неминуемой стадіей развитія, особенно при томъ

---

[1]) О числѣ этихъ судебныхъ процессовъ можно судить по слѣдующему примѣру: въ д. Основѣ, Херсонской губерніи, за время 1897—1899 гг. было арестовано „штундистовъ" (баптистовъ) 122 человѣка. Они приговорены были въ общей сложности къ 5995 руб. штрафу или къ отсидкѣ въ арестномъ домѣ въ теченіе 4839 дней. И это почти заурядное явленіе.

несоотвѣтствіи, которое представляетъ въ сознаніи сектантовъ евангельскій идеалъ съ окружающими явленіями), русская дѣйствительность ставитъ носителямъ этихъ новыхъ идей, хотя бы и въ зачаточной ихъ формѣ, такіе, видимо, непреодолимые тормозы и преграды, что остается одно средство — эмигрировать.

У каждаго при такихъ условіяхъ долженъ возникнуть вопросъ: что же будетъ дальше? Неужели остается только бѣжать?

8 января 1905 г.

VII. Инквизиція въ Россіи.

Русскому читателю хорошо, конечно, извѣстна книжка А. С. Пругавина о монастырскихъ тюрьмахъ, приподнявшая, наконецъ, темную завѣсу административной тайны, которая покрывала до послѣдняго времени имена монастырскихъ узниковъ. Недавно эти интересные очерки появились въ Берлинѣ на нѣмецкомъ языкѣ съ предисловіемъ проф. Рейснера и подъ характернымъ заголовкомъ „Die Inquisition der russisch-orthodoxen Kirche“.

Инквизиція въ Россіи! Какъ, дѣйствительно, иначе назвать мрачные казематы монастырскихъ тюремъ, служащихъ средствомъ для борьбы съ религіозными разномыслiями; тѣ вѣковые эшафоты мысли, на которыхъ гибли лучшія идейныя стремленія русскаго народа? По иронiи судьбы тихія обители, долженствующія служить прибѣжищемъ отъ мірскихъ суетъ, полицейскимъ государствомъ превращены въ тюремные замки. Русская дѣйствительность XX вѣка возсоздаетъ передъ нами тяжелыя картины давно прошедшихъ временъ, когда въ застѣнкахъ Преображенскаго Приказа и Тайной Розыскныхъ Дѣлъ Канцеляріи русскихъ гражданъ, отрицавшихъ авторитетъ казенной вѣры, предавали мучительнымъ казнямъ и жестокимъ пыткамъ; когда вольнодумцамъ вырѣзывали ноздри, клеймили раскаленнымъ желѣзомъ, ломали бедра, когда еретиковъ жгли на медленномъ огнѣ... Въ сущности практика нашихъ дней недалеко ушла отъ варварской дѣйствительности средневѣковья, и монастырскія заключенія именно на рубежѣ XX вѣка примѣняются особенно усиленно, какъ то свидѣтельствуютъ неопровержимые факты.

Понятенъ тотъ живой интересъ, съ которымъ западноевропейскій читатель, гражданинъ культурнаго государства, гдѣ твердый правопорядокъ обезпечиваетъ неприкосновенность личности, свободу совѣсти и мысли и гдѣ

кровавые призраки религіозныхъ гоненій не висятъ Дамокловымъ мечомъ надъ совѣстью обывателя, узнаетъ о существованіи еще въ XX вѣкѣ въ Россіи инквизиціи.

Если даже безправный русскій обыватель, столь привыкшій уже къ самымъ беззаконнымъ, вопіющимъ вторженіямъ въ свою частную и общественную жизнь административнаго произвола, съ трудомъ могъ бы повѣрить тѣмъ чудовищнымъ фактамъ, которые сообщаются авторомъ книги, если бы только они не сообщались на основаніи документальныхъ данныхъ изъ „подлинныхъ архивныхъ дѣлъ“, то иностранцу, вѣроятно, до появленія книги Пругавина и не представлялась возможность существованія гдѣ-либо въ Европѣ „свинцовыхъ тюремъ Венеціи“ и застѣнковъ средневѣковья. Книжка о монастырскихъ тюрьмахъ, по мнѣнію заграничной печати, служитъ яркимъ обвинительнымъ актомъ существующему порядку въ Россіи.

Тѣнь самыхъ мрачныхъ среднихъ вѣковъ возстаетъ передъ нами, пишетъ *Die Nation*, когда читаешь потрясающіе факты изъ дѣятельности русской „инквизиціи“, какъ, на протяженіи всего XIX вѣка, русскихъ гражданъ по административному приказу бросали въ монастырскія тюрьмы не только за самые минимальные проступки противъ православной вѣры, но даже за „праведную жизнь“, за гуманное отношеніе къ бѣднымъ (прибавимъ: за подачу докладныхъ записокъ оберъ-прокурору Синода) и т. д.; какъ эти „еретики“, подвергнутые безъ суда и слѣдствія одиночному заключенію въ теченіе десятковъ лѣтъ въ монастырскихъ тюрьмахъ, гибли въ заточеніи отъ холода, голода и грязи и, приговоренные къ смертной казни „учителями любви“ такъ называемой православной церкви, умирали медленной смертью.

Neue Freie Presse, въ преслѣдованіяхъ сектантовъ готова видѣть одну изъ причинъ современнаго освободительнаго движенія въ Россіи. И газета права до извѣстной степени въ своемъ утвержденіи. Преслѣдованія правительственной власти дѣйствительно влекли сектантовъ въ оппозиціонный лагерь и заставляли ихъ анализировать существующій гражданскій порядокъ. И эта критика неминуемо приводила ихъ къ отрицанію самодержавной бюрократіи. Примѣромъ могутъ служить тѣ же духоборы. „Самые кроткіе вѣрноподданные“ во время русско-турецкой войны — черезъ двадцать пять

лѣтъ они принуждены были „отказаться отъ правительства“. Къ этому привела ихъ, какъ они сами свидѣтельствуютъ, дѣятельность правительственной власти: „вмѣсто защиты“ они получили „отъ русскаго правительства настоящее разореніе, потому что за истинную правду сдѣлали (ихъ) преступниками, отняли собственность и выгнали изъ собственныхъ домовъ“... „они не видѣли отъ правительства ни одного праваго, законнаго поступка, а, напротивъ того, переносили отъ правительства всякаго рода насилія, беззаконія и притѣсненія“... „Эти случаи заставили насъ отказаться отъ правительства“, заканчиваетъ цитированная раньше духоборческая рукопись—„Разъясненіе жизни христіанъ“.

Единственно возможный выводъ былъ тотъ, что „законъ русскаго государства не годенъ для истинныхъ христіанъ“. Правительственныя гоненія, несомнѣнно, вводили оппозиціонный, общественный элементъ въ сектантскую идеологію, но они не могли придать сектантству боевую форму. „Непротивленцы злу“ всегда были далеки отъ активнаго выступленія въ рядахъ борцовъ за русскую политическую и соціальную свободу...

Но ряды эти могущественны и сильны теперь, сильны сознаніемъ своего права и долга передъ родиной, томившейся столькіе годы въ оковахъ бюрократическаго гнета. Старыя цѣпи нынѣ готовы уже пасть, и на горизонтѣ гнилого тумана русской дѣйствительности взошла давно желанная заря плѣнительнаго счастья—„заря свободы золотой“. „Покорное и апатичное“ русское общество вышло изъ лѣни „мертвой и позорной“ и перестало мириться съ окружающимъ безправіемъ. Казавшееся еще такъ недавно „безсмысленными мечтаніями“, готово осуществиться на дѣлѣ. Вскорѣ уже падутъ вѣковыя рабскія цѣпи, и будутъ провозглашены неотъемлемыя права человѣка и гражданина. Мы видимъ, что близко то время, когда въ Россіи будетъ, наконецъ, осуществлена свобода совѣсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ устранена и та „печальная аномалія“, которая въ видѣ монастырскихъ тюремъ уцѣлѣла отъ временъ средневѣковой религіозной нетерпимости въ нашей церковно-государственной жизни.

1905 г.

II.

Въ переходное время.

1. Комитетъ Министровъ о свободѣ совѣсти.

„Высочайше утвержденнымъ 11 февраля 1905 г. Положеніемъ Комитета Министровъ о порядкѣ выполненія п. 6 Именнаго Высочайшаго Указа отъ 12 декабря 1904 г. постановлено о немедленномъ прекращеніи дѣйствія всѣхъ принятыхъ по дѣламъ религіознаго свойства въ административномъ порядкѣ мѣръ взысканія"—такъ гласитъ официальный актъ, долженствующій вселить надежду на лучшее будущее среди лицъ, потерпѣвшихъ за свои религіозныя убѣжденія. Но для того, чтобы надежды смѣнились увѣренностью, еще мало одного устраненія неустановленныхъ въ законѣ стѣсненій: нужно установленіе такого порядка, при которомъ сдѣлается невозможнымъ въ будущемъ такое ненормальное явленіе, какъ дополненіе или даже отмѣна закона путемъ административнаго распоряженія.

Коснувшись въ своихъ занятіяхъ по разработкѣ предстоящихъ правительственныхъ реформъ важнаго вопроса о свободѣ совѣсти, Комитетъ Министровъ принципіально высказался за безусловную вѣротерпимость, за устраненіе въ нашемъ законодательствѣ всякаго рода принудительныхъ мѣръ со стороны свѣтской власти въ области вѣры: по мнѣнію Комитета, ограниченіе правъ въ зависимости отъ *религіозныхъ* убѣжденій, не отвѣчая требованіямъ справедливости, не согласно съ духомъ православной церкви и приводитъ лишь къ отрицательнымъ результатамъ. Въ особой комиссіи, образованной при Комитетѣ Министровъ для пересмотра узаконеній о правахъ старообрядцевъ и сектантовъ, много говорилось о неумѣстности вмѣшательства администраціи въ дѣла вѣры, о вредѣ насильственнаго вѣроисповѣднаго закрѣпощенія послѣдователей господствующей церкви, о необходимости освободить православныхъ священниковъ отъ возложенной на нихъ закономъ полицейской обязанности доносить прокурорскому надзору на сектантовъ и отпавшихъ отъ церкви и т. д.

Правильное и всестороннее рѣшеніе вопроса о вѣротерпимости потребовало бы коренного пересмотра всего нашего архаическаго законодательства, стоящаго въ полномъ противорѣчіи съ принципами свободы совѣсти, и этотъ пересмотръ, конечно, прежде всего долженъ коснуться вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ государства и церкви. Здѣсь нельзя ограничиваться частными исправленіями; надо реформировать всю систему.

Но принципіальное рѣшеніе Комитета Министровъ о безусловной вѣротерпимости, какъ и слѣдовало ожидать, въ дѣйствительности не проводится въ его дальнѣйшихъ работахъ. Уже въ первомъ засѣданіи, 25 января, Комитетъ Министровъ, единогласно высказавшись за отмѣну „стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ по *религіознаго* свойства поводамъ", призналъ, однако, что „нѣкоторыя стѣснительныя въ дѣлахъ вѣры мѣропріятія имѣютъ скорѣе *политическое*, чѣмъ религіозное значеніе, и въ силу этого могутъ подлежать сохраненію впредь". Тѣ изъ дѣйствующихъ административныхъ распоряженій, дальнѣйшее существованіе которыхъ будетъ признано необходимыхъ по *государственнымъ* соображеніямъ, должны будутъ получить силу закона.

Естественно возникаетъ вопросъ, какія же изъ этихъ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ свободу вѣроисповѣданія, будутъ подлежать сохраненію? Въ сущности въ основѣ всѣхъ распоряженій, изданныхъ въ послѣднія 20 лѣтъ (послѣ закона 3 мая 1883 г.), какъ мы имѣли случай отмѣтить выше, лежатъ мотивы свѣтскаго характера, что особенно наглядно видно на законѣ 4 іюля 1894 г., запретившемъ общественныя моленія штундистамъ за якобы антигосударственный характеръ ихъ вѣроученія. При тенденціозно-распространительномъ толкованіи термина „штундизмъ" и признаніи, что во всемъ нашемъ раціоналистическомъ сектантствѣ скрываются соціальные и политическіе элементы, т.-е. элементы, съ точки зрѣнія современнаго бюрократическаго правительства, противогосударственные, почти всѣмъ сектантскимъ ученіямъ, какъ это неоднократно уже указывалось, приписывается признакъ особой вредности и стѣснять свободу исповѣданія послѣдователей этихъ сектъ признается необходимымъ „по соображеніямъ государственнаго порядка".

Какими же признаками руководиться при классификаціи отдѣльныхъ сектъ, если признать нужнымъ сохраненіе въ дѣлахъ вѣры тѣхъ стѣснительныхъ мѣропріятій, которыя вызваны мотивами политическими? Съ научной точки зрѣнія русское сектантство можно разсматривать только въ связи съ соціальными и экономическими факторами, и естественно поэтому, что въ любой его фракціи можно найти, хотя бы и въ зачаточной формѣ, политико-общественный элементъ. Если, такимъ сбразомъ, изъ высшихъ „соображеній государственнаго порядка", — соображеній, надо замѣтить, весьма неопредѣленныхъ и обыкновенно слишкомъ широко понимаемыхъ, — будетъ признано необходимымъ, не ограничиваясь выдѣленіемъ тѣхъ сектъ, которыя, по мнѣнію Комитета Министровъ, представляютъ „психически-ненормальныя группы, подлежащія врачебному надзору", распространить религіозныя стѣсненія на тѣ сектантскія ученія, въ которыхъ найдется *политическій* элементъ, то въ сущности вся работа по установленію въ Россіи вѣротерпимости сведется въ концѣ-концовъ лишь къ узаконенію того, что прежде установлялось по преимуществу административнымъ произволомъ.

И Комитетъ Министровъ въ періодъ теоретическаго обсужденія вопроса, признавшій необходимымъ установить „предѣлы" для всемогущаго административнаго усмотрѣнія, перейдя изъ области критики существующаго строя въ область разработки практическаго законодательства, вступилъ на прежній путь сохраненія ралигіозно-полицейской опеки. Провозглашенные принципы остались въ сторонѣ. „Безусловная вѣротерпимость", являющаяся при современныхъ общественно-политическихъ условіяхъ почти синонимомъ возможной полной свободы совѣсти, потонула въ концѣ-концовъ въ той массѣ оговорокъ, которыми постарался окружить и затуманить Комитетъ Министровъ провозглашенные имъ принципы. Иначе и не могло поступить то чиновничье по существу учрежденіе, которое на ряду съ провозглашеніемъ свободы совѣсти русскихъ гражданъ высказывало „рѣшительное убѣжденіе", что этимъ „не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое Основными Законами государства положеніе, признающее первенствующею и господствующею въ Россійской имперіи вѣру христіанскую, православную, католическую, восточнаго исповѣ-

данія"... Комитетъ Министровъ, признавшій недопустимость ограниченія правъ въ зависимости отъ религіозныхъ убѣжденій и отрицавшій „всякое насильственное прикрѣпленіе вѣрующихъ къ опредѣленной религіи", одновременно постановляетъ, что при переходѣ изъ православія въ нехристіанскую религію должны остаться въ силѣ всѣ „невыгодныя относительно актовъ гражданскаго состоянія послѣдствія, которыя произойдутъ, вслѣдствіе непризнанія государствомъ подобнаго перехода состоявшимся". (Это вошло позже въ законъ 17 апрѣля).

Принимая во вниманіе направленіе, которое приняли работы Комитета Министровъ, не трудно предугадать, въ какія формы выльется проектируемая вѣротерпимость. Можно съ увѣренностью сказать, что если и будутъ временно устранены, согласно пункту 6 Именнаго Указа 12 декабря, въ религіозномъ бытѣ „раскольниковъ" и лицъ иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій стѣсненія, прямо въ законѣ не установленныя, если и будетъ облегчено положеніе нѣкоторыхъ религіозныхъ группъ, признанныхъ безопасными въ государственномъ отношеніи, то при нынѣшнемъ порядкѣ едва ли возможны какія-либо мѣропріятія, которыя обезпечили бы невозможность возврата прежнихъ религіозныхъ стѣсненій. Пока будетъ господствовать у насъ фальсифицированная теорія органической связи религіи и политики, пока будетъ существовать подчиненіе церкви государственнымъ видамъ, до тѣхъ поръ не будетъ мѣста въ Россіи для свободы совѣсти. Недавно опубликованная записка представителей офиціальной церкви требуетъ устраненія этого подчиненія, установленія свободной церкви, независимой отъ государственной власти. Но свободная церковь можетъ быть лишь въ свободномъ государствѣ. При существующемъ же режимѣ реформы въ области вѣроисповѣданія неизбѣжно будутъ сводиться къ временному устраненію административныхъ стѣсненій, прямо въ законѣ не установленныхъ, которыя, однако, при возникновеніи вновь прежнихъ взглядовъ на государственную безопасность будутъ возобновляться и вновь ограничивать свободу совѣсти русскихъ гражданъ. И подъ знаменемъ „политики" возсоздастся прежняя полицейская система религіознаго гнета.

13 апрѣля 1905 г

II. Офиціальная вѣротерпимость.

Циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 19 февраля 1905 г. предложено губернскимъ начальствамъ „безъ замедленія“ принять мѣры къ устраненію административныхъ стѣсненій въ области религіи и къ освобожденію тѣхъ лицъ, которыя подверглись по такого рода дѣламъ ограниченіямъ или взысканіямъ въ административномъ порядкѣ. Подобныя же „спѣшныя мѣры“ приняты, по офиціальному извѣщенію, и Министерствомъ Юстиціи.

Опубликованіе такихъ циркуляровъ, конечно, имѣетъ прежде всего цѣлью успокоить общественное мнѣніе, убѣдить общество, что правительствомъ приняты всѣ надлежащія мѣры для устраненія, по крайней мѣрѣ, въ будущемъ столь многочисленныхъ прежде административныхъ злоупотребленій, и внушить довѣріе къ тѣмъ новымъ реформамъ, которыя вырабатываются въ бюрократическихъ сферахъ и проводятся въ жизнь тѣми же бюрократическими средствами. Если у кого, однако, и является увѣренность, что проектируемыя мѣропріятія выведутъ Россію съ пути безправія и произвола на путь законности и свободы, то эта временная иллюзія продолжаетъ разбиваться о факты текущей дѣйствительности, — факты, свидѣтельствующіе, что бюрократія попрежнему продолжаетъ свою рутинную работу и что безполезно вливать въ старые мѣхи новое вино. Такъ обстоитъ, по крайней мѣрѣ, дѣло по отношенію къ столь широко вѣщаемой нынѣ вѣротерпимости. Чтобы не быть голословными, приведемъ нѣсколько фактовъ, проникшихъ въ нашу періодическую печать.

Въ тотъ моментъ, когда уже офиціально была провозглашена въ Россіи вѣротерпимость, на театрѣ военныхъ дѣйствій раненые и умирающіе старообрядцы, проливавшіе свою кровь на поляхъ далекой Маньчжуріи, были

лишены возможности услышать послѣднее напутственное слово передъ смертью отъ своихъ духовниковъ. Старообрядцы просили разрѣшить ихъ священнику посѣщать мѣста нахожденія больныхъ и раненыхъ изъ среды ихъ единовѣрцевъ, и въ этой просьбѣ имъ было отказано. Такое распоряженіе въ серединѣ января, т.-е. по прошествіи мѣсяца со времени изданія Именнаго Высочайшаго Указа 12 декабря, было издано „по надлежащимъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеніямъ“ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи и оповѣщено для исполненія по всѣмъ воинскимъ частямъ. (Циркуляръ начальника штаба за № 28).

Нужны ли комментаріи къ этому извѣстію? Но, быть-можетъ, лишь въ Маньчжуріи „колеса административнаго механизма вертятся въ прежнемъ направленіи?“

Въ тотъ моментъ, когда Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ издается циркуляръ, предписывающій губернскимъ начальствамъ „не допускать впредь въ предѣлахъ губерніи примѣненія къ дѣламъ религіознаго свойства положеній о государственной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ, возбужденныя же и находящіяся въ производствѣ въ означенномъ порядкѣ дѣла прекратить, преподавъ надлежащія по сему предмету разъясненія подвѣдомственнымъ административнымъ мѣстамъ и лицамъ“, по протоколу полиціи въ окрестностяхъ Одессы привлекаются къ уголовной отвѣтственности 39 крестьянъ, молившихся по баптистскому обряду, и земскій начальникъ разсматривавшій это дѣло, приговариваетъ всѣхъ обвиняемыхъ за принадлежность якобы къ сектѣ штундистовъ къ штрафу по 30 руб., съ замѣною арестомъ на двѣ недѣли каждаго *(Русск. Вѣд.*, № 96). Въ то же время въ г. Сумахъ окружный судъ приговариваетъ 18 марта 5 мужчинъ и 7 женщинъ, также за принадлежность къ сектѣ штундистовъ, къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе *(Русск. Вѣд.*, № 79). Между тѣмъ всѣмъ извѣстно, съ какими ненормальными уклоненіями отъ общихъ началъ правосудія происходятъ у насъ сектантскіе процессы, какъ судебное разбирательство по этимъ дѣламъ въ сущности сводится къ административно-полицейской расправѣ, при чемъ представители господствующей церкви, такъ называемые эксперты, являются на судѣ наиболѣе яркими выразителями начала полицейскаго сыска.

Развѣ такая реальная дѣйствительность, представляющая столь разительное противорѣчіе съ офиціальнымъ признаніемъ свободы вѣроисповѣданія, можетъ внушить кому-либо увѣренность, что будутъ устранены въ русской жизни хотя бы даже тѣ административныя стѣсненія свободы совѣсти, которыя не установлены въ законѣ?

Въ настоящее время Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи приводятся въ извѣстность всѣ бывшія въ производствѣ дѣла религіознаго свойства, по которымъ наложены въ административномъ порядкѣ взысканія, и срочно составляются списки лицъ, подвергшихся по этимъ дѣламъ надзору или ограниченіямъ; въ газетахъ появляются извѣстія о возвращеніи изъ ссылки пострадавшихъ за свои религіозныя убѣжденія и освобожденіи ряда лицъ изъ тюремныхъ казематовъ монастырскихъ крѣпостей. По этому поводу А. С. Пругавинъ въ *Сынѣ Отечества* приводитъ заслуживающую большого вниманія справку:

„Въ „*Правительственномъ Вѣстникѣ*“, — пишетъ онъ, — только что опубликовано извѣстіе, въ которомъ сообщается, что въ монастырскихъ тюрьмахъ Суздальскаго и Соловецкаго монастырей въ послѣднее время содержались только семь лицъ, которыя по Высочайшему повелѣнію 29 января и освобождены изъ монастырей. Затѣмъ тутъ же приводятся и фамиліи этихъ лицъ, уже ранѣе сообщенныя газетами. Однако среди этихъ лицъ нѣтъ ни Добролюбова, ни Рудакова, ни Синцорова, ни другихъ заключенныхъ, которые сидѣли въ суздальской тюрьмѣ еще прошлымъ лѣтомъ, когда мы были въ Спасо-Евфиміевскомъ монастырѣ. Точно такъ же и объ освобожденіи только что названныхъ лицъ въ печати сообщеній, сколько намъ извѣстно, не появлялось. Такимъ образомъ невольно является вопросъ, куда же дѣлись эти заключенные? Освобождены ли они изъ монастырскихъ казематовъ, или же, быть-можетъ, переведены въ какія-нибудь новыя тюрьмы? Исторія монастырскихъ заточеній представляетъ множество примѣровъ того, какъ о людяхъ, заключенныхъ въ монастырскіе казематы „впредь до раскаянія“, съ теченіемъ времени начальство совершенно забывало, вслѣдствіе чего заключенные сидѣли въ тюрьмѣ

до тѣхъ поръ, пока смерть не избавляла ихъ отъ дальнѣйшихъ мученій"...

Послѣ этой замѣтки никакого офиціальнаго разъясненія не послѣдовало, и въ обществѣ, конечно, держатся прежнія сомнѣнія. Въ силу тѣхъ ненормальныхъ условій, въ которыхъ находилась у насъ періодическая печать, и той глубокой тайны, которую составляли всегда дѣйствія администраціи, русскій обыватель не имѣетъ даже возможности подсчитать въ настоящее время количество жертвъ, пострадавшихъ за многолѣтнее господство бюрократіи; не имѣя возможности установить общественнаго контроля за ея дѣйствіями, онъ долженъ полагаться искючительно на благожелательность и заявленія той самой бюрократіи, которую факты текущей дѣйствительности такъ дискредитируютъ.

15 апрѣля 1905 г.

III. Провозглашеніе вѣротерпимости.

(По поводу закона 17 апрѣля 1905 г.).

Мы готовы были бы привѣтствовать каждый правительственный актъ, идущій навстрѣчу вѣковымъ нуждамъ русскаго народа; мы готовы были бы высказывать горячія пожеланія и надежды, что эти обѣщанія поведутъ, наконецъ, къ облегченію многострадальной доли нашей родины, изнывающей подъ гнетомъ полицейско-бюрократическаго режима, если бы у насъ была хоть малѣйшая увѣренность, что новыя благія начинанія правительственной власти получатъ реальное осуществленіе въ жизни... Въ дѣйствительности же надо быть большимъ оптимистомъ, чтобы вѣрить въ возможность осуществленія при старомъ порядкѣ обѣщанныхъ реформъ.

Исторія, говорятъ, лучшій картографъ будущаго — и невольно при чтеніи новаго закона 17 апрѣля, долженствующаго отнынѣ „укрѣпить начертанныя въ Основныхъ Законахъ имперіи Россійской начала вѣротерпимости“, въ нашей памяти возсоздается яркая картина еще недавняго прошлаго, мрачныя страницы двухвѣковой нетерпимости, двухвѣковыхъ религіозныхъ гоненій, временами принимавшихъ характеръ средневѣковыхъ ужасовъ.

Со временъ Державной послѣдовательницы французскихъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія принципы вѣротерпимости официально не разъ уже провозглашилась незыблемыми основами русскаго государственнаго строя, и въ то же самое время удушливая атмосфера полицейской опеки все болѣе и болѣе внѣдрялась въ общественную жизнь и желѣзнымъ кольцомъ сковывала совѣсть русскихъ гражданъ. Девятнадцатый вѣкъ былъ у насъ временемъ поистинѣ „полицейской“ вѣротерпи-

мости, самаго широкаго, по признанію даже Комитета Министровъ, „примѣненія административныхъ распоряженій“.

Въ какія бы чудовищно-уродливыя формы не выливался въ отдѣльныхъ жизненныхъ случаяхъ полицейскій произволъ, нельзя, конечно, всю вину въ этомъ отнести на счетъ агентовъ исполнительной власти. „Законы святы, да исполнители — лихіе супостаты“, гласитъ пословица. Но о „святости“ русскихъ законовъ можно говорить лишь въ правительственныхъ актахъ; только въ правительственныхъ актахъ, рѣдко считающихся съ жизненной практикой, можно говорить о началахъ исконной вѣротерпимости въ Россіи. И камни возопіютъ противъ этого. Современная административная практика — прямое послѣдствіе дѣйствующаго права, о чемъ свидѣтельствуетъ уже въ достаточной мѣрѣ все предшествующее изложеніе.

Правда, ст. 44 и 45 Основныхъ Законовъ торжественно объявляютъ, что „всѣ не принадлежащіе къ господствующей церкви подданные Россійскаго государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе на Россійской службѣ или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной“... „Свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ, благословляя царствованіе россійскихъ монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи „благоденствія и укрѣпленіи силы имперіи“. Но не лучшей ли характеристикой этой видимой „свободы вѣры“, гарантированной Основными Законами, служитъ самъ по себѣ тотъ фактъ, что правительственной власти приходится озабочиваться объ устроеніи въ законодательномъ порядкѣ существующихъ „стѣсненій въ области вѣры“. Эти стѣсненія устанавливаются всѣмъ нашимъ обширнымъ законодательствомъ, которое до сихъ поръ еще стоитъ на отжившей точкѣ зрѣнія полицейской опеки надъ религіозной жизнью русскаго народа и вопреки процитированнымъ Основнымъ Законамъ „о свободѣ вѣры“ устанавливаетъ полную религіозную закабаленность.

„Свобода вѣры“ въ нашемъ полицейскомъ государствѣ свелась къ признанію нѣкоторыхъ вѣроученій „терпимыми“ по „усмотрѣнію Министерства Внутреннихъ дѣлъ“ и „по соглашенію“ послѣдняго „съ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія“. По отношенію же къ нетерпимымъ вѣроученіямъ, проскрипціонные списки которыхъ постоянно увеличиваются, отечественное законодательство предписываетъ репрессивныя мѣры.

Наше законодательство создавалось еще въ періодъ XVIII и начала XIX вѣка, и съ тѣхъ поръ, по замѣчанію Комитета Министровъ, „творческая рука законодателя къ нимъ почти не прикасалась“. Новый правительственный актъ, явившійся результатомъ работъ Комитета Министровъ, не менѣе далекъ отъ дѣйствительнаго признанія свободы совѣсти. Онъ вовсе не затрогиваетъ общихъ руководящихъ идей нашего законодательства и только нѣсколько расширяетъ прежнія рамки привилегированныхъ вѣроисповѣданій. Онъ уничтожаетъ тѣ безчисленныя стѣсненія, которымъ подвергались ранѣе русскіе сектанты и старообрядцы, и устраняетъ полицейское прикрѣпленіе личности къ православію. Въ этомъ отношеніи Указъ 17 апрѣля дѣлаетъ, конечно, огромный шагъ впередъ по сравненію съ предшествовавшимъ законодательствомъ. Послѣднее, хотя и „не устанавливаетъ, дѣйствительно, карательныхъ мѣръ за отпаденіе отъ православія, — гласитъ журналъ Комитета Министровъ, — но оно отказывается признать самый фактъ перехода въ другое вѣроисповѣданіе, если таковой совершился, и предписываетъ отпавшаго отдать на увѣщаніе духовному начальству, *впредь же до* воссоединенія его съ православіемъ, населенное имѣніе его взять въ опеку, а для охраненія малолѣтнихъ его дѣтей отъ совращенія принять мѣры. Отвѣтъ же о томъ, какія послѣдствія наступаютъ для совратившагося изъ православія въ случаѣ, если увѣщанія не подѣйствуютъ, законъ не даетъ“. Конечно, если даже законодательная норма не всегда можетъ гарантировать безопасность русскихъ гражданъ отъ самаго грубаго административнаго произвола, то отсутствіе ея открываетъ еще большій просторъ для всемогущаго административнаго усмотрѣнія. Неужели, впрочемъ, конфискація имущества и отобраніе дѣтей сами по себѣ не являются карательными мѣрами? Законъ 17 апрѣля опредѣленно не признаетъ

вѣроотступничество преступленіемъ. И это, хотя бы съ формальной даже стороны, уже, несомнѣнно, крупное пріобрѣтеніе; тѣмъ самымъ создаются извѣстныя рамки, которыя будутъ ограничивать существующій произволъ.

Однако русскому гражданину далеко еще не предоставляется возможность вѣрить такъ, какъ повелѣваетъ ему его совѣсть: послѣдователь господствующаго вѣроученія не подлежитъ преслѣдованію лишь въ томъ случаѣ, если переходитъ въ другое христіанское исповѣданіе. Такое положеніе противорѣчитъ самому элементарному представленію о „безусловной свободѣ совѣсти", а, по компетентному мнѣнію Комитета Министровъ, „разрѣшеніе въ законѣ принятія православными нехристіанскихъ вѣроисповѣданій не соотвѣтствовало бы глубокому сознанію истинности высокихъ началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой"...

Итакъ, по-старому государство оставляетъ за собой контроль надъ совѣстью русскихъ гражданъ; по-старому оно монополію религіозной пропаганды господствующей церкви охраняетъ полицейскими мѣрами и уголовными карами. Все въ сущности остал сь, какъ и было.

Немногочисленныя новшества, вводимыя закономъ 17 апрѣля, еще должны быть согласованы съ остальнымъ нашимъ законодательствомъ, и о нихъ придется детально говорить тогда, когда они будутъ разрабатываться въ различныхъ правительственныхъ комиссіяхъ. Мы увидимъ тогда, какимъ урѣзкамъ подвергнутся эти новшества и въ какихъ миніатюрныхъ размѣрахъ они будутъ осуществляться въ жизни; что это будетъ дѣйствительно такъ—говоритъ все наше прошлое.

Недалекое будущее покажетъ, насколько мы правы въ своей оцѣнкѣ новаго закона о вѣротерпимости. Законъ 17 апрѣля — „не актъ вѣротерпимости или дарованія свободы вѣры,—какъ мѣтко замѣтилъ проф. Рейснеръ,— а только переводъ расколо-сектантскихъ обществъ изъ одного разряда въ другой, съ подчиненіемъ ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ бдительному административному надзору". Комитетъ Министровъ призналъ, что сектантство нынѣ „не представляетъ опасности", и правительство въ видѣ „милости" даруетъ ему привилегіи, признанныя за другими инославными и иновѣрческими религіозными обществами. Совершается это подъ видомъ торжественнаго объявленія свободы совѣсти.

IV. Свобода совѣсти и полицейская опека.

Итакъ, въ Россіи объявлена вѣротерпимость! Теперь она должна быть проведена въ жизнь. Для детальной разработки въ законодательномъ порядкѣ предположенныхъ измѣненій въ дѣйствующихъ узаконеніяхъ Комитетъ Министровъ призналъ нужнымъ учредить особое внѣвѣдомственное совѣщаніе. Это совѣщаніе нынѣ и приступило къ занятіямъ подъ предсѣдательствомъ ген.-адъют. гр. Игнатьева.

Ему предстоитъ выполнить по существу неисполнимую работу: привести въ соотвѣтствіе съ господствующимъ полицейско-бюрократическимъ режимомъ принципы вѣротерпимости. Сколь удачно выполнитъ свою сложную миссію игнатьевское совѣщаніе, покажетъ недалекое будущее, пока же мы видимъ явные признаки господствующей въ правящихъ сферахъ тенденціи свести до возможнаго minimum'а объемъ указа 17 апрѣля.

Не прошло и полутора мѣсяца со дня обнародованія новаго закона, повелѣвшаго устранить всѣ административныя стѣсненія въ области вѣры, какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ ожиданіи, пока профильтруются въ достаточной мѣрѣ въ петербургскихъ бюрократическихъ лабораторіяхъ новыя узаконенія, приведенныя въ соотвѣтствіе съ обветшалымъ, старымъ законодательствомъ, разосланъ на имя губернаторовъ и градоначальниковъ циркуляръ, опредѣляющій образъ дѣйствія мѣстной администраціи и преподающій ей руководящія указанія о примѣненіи на практикѣ Высочайшихъ повелѣній о вѣротерпимости. Устанавливая предѣлы вѣроисповѣдныхъ правъ, дарованныхъ тѣмъ, кто вѣритъ не такъ, какъ повелѣваетъ господствующая церковь, указанный циркуляръ вводитъ слѣдующее весьма существенное ограниченіе указа 17 апрѣля: „Если по ввѣренной вашему превосходительству губерніи были изданы какія-либо правила, ограничивающія старообрядцевъ и сектантовъ въ правахъ на службу государственную и общественную,

то,—гласитъ циркуляръ,—въ *точное* исполненіе... Высочайшихъ повелѣній, правила эти должны прекратить свое дѣйствіе, *если только* вы, милостивый государь, *въ виду соображеній особливой важности не признаете необходимымъ сохранить ихъ въ силѣ и на будущее время*".

Такимъ образомъ попытка установить вѣротерпимость „путемъ твердаго и опредѣленнаго закона, внѣ зависимости отъ какого-либо усмотрѣнія и отъ неосновательныхъ на законѣ административныхъ распоряженій", на первыхъ же порахъ потерпѣла фіаско. Все обстоитъ постарому, что̀ и естественно, разъ во всѣхъ сферахъ продолжаетъ господствовать прежній полицейскій режимъ, который накладываетъ свою тяжелую руку на каждое проявленіе общественной самодѣятельности. Правда, административныя стѣсненія, подлежащія сохраненію въ видахъ пресловутыхъ соображеній „особливой важности", простираются лишь на общественно-правовое положеніе сектантовъ, не ограничивая ихъ духовной свободы, въ жизни, однако, эти ограниченія неизбѣжно будутъ выливаться въ форму религіознаго угнетенія. И до указа о вѣротерпимости 17 апрѣля русское законодательство не преслѣдовало за одно только *мнѣніе* о вѣрѣ, что̀ и давало возможность въ офиціальныхъ сферахъ всегда утверждать, что терпимость въ дѣлахъ вѣры искони освящена была Основными Законами имперіи: всѣ такого рода ограниченія въ послѣдніе годы мотивировались лишь соображеніями политическаго свойства.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, единственный пока правительственный актъ, опубликованный послѣ обнародованія указа 17 апрѣля, разъясняетъ далѣе, что свободное отправленіе общественныхъ богомоленій допускается лишь въ томъ случаѣ, если „эти послѣднія не заключаютъ въ себѣ нарушенія дѣйствующихъ и понынѣ постановленій, опредѣляющихъ недозволенное публичное оказательство раскола". „Если въ отдѣльныхъ случаяхъ,—говорится въ циркулярѣ,—проявленіе вѣрованій будетъ сопряжено съ опасностью для общественной нравственности и спокойствія... или же выразится въ совращеніи православныхъ", то необходимыя мѣропріятія со стороны подлежащихъ административныхъ властей должны заключаться „въ пресѣченіи

и преслѣдованіи на основаніи уголовныхъ законовъ, точно опредѣленныхъ, отдѣльныхъ преступныхъ дѣяній".

Чтобы новая вѣротерпимость, ограниченная по существу, дарующая не свободу совѣсти, а лишь нѣкоторыя привилегіи признаннымъ государствомъ инославнымъ и иновѣрческимъ исповѣданіямъ и отдѣльнымъ религіознымъ общинамъ, не осталась лишь на бумагѣ, представляется существенно важнымъ, чтобы Министерство Юстиціи безъ замедленія выполнило наложенную на него обязанность согласовать дѣйствующій уголовный законъ съ принципами вѣротерпимости, ибо лишь точно опредѣленныя юридическія нормы въ состояніи до извѣстной степени гарантировать въ будущемъ свободу вѣроисповѣданія и устранить въ этой области „административное усмотрѣніе", широкое примѣненіе котораго можетъ сдѣлать мертвой буквой всякій указъ. И, конечно, важно, чтобы эти нормы были выработаны не подъ угломъ узкой точки зрѣнія исключительно полицейской охраны господствующей религіи, а въ цѣляхъ дарованія возможнаго равноправія всѣмъ религіознымъ обществамъ.

Съ этой точки зрѣнія долженъ быть уничтоженъ въ нашемъ законодательствѣ прежде всего пресловутый „терминъ" публичное доказательство, несовмѣстимый съ понятіемъ элементарной свободы совѣсти. Столь же важнымъ въ данный моментъ является раціональное разрѣшеніе вопроса о такъ называемомъ совращеніи.

Этотъ вопросъ, видвинутый текущей дѣйствительностью, неизбѣжно вытекаетъ изъ сознанія каждаго вѣрующаго, что исповѣдуемое имъ ученіе является непреложной истиной и что проповѣдь этой истины составляетъ нравственную обязанность вѣрующаго. Поэтому съ понятіемъ свободы совѣсти неминуемо связывается право на религіозную пропаганду, и если государство, признавая истину лишь за господствующимъ вѣроученіемъ, авторизируетъ его своею властью, пытается гарантировать его неприкосновенность полицейскими мѣрами, предоставляетъ только господствующему вѣроученію исключительное право на религіозную пропаганду, охраняя эту монополію такими средствами, какъ духовная цензура, полицейская поддержка миссіонерской проповѣди и пр., то въ жизни конфликты неизбѣжны, и эти конфликты должны тяжело отзываться

на послѣдователяхъ вѣроученій менѣе привилегированныхъ,—ученій терпимыхъ, но неравноправныхъ.

Хотя Комитетъ Министровъ при обсужденіи вопроса о вѣротерпимости принципіально и высказался противъ полицейской опеки со стороны государства господствующаго вѣроученія, доказывая моральный вредъ, причиняемый этой опекой православію, тѣмъ не менѣе принципы религіозной полиціи сохранили всю свою силу въ программѣ намѣченныхъ Комитетомъ преобразованій въ этой области. Послѣдній же циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ очень опредѣленно говоритъ, что всякое совращеніе должно быть причислено къ дѣяніямъ, подлежащимъ уголовной карѣ; однако это административное предписаніе Министерства Внутреннихъ дѣлъ требуетъ разъясненія, которое, вѣроятно, и не замедлитъ послѣдовать со стороны Министерства Юстиціи, на которое возложены согласованіе уголовнаго закона съ принципами вѣротерпимости и юридическая разработка новаго вопроса о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.

Если отпаденіе отъ православія не включено въ число преступныхъ дѣяній, то невозможно признавать наказуемымъ совращеніе, если только оно не носило насильственнаго характера, такъ какъ, естественно, нельзя карать за подстрекательство къ дѣянію, которое не считается преступленіемъ. Въ сущности съ нѣкоторыми ограниченіями на такую именно точку зрѣнія и становится новое, еще неприведенное въ дѣйствіе Уголовное Уложеніе. Провозглашенное имъ понятіе о совращеніи устраняетъ преступность этого акта, такъ какъ совращеніе посредствомъ убѣжденія, т.-е. совращеніе безъ употребленія преступныхъ средствъ, какъ-то: злоупотребленіе властью, обольщеніе обѣщаніемъ выгодъ, обманъ, насиліе надъ личностью, угрозы, по смыслу закона (ст. 82 — 84), не является наказуемымъ, если только это совращеніе не было связано съ публичнымъ оказательствомъ вѣроученія (ст. 90).

Если тенденція, которую явно обнаруживаетъ бюрократія въ нашемъ полицейскомъ государствѣ, — тенденція признать всякое совращеніе преступнымъ дѣяніемъ, — будетъ осуществлена въ жизни, важный по своему смыслу законъ 17 апрѣля, допускающій свободный переходъ изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, не произведетъ въ сущности коренныхъ измѣне-

ній по сравненію съ предшествующей практикой и сведется лишь къ юридической санкціи того, что и прежде правительство, считаясь съ реальными фактами, принуждено было такъ или иначе до извѣстной степени признавать. Наше законодательство, запрещая категорически православнымъ, рожденнымъ или вступившимъ въ православіе, отступать въ другую вѣру, не рѣшалось, однако, такую вѣроисповѣдную закабаленность назвать юридической, такъ какъ самый актъ отступничества не облагало наказаніемъ: отступникъ подлежалъ лишь усмотрѣнію духовнаго начальства *до вразумленія*. Правительствующій же Сенатъ въ послѣдніе годы въ своихъ рѣшеніяхъ по сектантскимъ дѣламъ не дѣлалъ никакого различія между сектантами коренными отъ рожденія и сектантами некоренными, т.-е. отпавшими отъ православія.

Конечно, юридическое признаніе того, что́ и прежде до нѣкоторой степени терпѣлось въ силу необходимости,—само по себѣ огромный шагъ впередъ, но такое юридическое признаніе акта отступничества является, очевидно, плодомъ государственной тактики, сознанія невозможности и опасности лишать сотни тысячъ лицъ гражданскихъ правъ, а не изъ признанія принциповъ свободы совѣсти, такъ какъ свобода совѣсти, т.-е. признаніе невозможности регулировать административно-полицейскими предписаніями наивысшій нравственный законъ, которымъ руководствуется человѣкъ въ своихъ поступкахъ, конечно, требуетъ свободы пропаганды, свободы доказывать словомъ и убѣжденіемъ правоту и истинность даннаго вѣроученія.

Итакъ, для того, чтобы провозглашенная вновь вѣротерпимость не осталась на бумагѣ, какъ это бывало и прежде съ аналогичными актами, неоднократно уже въ теченіе двухъ послѣднихъ вѣковъ русской исторіи провозглашавшими офиціально принципы свободы вѣроисповѣданія, необходимо произвести коренной пересмотръ всего дѣйствующаго въ этой области законодательства, не ограничиваясь только какими-нибудь частичными исправленіями и измѣненіями. Пересмотръ этотъ долженъ быть произведенъ въ томъ смыслѣ, что навѣки должно быть стерто позорное существованіе религіозной полиціи, — этого мрачнаго пережитка инквизиціи. Уголовныя кары, не соотвѣтствующія христіанскому ученію, не должны примѣняться къ религіознымъ преступле-

ніямъ, и единственнымъ способомъ борьбы съ сектантскими „заблужденіями“ и распространеніемъ новыхъ вѣроученій, если съ ними считаютъ нужнымъ только бороться, должно служить духовное орудіе, заключающееся лишь въ нравственныхъ убѣжденіяхъ, а не въ „палочныхъ ударахъ“. Надо помнить, что полицейская поддержка только умаляетъ православіе, подрываетъ въ корень его нравственный авторитетъ и возбуждаетъ къ нему, какъ это призналъ Комитетъ Министровъ, „фанатическую враждебность“, какъ въ силѣ, мертвящей всякое живое, новое слово.

Высказывая подобныя desiderata, можно быть увѣреннымъ однако, что въ настоящее время такого коренного пересмотра нашего законодательства не можетъ быть совершено, такъ какъ это неразрывно связано съ провѣркой всѣхъ устоевъ современнаго государственнаго строя. Только съ паденіемъ „стараго порядка“, когда на развалинахъ его воздвигнутся представительныя учрежденія и непосредственно раздастся авторитетный голосъ народа, тогда лишь въ Россіи будетъ провозглашена дѣйствительная свобода совѣсти, какъ неотъемлемое право человѣка, а не въ видѣ временной тактической уступки по соображеніямъ государственной политики.

14 іюля 1905 г.

V. Въ поискахъ вѣротерпимости [1]).

(Поѣздка къ сектантамъ).

I.

„Всуе законы писать,
ежели ихъ не исполнять".

Въ маѣ 1905 г. мнѣ пришлось совершить небольшую экскурсію на югъ къ мѣстнымъ сектантамъ-раціоналистамъ. Я былъ среди штундистовъ Харьковской, Полтавской и Херсонской губерній, т.-е. среди тѣхъ сектантовъ, которыхъ огуломъ зачислили въ среду „соціалистовъ" и „революціонеровъ" и такъ усиленно преслѣдовали за послѣдніе годы подъ благовиднымъ предлогомъ якобы антиправительственнаго характера ихъ ученія. Преслѣдователи были наивно убѣждены въ томъ, что путемъ репрессій и неимовѣрныхъ штрафовъ можно заставить этихъ людей отказаться отъ своихъ религіозныхъ вѣрованій, идущихъ въ разрѣзъ съ ученіемъ господствующей церкви, заставить ихъ думать не такъ, какъ повелѣваетъ имъ совѣсть и пробудившееся сознаніе, сумѣвшее критически отнестись къ окружающимъ явленіямъ, а такъ, какъ этого хочется закоснѣлой и застывшей въ своей мертвой неподвижности правящей бюрократіи.

До указа 17-го апрѣля, когда съ провозглашеніемъ принциповъ вѣротерпимости вѣроисповѣдныя привилегіи распространились и на лишенныхъ прежде самыхъ элементарныхъ религіозныхъ правъ штундистовъ, какое-либо непосредственное знакомство съ ними для безпристрастнаго, научнаго изслѣдованія ихъ быта и міровоззрѣнія

---

[1]) Помѣщаемыя иллюстраціи представляютъ большую рѣдкость. Сняты во время суда въ г. Сумахъ, онѣ немедленно были конфискованы мѣстной администраціей.

было невозможно; всякій, кто являлся къ этимъ сектантамъ, занесеннымъ въ проскрипціонные списки политически неблагонадежныхъ, неминуемо зачислялся администраціей въ среду тѣхъ же „крамольниковъ“, и хорошо еще, если такому не въ мѣру смѣлому изслѣдователю приходилось лишь ограничиться болѣе близкимъ знакомствомъ со всѣми прелестями сельскихъ холодныхъ. Только патентованнымъ миссіонерамъ, явнымъ и тайнымъ провокаторамъ былъ открытъ сюда свободный доступъ.

Но вотъ „всколыхнулось болото стоячее“, для Россіи, казалось, наступила новая эра послѣ офиціальнаго объявленія вѣротерпимости.

„Не долженъ царскій гласъ на воздухѣ теряться по-пустому“, наивно думалъ я, вспоминая слова поэта, когда черезъ мѣсяцъ по опубликованіи Высочайшаго Указа о вѣротерпимости отправлялся изъ Москвы въ глубину Россіи, за тысячи верстъ отъ того центра, гдѣ пишутся и публикуются указы, гласящіе о наступленіи обновленной жизни для нашей родины. Однако, многочисленныя злоключенія, которыя я претерпѣлъ въ теченіе своего путешествія, доказали мнѣ обратное: какія-то тайныя пружины попрежнему заставляютъ и высшія и низшія административныя власти дѣйствовать совсѣмъ въ иномъ направленіи, чѣмъ имъ предписывается по тѣмъ правительственнымъ актамъ, о которыхъ доводится до свѣдѣнія русскаго общества. Зардѣвшаяся было заря свободы совѣсти еще не взошла, вѣротерпимость часто остается лишь на бумагѣ, а въ жизни во многихъ случаяхъ господствуетъ классическая формула: все обстоитъ по старому. Тамъ, гдѣ администраціей руководствуютъ соображенія „особливой„ важности“, тамъ попрежнему царитъ религіозная нетерпимость, тамъ попрежнему сохраняютъ всю свою силу „административныя стѣсненія, прямо въ законѣ не установленныя“. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить знаменитое въ судебныхъ лѣтописяхъ село Павловки, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи.

Здѣсь въ 1901 г. произошелъ, какъ извѣстно, погромъ: сектанты, доведенные до „изступленія и полнаго отчаянія“ невозможными окружающими условіями, совершенно исключительными притѣсненіями мѣстныхъ властей, пытались разгромить православную церковь съ цѣлью освободить сокрытую тамъ будто бы „правду“. Эта вспышка

религіознаго фанатизма дорого обошлась сектантамъ, — десятки изъ нихъ понесли суровыя наказанія и до сихъ поръ еще находятся на каторжныхъ работахъ въ Сибири. Имѣющійся въ моемъ распоряженіи матеріалъ даетъ возможность въ настоящее время выяснить много интересныхъ подробностей, относящихся къ этому скорбному событію и не обнаруженныхъ на судѣ, вѣроятно, лишь потому, что судебное разбирательство и предварительное слѣдствіе, какъ и во всѣхъ аналогичныхъ процессахъ у насъ, велись съ вопіющими нарушеніями принциповъ правосудія; документальныя данныя раскрываютъ факты, благодаря которымъ темная исторія павловскаго погрома получаетъ совсѣмъ иное освѣщеніе, и, быть-можетъ, въ ближайшемъ будущемъ, выяснивъ нѣкоторыя обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія погромъ, ту роль, которую сыграла здѣсь администрація, удастся обнаружить истинныхъ виновниковъ всего этого происшествія, и окажется, что осужденные, понесшіе суровыя кары, являлись лишь слѣпымъ орудіемъ тѣхъ, кому нужно было, какъ это ни странно сказать, устроить погромъ. Но объ этомъ старомъ грѣхѣ правящей бюрократіи послѣ... [1])

Погромъ совершился, и это событіе послужило удобнымъ поводомъ разбить армію „революціонеровъ“, каковыми считала павловцевъ и считаетъ по нынѣ администрація. Дабы преградить въ Павловки доступъ постороннимъ вѣяніямъ и оградить сосѣднія села отъ вреднаго вліянія сектантовъ, это село огораживается какой-то непроницаемой китайской стѣной и въ буквальномъ смыслѣ отрѣзывается отъ всего окружающаго міра. Безъ разрѣшенія администраціи никто не можетъ пріѣхать въ Павловки и никто не можетъ оттуда выѣхать. На основаніи Положенія объ усиленной охранѣ здѣсь вводится тотъ полицейскій режимъ, который превращаетъ обывателя въ простую игрушку всевластной администраціи,—гг. мѣстныхъ урядниковъ, земскихъ начальниковъ, становыхъ и т. д. Въ Павловкахъ начинаетъ твориться нѣчто колоссально-вопіющее: обыски, аресты,

[1]) Въ настоящее время нами готовится къ печати спеціальный этюдъ о дѣлѣ павловцевъ, въ которомъ мы постараемся выяснить „позорную“ роль органовъ правосудія, инспирированныхъ высшими представителями министерства юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и вѣдомства православнаго исповѣданія.

несоразмѣрные штрафы, разоряющіе населеніе, становятся здѣсь болѣе, чѣмъ обычными явленіями. Мѣстный урядникъ, вдохновляемый предписаніями свыше, дѣлается безконтрольнымъ царькомъ и вершителемъ судебъ несчастныхъ павловцевъ, ввѣренныхъ его опекѣ, и, вѣроятно, никогда еще въ другомъ мѣстѣ нашей многострадальной родины злоупотребленія администраціи не доходили до такихъ гиперболическихъ размѣровъ. Нигдѣ такъ грубо не попираются неприкосновенность личности и жилища, — во всякое время дня и ночи стражники имѣютъ право врываться въ дома сектантовъ и производить здѣсь обыски; изъ опасенія какой-либо конспираціи всякія сборища сектантовъ разгоняются, и такими недозволенными сборищами считается, когда 2—3 сектанта сойдутся для чтенія Евангелія; мало того, сектантъ не можетъ пойти даже къ сосѣду по хозяйственной надобности,—взять нужный ему топоръ или лемехъ. Крестьянинъ нанимаетъ работника себѣ въ помощь для обработки сада—ихъ обоихъ немедленно арестовываютъ, везутъ по начальству за десятки верстъ, къ становому и исправнику; недѣля, быть-можетъ, проходитъ въ такихъ мытарствахъ, и въ концѣ-концовъ земскій начальникъ на основаніи протокола полиціи приговариваетъ къ 50 рублевому штрафу виновныхъ въ нарушеніи обязательныхъ постановленій, дѣйствующихъ въ Павловкахъ.

До какого произвола могутъ доходить иногда „урядницкіе законы“ въ Павловкахъ, свидѣтельствуетъ одинъ характерный фактъ изъ жизни мѣстныхъ сектантовъ, опубликованный В. Г. Короленко на страницахъ *Русскаго Богатства*. Въ № 4-мъ (1905 г.) этого журнала, въ небольшой замѣткѣ, посвященной павловцамъ, подъ заглавіемъ „О вѣротерпимости, объ урядникѣ Заичкѣ и о крестьянинѣ Ольховикѣ“ В. Г. разсказываетъ такой случай.

Среди павловцевъ, оправданныхъ по суду, находится сектантъ по имени Николай Чернякъ, на дочери котораго женатъ живущій въ 7-ми верстахъ отъ Павловокъ, въ с. Рѣчкахъ, крестьянинъ Иванъ Ольховикъ. И вотъ когда у этого Ольховика является вполнѣ „естественное и законное“ желаніе повидаться съ тестемъ, онъ наталкивается совершенно неожиданно на непреодолимыя препятствія, такъ какъ оказывается, что и на этотъ предметъ существуютъ въ Павловкахъ установленныя мѣстной администраціей особыя „временныя правила“,

Рис. 11. Сектанты въ Павловкахъ, осужденные на каторгу.

регулирующія свиданія родственниковъ. Чтобы осуществить свое желаніе, Ольховику надо совершить продолжительное путешествіе къ уряднику, онъ долженъ пройти 14 съ лишнимъ верстъ (само село Павловки, расположенное въ одну линію, тянется на протяженіи 7-ми верстъ), рискуя часто не получить разрѣшенія на свиданіе съ тестемъ. Если урядникъ Заичка въ хорошемъ расположеніи духа, то, обыскавъ Ольховика, ощупавъ его жену и ребенка, онъ разрѣшаетъ зятю посѣтить тестя. „Но большей частью урядникъ Заичка,— пишетъ В. Г.,—на Ивана Ольховика сердитъ за его религіозныя заблужденія", и въ такомъ случаѣ разрѣшеніе получить не совсѣмъ легко. Заставитъ Заичка просителя нѣсколько часовъ подождать (зимой бываетъ, что и на морозѣ), затѣмъ произведетъ обычный обыскъ и, смилостивившись, разрѣшитъ женѣ просителя съ ребенкомъ отправиться къ ея отцу, но строго накажетъ десятскому: „Ни въ коемъ разѣ не пускать къ Черняку самого Ольховика, дабы онъ съ тестемъ не составилъ немедленно тайнаго религіознаго сообщества и не произвелъ бунта".

Кажется, дальше этого итти некуда. Если мы обратимъ вниманіе на то, что такимъ неимовѣрнымъ стѣсненіямъ подвергаются лица, реабилитированныя по суду и не ограниченныя по закону въ своихъ правахъ, то мы легко себѣ представимъ, какое жалкое существованіе приходится влачить павловскимъ сектантамъ, какъ невыносимо имъ жить при такомъ возмутительномъ полицейскомъ надзорѣ за ихъ политической благонадежностью. И намъ, русскимъ гражданамъ, столь уже привыкшимъ къ самымъ различнымъ проявленіямъ административнаго произвола въ жизни, все же приходится удивляться той нравственной стойкости, съ которой павловскіе сектанты переносили всѣ эти гоненія. Невольно преклоняешься предъ мужествомъ и героизмомъ тѣхъ людей, которые сумѣли сохранить свои убѣжденія и нравственную чистоту въ этой удушливой и развращающей атмосферѣ полицейскаго сыска и доноса.

Въ замѣткѣ о павловцахъ В. Г. Короленко интересовалъ вопросъ, какъ отразится на павловцахъ новый правительственный актъ, провозглашающій облегченія въ дѣлѣ вѣры и совѣсти русскаго народа, какъ совмѣстятся принципы вѣротерпимости съ принципами полицейскаго надзора. Лучшимъ отвѣтомъ на поставленный

Рис. 12. Тоже.

вопросъ, пожалуй, будетъ безхитростное описаніе моихъ приключеній при посѣщеніи Павловокъ.

Мнѣ пришлось быть тамъ два раза, въ началѣ и серединѣ мая, и оказалось, что вѣротерпимость еще не коснулась павловскихъ сектантовъ и что попрежнему тамъ царитъ административный произволъ.

Въ Павловки, очерченныя какъ бы заколдованнымъ кругомъ полицейской опеки, съ 1901 г. не проникалъ никто изъ постороннихъ лицъ. Не только мѣстные церберы въ видѣ полицейскихъ стражниковъ, въ особенномъ обилiи сосредоточенные въ этомъ якобы „революціонномъ“ гнѣздѣ, но и каждый обыватель Павловокъ получилъ исключительное право арестовывать безъ объясненія причинъ вновь прибывшее неизвѣстное въ деревнѣ лицо и доставлять на усмотрѣніе безконтрольнаго вершителя мѣстныхъ дѣлъ—урядника Заички. Понятно, что при такихъ условіяхъ всякія попытки проникнуть въ Павловки, миновавъ эти полицейскія заставы, оканчивались крайне неудачно. Намъ извѣстны двѣ такія неудачныя попытки за истекшіе четыре года, и обѣ онѣ окончились весьма печально для смѣльчаковъ. Такъ, пытался однажды посѣтить Павловки одинъ американецъ, не знакомый съ нашими отечественными порядками; если его миссія къ сектантамъ и не удалась, то онъ вознаградилъ себя за то сторицей, ознакомившись съ павловскими порядками и лично на себѣ испытавъ всю тяжесть этого режима: при въѣздѣ въ Павловки любопытный американецъ былъ немедленно арестованъ и безъ дальнихъ разговоровъ отправленъ этапнымъ порядкомъ къ харьковскому губернатору. Пытались сюда въ другой разъ проникнуть и двое изъ нашихъ наивныхъ соотечественниковъ, недостаточно еще освоившихся съ „самобытными устоями“ русской жизни, но ихъ судьба была еще болѣе печальна...

Итакъ, впервые пришлось проникнуть въ Павловки мнѣ послѣ официальнаго провозглашенія въ Россіи вѣротерпимости. Я явился туда, имѣя, конечно, въ порядкѣ паспортную книжку, помимо этого—удостовѣреніе своей личности и цѣли поѣздки въ видѣ корреспондентскаго билета отъ редакціи *Русскихъ Вѣдомостей* и, наконецъ, другіе документы, свидѣтельствующіе о моихъ занятіяхъ по исторіи раскола и сектантства. Пріѣхалъ въ Павловки я открыто, — можно сказать, съ

Рис. 13. Въ тюрьмѣ.

бубенцами,—и ясно было, что прибылъ я не въ цѣляхъ какой-либо антиправительственной агитаціи и что я, конечно, не „забастовщикъ“, какимъ пытались меня выставить впослѣдствіи нѣкоторые изъ представителей мѣстнаго буржуазнаго крестьянства, изъ тѣхъ, что близко стоятъ къ властямъ. Моя поѣздка носила исключительно научный характеръ; я хотѣлъ познакомиться ближе съ міросозерцаніемъ и бытомъ мѣстныхъ сектантовъ, а потому для меня крайне важно было внушить на первыхъ же порахъ къ себѣ довѣріе со стороны этихъ забитыхъ и угнетенныхъ людей, привыкшихъ, что къ нимъ пріѣзжаютъ лишь со злымъ умысломъ – выпытать и уличить. Вотъ почему, имѣя непосредственно рекомендаціи къ мѣстнымъ сектантамъ, я не заѣхалъ предварительно къ сельскимъ властямъ, что неминуемо вызвало бы подозрѣніе къ моей личности со стороны сектантовъ, и отправился прямо на такъ называемый князевскій хуторъ (хуторъ Д. А. Хилкова, подаренный владѣльцемъ своимъ крестьянамъ, бывшимъ крѣпостнымъ), являющійся средоточіемъ мѣстнаго сектантства. Не считая нужнымъ представиться и отрекомендоваться всесильному г. Заичкѣ, чего, конечно, не долженъ былъ дѣлать по закону, я не могъ даже предполагать, что такое легкомысленное игнорированіе сельскихъ властей можетъ вызвать послѣ объявленія вѣротерпимости какія-нибудь осложненія. Однако такое поведеніе съ моей стороны оказалось для меня роковымъ.

Пріѣздъ мой вызвалъ сенсацію среди павловцевъ. Такъ какъ ни у кого не могла даже явиться мысль, что какое-нибудь частное лицо осмѣлится пріѣхать въ ихъ зачумленное село, то порѣшили все-таки, что я—правительственный чиновникъ. Павловцы не знали о вѣротерпимости, такъ какъ газеты къ сектантамъ не доходятъ (одно лицо вздумало было присылать знакомымъ павловцамъ *Русскія Вѣдомости*, но онѣ были конфискованы, какъ конфискуются послѣ должной перлюстраціи и всѣ тѣ письма, которыя покажутся почему-либо подозрительными мѣстному начальству). Администрація и духовенство, конечно, знали о новомъ правительственномъ актѣ, но не считали нужнымъ доводить объ этомъ до свѣдѣнія сектантовъ, не имѣя на то соотвѣтствующаго распоряженія свыше.

Если въ деревнѣ меня приняли за правительственнаго чиновника, то съ другой совсѣмъ точки зрѣнія посмотрѣла на меня мѣстная администрація, у которой пріѣздъ незнакомаго лица вызвалъ большое подозрѣніе.

II.

Едва появился я въ той части Павловокъ, которая носитъ названіе князева, или хилковскаго хутора, какъ мѣстный староста далъ уже знать полиціи о прибытіи посторонняго лица. Во дворъ крестьянина, у котораго я остановился, немедленно прибѣжалъ стражникъ и потребовалъ мои документы. Исполнивъ требованіе, я былъ убѣжденъ, что послѣ этого буду вполнѣ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и во всякомъ случаѣ не буду подлежать гласному полицейскому надзору. Не такъ оказалось на дѣлѣ.

Рис. 14. Изъ тюрьмы на судъ (г. Сумы).

Разсмотрѣвъ тщательно мои бумаги, списавъ коечто изъ нихъ, детально разузнавъ о цѣли моего страннаго посѣщенія Павловокъ, мѣстный блюститель порядка сѣлъ рядомъ со мной. На вопросъ, что ему еще нужно отъ меня, получился довольно лаконическій отвѣтъ, что онъ здѣсь „по своей надобности“. Раздраженный

докучливымъ присутствіемъ полицейскаго чина, при которомъ я не могъ чувствовать себя свободнымъ, зная, что этотъ аргусъ полицейскаго режима, воплощая собой „очи и уши государевы", слѣдитъ за каждымъ моимъ словомъ, за каждымъ движеніемъ и жестомъ, чтобы въ точности обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ донести по начальству,—я предпочелъ оставить стражника съ его „надобностью" въ домѣ и пойти гулять, въ надеждѣ, что по возвращеніи я уже не застану его тамъ. Каково же было мое разочарованіе, когда молчаливая фигура стражника послѣдовала за мной и стала преслѣдовать, какъ тѣнь, по пятамъ. Мое негодованіе по поводу такого насилія надъ личной свободой и настоятельныя требованія, чтобы меня оставили въ покоѣ, конечно, не привели ни къ какимъ результатамъ. Стражникъ стерегъ меня, ожидая распоряженія отъ высшаго начальства, которое должно было вскорѣ прибыть.

Такъ провелъ я два часа и сталъ уже приходить въ отчаяніе, какъ увидѣлъ другого человѣка въ полицейской формѣ. Я встрѣтилъ его, какъ спасителя, но — увы! это оказался лишь простой стражникъ, почему-то вновь потребовавшій, чтобы я предъявилъ ему свои документы.

— Но вѣдь я уже показывалъ ихъ и вовсе не желаю удовлетворять простое любопытство. Я покажу лишь въ томъ случаѣ, если потомъ буду свободенъ отъ вашей непрошенной полицейской опеки и шпіонства.

— Покажите документъ, а тамъ посмотримъ, какъ быть,—отвѣтилъ авторитетно мнѣ стражникъ.

Понявъ по тону, что это „начальство" болѣе высокаго разбора, чѣмъ первое, въ надеждѣ на болѣе благопріятное разрѣшеніе возникшаго конфликта, я удовлетворилъ его желаніе. И вотъ снова повторилась та же комедія съ осмотромъ моихъ бумагъ. Тщательно разсмотрѣвъ ихъ, что-то записавъ, стражникъ № 2-й занялъ такую же наблюдательную позицію, какъ и первый. Такимъ образомъ мое положеніе измѣнилось лишь въ томъ, что у меня вмѣсто одного явилось два земныхъ ангела хранителя.

— Что вамъ отъ меня нужно?

— Сейчасъ самъ урядникъ пріѣдетъ,—получалъ я все тотъ же лаконическій отвѣтъ.

Никогда я такъ не жаждалъ увидѣть полицейскаго чина, какъ въ данную минуту, такъ какъ пріѣздъ павловскаго царька долженъ былъ, по моимъ соображеніямъ, вернуть мнѣ неожиданно утерянныя права свободы.

Время шло, проходили часы, а избавителя моего все не было. Потерявъ всякую надежду увидѣть его, я рѣшилъ лично посѣтить его резиденцію за нѣсколько верстъ отъ хилковскаго хутора. Но здѣсь меня ждало жестокое разочарованіе: урядника не было дома,—онъ былъ въ отъѣздѣ, и никто не зналъ, когда онъ вернется.

Дѣло приближалось къ вечеру, и мнѣ такъ или иначе необходимо было выяснить свое положеніе: арестантъ ли я, или свободный человѣкъ. Въ концѣ-концовъ я получилъ разрѣшеніе переночевать въ Павловкахъ у того домохозяина, къ которому я пріѣхалъ, и утромъ уже предстать предъ свѣтлыя или, быть-можетъ, грозныя очи павловскаго властителя. Итакъ, мнѣ не угрожалъ сельскій клоповникъ, я могъ переночевать въ простой крестьянской избѣ, при одномъ, впрочемъ, условіи, что здѣсь же будутъ присутствовать и стражники. Другими словами, я былъ арестованъ, но какъ лицу, принадлежащему къ привилегированному сословію, мнѣ были предоставлены нѣкоторыя преимущества. Такая перспектива мнѣ мало улыбалась, почему я предпочелъ немедленно же ѣхать для выясненія обстоятельствъ дѣла къ мѣстному становому приставу, обитающему за 20 верстъ отъ Павловокъ, въ заштатномъ городкѣ Бѣлопольѣ. Послѣ долгихъ пререканій и по этому поводу мнѣ удалось, наконецъ, добиться разрѣшенія ѣхать къ становому и выхлопотать за приличествующее вознагражденіе земскихъ лошадей, которыхъ мнѣ не хотѣли давать въ виду того, что я ѣду не по казенной надобности. Надо ли говорить, что и къ становому приставу я былъ препровожденъ съ соотвѣтствующей стражей.

Уже ночью подъ проливнымъ дождемъ прибыли мы въ городъ.

— Чѣмъ могу служить?—любезно спросилъ меня становой приставъ г. Лѣбовъ и, выслушавъ мою жалобу, объяснилъ, что мой арестъ совершился лишь по недоразумѣнію, единственно благодаря невѣжеству низшей полицейской власти, которая переусердствовала въ исполненіи своихъ обязанностей и которой при всемъ желаніи невозможно внушить разумное поведеніе.

— Имѣя въ порядкѣ документы, вы, конечно, могли пребывать въ Павловкахъ сколько вамъ было угодно,— закончилъ становой.—Зачѣмъ ты ихъ привезъ самъ?— обратился онъ рѣзко къ охранявшему меня стражнику. Но послѣдній, вытянувшись во фронтъ передъ начальствомъ и виновно моргая глазами, упорно молчалъ, понимая, очевидно, что онъ сдѣлалъ именно такъ, какъ надо было сдѣлать, и что окрикъ начальства данъ лишь для вида.

— Если тѣ злоключенія, которыя я претерпѣлъ, произошли лишь по недоразумѣнію, то завтра я ѣду обратно, а вы съ своей стороны не откажите, пожалуйста, сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія, дабы мнѣ больше не чинили препятствій въ Павловкахъ.

— А позвольте узнать о цѣли вашей поѣздки?—спросилъ становой, пристально глядя на меня прокурорскимъ взоромъ, и, узнавъ, что ѣду къ сектантамъ, рѣшительно заявилъ, что въ такомъ случаѣ онъ не можетъ позволить мнѣ ѣхать въ Павловки.

— Но вы только что сами сказали, что я могу безпрепятственно проживать въ Павловкахъ, разъ у меня всѣ документы въ порядкѣ, а теперь вдругъ запрещаете знакомиться съ сектантами, съ которыхъ 17-го апрѣля Высочайшей волей снятъ прежній запретъ.

— Не имѣя никакихъ еще предписаній по поводу примѣненія новаго закона, я не могу вамъ своею властью разрѣшить посѣщенія Павловокъ, которыя находятся у насъ въ исключительномъ положеніи усиленной охраны послѣ погрома 1901 г., и такимъ образомъ брать на себя отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія. Впрочемъ, если вы интересуетесь воззрѣніями павловцевъ, то позвольте вамъ предложить свои услуги. Поѣдемте вмѣстѣ и въ Павловки и въ сосѣднее село Искрисковщину, гдѣ появился штундизмъ. Мѣстные сектанты меня очень любятъ, зная мое хорошее и участливое отношеніе къ нимъ. И повѣрьте, они такъ же охотно будутъ бесѣдовать, нисколько не скрывая своихъ убѣжденій, въ моемъ присутствіи.

Однако для моихъ цѣлей становой находилъ эти посѣщенія совершенно безполезными, такъ какъ, по его мнѣнію, я ничего не могу вынести изъ знакомства съ мѣстными сектантами, которые въ сущности вовсе не сектанты, а чистой воды революціонеры.

Поблагодаривъ за любезность, я тѣмъ не менѣе долженъ былъ, конечно, отказаться отъ услугъ г. Лѣбова, такъ какъ врядъ ли представляли бы большую цѣнность мои научныя изысканія, прошедшія чрезъ полицейскій фильтръ. Однако я не сомнѣвался, что сектанты дѣйствительно были бы искренни въ своихъ бесѣдахъ и въ присутствіи станового пристава, не столько, пожалуй, изъ любви къ этому представителю мѣстной администраціи, сколько изъ убѣжденія, что они не имѣютъ права скрывать своихъ мыслей и вѣры, что они должны проповѣдывать истину и правду и открывать такимъ путемъ глаза темнымъ, погрязшимъ въ своихъ предразсудкахъ людямъ. Но въ такомъ случаѣ, очевидно, моя бесѣда носила бы характеръ прямого провокаторства.

Послѣ долгихъ и настойчивыхъ съ моей стороны требованій и доказательствъ, что я имѣю *законное* право быть въ Павловкахъ, въ концѣ-концовъ становой приставъ разрѣшилъ мнѣ поѣхать туда на нѣсколько часовъ и посѣтить домъ того сектанта, у котораго я уже былъ. Если же мнѣ вздумалось бы побесѣдовать еще съ кѣмъ-либо изъ мѣстныхъ сектантовъ, то въ этомъ случаѣ разрѣшалось вызвать намѣченное лицо на квартиру урядника или мѣстнаго священника. Желая во что бы то ни стало проникнуть въ Павловки, я рѣшилъ поѣхать туда хотя на нѣсколько часовъ и просилъ станового дать мнѣ на это *письменное* разрѣшеніе. Въ этомъ почему-то мнѣ было отказано и было дано лишь устное приказаніе сопровождавшему меня стражнику.

Итакъ, я вновь въ Павловкахъ и снова не застаю урядника.

Я непроизводительно принужденъ былъ ждать его пріѣзда у воротъ дома, такъ какъ стражники попрежнему не отпускали меня ни на шагъ и не разрѣшали отправиться къ тому Андрею Павленко, посѣтить котораго мнѣ разрѣшилъ становой. Но вотъ, наконецъ, пріѣхалъ бравый хозяинъ Павловокъ. Любезно принявъ меня, онъ сказалъ, что готовъ оказать мнѣ всякое содѣйствіе для успѣха моихъ научныхъ изслѣдованій. Онъ познакомилъ меня съ своей точкой зрѣнія на сектантство, съ плодотворной миссіонеро-полицейской дѣятельностью мѣстной администраціи и т. д. и, наконецъ, обязался вызвать для личныхъ собесѣдованій любого сектанта. Я попросилъ лишь привести въ исполненіе распоряженія

станового пристава и допустить меня въ домъ Андрея Павленко.

— Этого я не могу разрѣшить, такъ какъ никакихъ подобныхъ предписаній отъ станового пристава не получалъ,—къ моему удивленію отвѣтилъ урядникъ.

Я потребовалъ тогда очной ставки съ тѣмъ стражникомъ, при которомъ становой давалъ свое разрѣшеніе, и, когда послѣдній подтвердилъ мои слова, г. Заичка, сильно колеблясь и недоумѣвая по поводу такого страннаго разрѣшенія, принужденъ былъ все же дать свое согласіе, заявивъ, что въ такомъ случаѣ и онъ меня будетъ сопровождать. Тутъ уже я возмутился до глубины души и категорически запротестовалъ: зачѣмъ я былъ введенъ въ обманъ, зачѣмъ меня заставили еще разъ понапрасну прокатиться въ Павловки, тратить зря и время и деньги...

— За кого, однако, васъ примутъ, что подумаютъ въ деревнѣ, если вы пріѣдете безъ сопровожденія стражи?

— Вѣроятно, ничего особеннаго не произойдетъ; изъ моихъ объясненій сектанты поймутъ, что съ объявленіемъ вѣротерпимости въ Россіи устраняется прежній ненормальный порядокъ, устраняются всѣ существовавшія ранѣе административныя стѣсненія въ области вѣры, и не только въ Павловки можетъ нынѣ открыто пріѣзжать каждый русскій гражданинъ, но и они сами могутъ собираться для чтенія Евангелія и для обсужденія своихъ дѣлъ, не спрашивая на то разрѣшенія начальства.

Я успокоилъ, впрочемъ, бдительность мѣстнаго администратора клятвеннымъ обѣщаніемъ не заниматься какой-либо агитаціей, да, впрочемъ, ему не зачѣмъ было особенно безпокоиться: вѣдь становой приставъ разрѣшилъ мнѣ посѣтить лишь одинъ сектантскій домъ, въ которомъ я былъ уже наканунѣ и, слѣдовательно, успѣлъ, нисколько, конечно, не стѣсняясь присутствіемъ стражниковъ, разсказать о новыхъ вѣяніяхъ и о провозглашенной нынѣ вѣротерпимости. Я нарочно даже говорилъ объ этомъ въ присутствіи низшей администраціи, дабы и она знала, что всѣ поползновенія ея на свободу совѣсти мѣстныхъ обывателей даже по приказанію высшаго начальства будутъ прямымъ нарушеніемъ закона, искаженіемъ Высочайшихъ предначертаній.

Предъявлять maximum требованій иногда, оказывается, бываетъ полезно, — есть всегда въ такомъ случаѣ на-

Рис. 15. Изъ тюрьмы на судъ.

дежда получить, по крайней мѣрѣ, minimum. Заичка уступилъ.

— Если вы настаиваете, чтобы непремѣнно ѣхать одному, такъ поѣзжайте, но во всякомъ случаѣ стражникъ васъ проводитъ до околицы двора Павленко, чтобы въ деревнѣ не подумали, что вы пріѣхали безъ разрѣшенія администраціи и имѣете право посѣщать сектантовъ. Стражникъ будетъ ждать окончанія вашей бесѣды и проводитъ васъ обратно. Потрудитесь также оставить здѣсь вашу корзинку (это былъ погребецъ). У васъ нѣтъ тамъ нелегальной литературы?

Я предложилъ уряднику осмотрѣть мой погребецъ, но тотъ сказалъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности, а во всякомъ случаѣ лучше во избѣжаніе недоразумѣній не брать съ собой корзинки. Я былъ послушенъ и отправился на разрѣшенную двухчасовую бесѣду.

Итакъ, мнѣ пришлось сдѣлать нѣсколько сотъ верстъ, претерпѣть массу треволненій для того, чтобы съ трудомъ добиться разрѣшенія повидать *бывшаго* сектанта, который нынѣ числится уже вѣрнымъ сыномъ господствующей церкви, побесѣдовать съ нимъ въ теченіе двухъ часовъ, видѣть его жену и двухъ малолѣтнихъ дѣтей.

Таково было первое мое знакомство съ новой вѣротерпимостью, но приключенія мои въ поискахъ за этой *бумажной* вѣротерпимостью далеко еще не окончились описаннымъ инцидентомъ.

III.

Послѣ неудачной поѣздки въ Павловки я отправился изъ Сумскаго уѣзда въ болѣе спокойныя мѣста и посѣтилъ уѣздъ Волчанскій. Но и здѣсь меня преслѣдовалъ рокъ.

Былъ праздничный день, когда я прибылъ въ с. Хотомлю, лежащее въ 25-ти верстахъ отъ заштатнаго города Чугуева — знаменитаго центра аракчеевскихъ военныхъ поселеній. Tempora mutantur: тамъ, гдѣ нѣкогда господствовала всенивелирующая военная субординація, нынѣ пышно расцвѣло сектантство съ его критическимъ отношеніемъ къ окружающимъ явленіямъ жизни; тамъ, гдѣ дѣды должны были вѣрить и мыслить по капральской указкѣ, самостоятельно создаются теперь новыя формы народнаго міросозерцанія, разлагающія атмосферу

прежнихъ предразсудковъ и отжившихъ понятій. Къ однимъ изъ такихъ новаторовъ въ крестьянской средѣ я и направился.

Случилось такъ, что въ виду праздничнаго времени мнѣ удалось проскользнуть незамѣченнымъ чрезъ полицейскія заставы. Я пробылъ цѣлый день среди сектантовъ, и только къ ночи полиція узнала о моемъ присутствіи въ селѣ. Начался переполохъ. Отыскивая меня, полиція, какъ говорятъ, произвела повальный ночной обыскъ сектантскихъ домовъ. Она искала меня въ жилыхъ и нежилыхъ помѣщеніяхъ, въ сараяхъ, погребахъ и т. д. Но такъ ей и не удалось въ эту ночь меня найти,—я отправился ночевать къ мѣстному землевладѣльцу А. М. Бодянскому, пользующемуся большой извѣстностью среди мѣстныхъ сектантовъ и живущему въ с. Гремячахъ, верстахъ въ семи отъ злополучной Хотомли.

Вѣроятно, и здѣсь я не встрѣтилъ бы затрудненій, если бы на мое несчастіе по дорогѣ не натолкнулся на мѣстнаго полицейскаго стражника, совершавшаго пріятное partie de plaisir. Изъ Хотомли я возвращался вмѣстѣ съ А. М. Бодянскимъ, и везла насъ, конечно, извѣстная всей администраціи жена одного сектанта. При такихъ условіяхъ моя личность показалась стражнику слишкомъ подозрительной, и онъ немедленно послѣдовалъ за нами. Явившись въ усадьбу и исполнивъ всѣ формальности по осмотру моихъ бумагъ, при чемъ кабалистическая надпись на моей визитной карточкѣ: Кудрино, 1, 30, вызвала еще большее подозрѣніе у мудраго охранителя общественной безопасности, стражникъ отправился съ донесеніемъ по начальству, т.-е. въ ту самую Хотомлю, откуда я только что вернулся.

Ночь прошла спокойно, очевидно, власти совѣщались о мѣрахъ, которыя надо предпринять по отношенію ко мнѣ. Рано утромъ, чуть свѣтъ, въ усадьбѣ вновь появился стражникъ, бывшій наканунѣ, и потребовалъ мои документы: снова они разсматривались самымъ тщательнымъ образомъ, снова что-то записывалось, снова я долженъ былъ излагать мотивы, руководившіе мною въ желаніи посѣтить мѣстныхъ сектантовъ, снова я долженъ былъ давать безконечныя объясненія, втолковывать и разъяснять насколько возможно полицейскому начальству о цѣли моей поѣздки

И вотъ это полицейское начальство, отъ благоусмотрѣнія котораго до извѣстной степени зависитъ оцѣнка политической благонадежности и нравственныхъ качествъ мѣстныхъ обывателей и пріѣзжихъ лицъ, при всемъ желаніи не могло переварить въ своемъ умѣ терминъ: корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*. Все, что я говорилъ, казалось ему, очевидно, непонятной и чрезвычайно подозрительной тарабарщиной. Ясно было, что мнѣ не довѣряли и приписывали какія-то особыя побужденія.

Къ счастью моему, я долженъ былъ, не дожидаясь, пока разъяснятся недоумѣнія стражника, немедленно ѣхать въ Чугуевъ. Не прошло и полчаса послѣ моего отъѣзда, какъ домъ былъ окруженъ многочисленной бандой полицейскихъ: самъ урядникъ съ 10-ю стражниками явился, чтобы уловить меня на мѣстѣ. Говорятъ даже, что полиція намѣревалась проникнуть въ запертый домъ, предполагая, что я тамъ скрылся. Теперь стало понятно, почему мнѣ удалось спокойно провести ночь: власти стягивали свои силы для поимки такого важнаго „преступника“, какимъ, по всей видимости, я представлялся въ ихъ глазахъ. Зачѣмъ понадобились, однако, такія экстроординарныя мѣры, зачѣмъ надо было производить эту облаву на человѣка, который и не думалъ скрывать ни своей личности ни цѣли своей поѣздки,—конечно, объяснить трудно: очевидно, и здѣсь власть переусердствовала въ слишкомъ рьяномъ исполненіи своихъ обязанностей.

Во всякомъ случаѣ, узнавъ о происшедшемъ, я не рискнулъ возвращаться въ столь негостепріимныя мѣста; не безъ основанія я могъ предполагать, что тамъ меня ожидаетъ арестъ, быть-можетъ, съ угрозой даже быть обвиненнымъ въ сопротивленіи властямъ. Очевидно было, что находящіяся у меня бумаги не могли гарантировать личной безопасности; зная, какъ рискованно иногда бываетъ знакомство съ сельскими холодными, я рѣшилъ обратиться непосредственно къ высшей административной инстанціи за спеціальнымъ разрѣшеніемъ посѣщать сектантовъ. Я отправился къ харьковскому губернатору.

Генералъ-майоромъ Старынкевичемъ я былъ принятъ весьма любезно. Разсказавъ о своихъ мытарствахъ и объяснивъ цѣль своей экскурсіи, я просилъ губернатора

оказать мнѣ возможное содѣйствіе, гарантировавъ, по крайней мѣрѣ, впредь личную неприкосновенность и оградивъ отъ дальнѣйшихъ эксцессовъ административнаго произвола, отъ котораго я претерпѣлъ уже въ достаточной мѣрѣ. Съ этой цѣлью я ходатайствовалъ о выдачѣ мнѣ на руки бумаги, удостовѣряющей за подписью высшихъ административныхъ властей мою личность и обезпечивающей мнѣ такимъ образомъ безпрепятственное посѣщеніе селъ и деревень Харьковской губерніи для ознакомленія съ мѣстными сектантами и невмѣшательство со стороны низшей администраціи. Именно въ такой бумагѣ естественно я видѣлъ для себя единственную гарантію, такъ какъ, судя уже по бывшимъ инцидентамъ, я легко гдѣ-нибудь могъ натолкнуться еще на большія осложненія вплоть до избіенія включительно, и, конечно, было бы слишкомъ мало утѣшительнымъ получить извиненія и соболѣзнованія отъ высшаго начальства post factum и увѣренія, что всѣ непріятности, происшедшія со мной, произошли лишь по недоразумѣнію, благодаря некультурности низшей администраціи.

Губернаторъ — homo novus въ здѣшнихъ мѣстахъ, по всей видимости былъ въ нѣкоторомъ сомнѣніи и не зналъ, какъ поступить со мной: по закону, конечно, нельзя было наложить veto на мою поѣздку, неудобно было сдѣлать это и по тактическимъ соображеніямъ послѣ объявленія вѣротерпимости, неудобно тѣмъ болѣе, что я являлся представителемъ печати и моя поѣздка носила характеръ научнаго изслѣдованія.

Тѣмъ не менѣе послѣ продолжительныхъ переговоровъ, тянувшихся въ теченіе трехъ дней, я получилъ, наконецъ, разрѣшеніе посѣтить намѣченныя мною села. Выдать мнѣ на руки просимую бумагу, впрочемъ, не сочли возможнымъ, найдя, что это придало бы слишкомъ офиціальный характеръ моей поѣздкѣ и могло бы создать нежелательный прецедентъ, пользуясь которымъ различные агитаторы стали бы ѣздить по деревнямъ съ подложными губернаторскими бумагами. Меня попросили въ канцеляріи губернатора опредѣлить точно тѣ уѣзды и села, которые я намѣреваюсь посѣтить, и затѣмъ за мой счетъ дали соотвѣтствующія телеграммы мѣстнымъ исправникамъ съ предложеніемъ не чинить мнѣ препятствій при посѣщеніи сектантовъ въ поименованныхъ селахъ. Когда

я вздумалъ перемѣнить нѣсколько маршрутъ, это вновь вызвало осложненія, вновь пришлось ходить по канцеляріямъ, вновь объясняться и доказывать.

По губернаторской бумагѣ я обязывался предварительно являться къ мѣстному исправнику, уже отъ исправника получать удостовѣренія къ становому, отъ станового къ уряднику и т. д. Легко себѣ представить, какую массу времени я долженъ былъ тратить совершенно непроизводительно, сколько напрасныхъ осложненій должно было встрѣчаться у меня на пути.

Но какъ бы то ни было благодаря губернаторскому предписанію я получилъ въ концѣ-концовъ возможность болѣе или менѣе безпрепятственно обслѣдовать бытъ сектантовъ Харьковской губерніи.

IV.

Заручившись санкціей высшей администраціи, я рѣшилъ еще разъ поѣхать въ Павловки.

Чтобы попасть туда, я долженъ былъ предварительно заѣхать въ г. Сумы къ исправнику, представиться ему и получить удостовѣреніе въ Бѣлопольѣ къ становому приставу. Въ Сумахъ я попытался было проникнуть въ тюрьму къ сектантамъ, осужденнымъ незадолго передъ тѣмъ на поселеніе въ Сибирь, но въ этомъ мнѣ было отказано, какъ было въ той же просьбѣ отказано одному изъ мѣстныхъ адвокатовъ. Непонятная жестокость бюрократической канцелярщины! Эти люди нуждались, несомнѣнно, въ юридической помощи со стороны компетентнаго лица, такъ какъ на судѣ, надѣясь на помощь отъ Бога, они отказались отъ помощи людской. И свергнутые съ небесъ на землю, быть-можетъ, они пошли бы теперь на компромиссъ и могли бы во-время подать кассаціонную жалобу...

Потерпѣвъ эту неудачу, я отправился въ Павловки. Сумскій исправникъ, не посвященный въ тайны канцеляріи харьковскаго губернатора и не зная, очевидно, о возникшихъ тамъ опасеніяхъ по поводу моей просьбы выдать мнѣ на руки удостовѣреніе о моей личности, нисколько не затруднился на основаніи губернаторской бумаги выдать мнѣ письменное разрѣшеніе на посѣщеніе с. Павловокъ и Искрисковщины.

Съ этой бумагой я явился къ становому приставу. Казалось бы, что послѣ санкціи со стороны высшей мѣстной администраціи не могло уже возникнуть никакого затрудненія; казалось бы, всѣ подозрѣнія и всѣ сомнѣнія относительно меня были сняты и уничтожены. Но — увы! — это только казалось, и снова я долженъ былъ вступать въ безконечные разговоры, объясненія и пререканія.

— Вамъ позволено посѣтить Павловки и Искрисковщину,—сказалъ становой, тщательно разсмотрѣвъ бумагу исправника,—но въ бумагѣ нигдѣ не сказано, что вамъ разрѣшается посѣщать дома сектантовъ и вступать съ ними въ бесѣды. Относительно посѣщенія означенныхъ селеній и ранѣе не дѣлали вамъ никакихъ препятствій. Я предлагалъ вамъ ѣхать со мной лишь потому, что не могъ брать на себя отвѣтственность за вашу безопасность: сектанты такой народъ, что они легко могли бы васъ убить, разъ вы явились бы къ нимъ безъ сопровожденія полиціи. Если стражники въ Павловкахъ по отношенію къ вамъ нѣсколько узурпировали свою власть, то ихъ надо извинить, принимая во вниманіе, что въ настоящее тревожное время пріѣздъ незнакомаго лица, вступающаго въ сношенія съ сектантами, неминуемо долженъ вызывать большія подозрѣнія. Я съ большой охотой разрѣшаю вамъ проѣхать еще разъ въ Павловки и пробыть тамъ нѣсколько дней, но не могу вамъ разрѣшить посѣщеніе сектантскихъ домовъ.

— Согласитесь, однако, что если бы у меня не было разрѣшенія вступать въ личныя бесѣды съ сектантами, я не сталъ бы трепаться за нѣсколько сотъ верстъ изъ простаго удовольствія пріѣхать въ Павловки и въ третій разъ имѣть счастье разговаривать съ одной лишь мѣстной полиціей. Телеграфируйте губернатору, который разрѣшилъ мнѣ обращаться непосредственно къ нему, въ случаѣ если я встрѣчу какія-либо препятствія со стороны администраціи.

Долго мы такъ бесѣдовали со становымъ приставомъ, и, наконецъ, я получилъ рекомендательныя карточки къ мѣстнымъ урядникамъ, съ предупрежденіемъ, однако, чтобы я не вздумалъ для бесѣдъ собирать сектантовъ въ большомъ количествѣ.

Выйдя такимъ образомъ изъ всѣхъ этихъ конфликтовъ побѣдителемъ, на другое утро я отправился въ Павловки.

На мое счастье со мной вмѣстѣ поѣхалъ въ Павловки бывшій въ то время въ Бѣлополье предсѣдатель сумской уѣздной земской управы П. М. Линтваревъ, который также полюбопытствовалъ взглянуть на „разбитую армію“. Это обстоятельство значительно облегчило условія моей поѣздки и, придавъ ей нѣкоторую авторитетность, избавило отъ многихъ еще безплодныхъ и лишнихъ разговоровъ, которые иначе мнѣ предстояло бы вести, вѣроятно, не разъ въ пути съ мѣстными начальствами.

Прибывъ въ Павловки, мы, конечно, прямо проѣхали къ сектантамъ. Немедленно прибѣжалъ стражникъ и, справившись о личности моего спутника (я для него былъ уже старый знакомый) молчаливо занялъ свой наблюдательный постъ. Я показалъ ему разрѣшительную бумагу исправника, онъ прочиталъ ее и остался наблюдать. Какъ долго продолжалось бы это, не знаю, но мы, наконецъ, настойчиво и рѣшительно потребовали, чтобы онъ съ данной мнѣ визитной карточкой станового пристава отправился къ уряднику. Стражникъ повиновался.

Вскорѣ пріѣхалъ и самъ Заичка. Еще болѣе любезенъ былъ со мною мѣстный администраторъ, выказывая полную готовность оказать всякое содѣйствіе. Пожелавъ мнѣ успѣха, онъ отправился въ деревню, а вмѣстѣ съ нимъ оставили свои открытыя наблюдательныя позиціи и стражники.

Облегченно вздохнулъ я, получивъ послѣ столькихъ мытарствъ возможность провести цѣлый день глазъ на глазъ съ сектантами и бесѣдовать съ ними въ отсутствіи полиціи. Духъ полицейскій, конечно, продолжалъ витать повсюду кругомъ: съ меня снятъ былъ лишь гласный надзоръ, но стоило выглянуть въ окно, чтобы увидать подслушивающаго стражника, стоило отойти нѣсколько шаговъ отъ дома, чтобы снова увидѣть того же стражника, скрывающагося въ травѣ въ лежачемъ положеніи. И особенно это шпіонство усилилось, когда стало темнѣть, и въ избу, гдѣ я остановился, собралось нѣсколько сектантовъ.

На такія дѣйствія полиціи я не могъ, конечно, пренебрегать: несмотря на губернаторское разрѣшеніе она идѣла во мнѣ все же человѣка не своего лагеря и утьемъ угадывала, что я на сторонѣ безправнаго, т.-е.

Рис. 16. Изъ тюрьмы на судъ.

сектантовъ. Докучливый негласный полицейскій надзоръ, раздражая нѣсколько, не могъ, впрочемъ, особенно мѣшать моимъ бесѣдамъ, и потому я противъ него ничего даже не имѣлъ: по крайней мѣрѣ администрація, предпринявъ съ своей стороны всѣ возможныя мѣры предосторожности, могла болѣе не безпокоить меня своимъ назойливымъ присутствіемъ. Любопытная деталь: случайно или нѣтъ, но въ тотъ же вечеръ въ Павловки прибылъ и становой приставъ по своимъ служебнымъ обязанностямъ; съ нимъ же я встрѣтился на другой день въ сосѣднемъ селѣ Искрисковщинѣ.

Итакъ, троекратная попытка проникнуть въ заколдованныя Павловки въ концѣ-концовъ увѣнчалась успѣхомъ, но я получилъ возможность пріѣхать въ это русское село не потому, что имѣлъ на это неоспоримое право, принадлежащее каждому русскому гражданину, и не потому, что объявленная правительственнымъ актомъ вѣротерпимость уничтожила всѣ существовавшія ранѣе ограниченія, нѣтъ,—я былъ допущенъ туда лишь въ силу исключительныхъ условій, въ силу тѣхъ уполномочій, которыя я имѣлъ отъ извѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Надо ли говорить, что если бы какое-нибудь постороннее лицо вздумало явиться въ Павловки только на основаніи объявленной вѣротерпимости, не заручившись предварительно санкціей высшихъ административныхъ властей, которая, въ свою очередь, была бы дана лишь въ томъ случаѣ, если бы это лицо было облечено авторитетными уполномочіями, то его постигла бы столь печальная участь, какъ нѣкогда любопытнаго американскаго корреспондента.

Вотъ отвѣтъ на вопросъ, которымъ интересовался В. Г. Короленко, — какъ отразится новый правительственный актъ о вѣротерпимости на положеніи павловскихъ сектантовъ.

Когда я былъ въ Харьковѣ и бесѣдовалъ съ губернаторомъ, я поинтересовался, между прочимъ, узнать: на какомъ въ сущности основаніи по прошествіи болѣе мѣсяца послѣ изданія закона 17-го апрѣля съ павловскихъ сектантовъ все еще не сняты административныя стѣсненія, наложенныя еще въ тотъ періодъ, когда правительство и въ теоріи считало возможнымъ бороться

съ распространеніемъ религіозныхъ вольномыслій единственно только путемъ полицейскихъ мѣропріятій.

Довольно характерный отвѣтъ услышалъ я отъ представителя мѣстной власти: на практикѣ новый законъ приходится примѣнять съ большой осторожностью; если объявить по губерніи циркулярнымъ предписаніемъ о снятіи съ сектантовъ административнаго надзора, то урядники и вся остальная низшая администрація, пожалуй, поймутъ эту свободу въ томъ смыслѣ, что теперь должна оставаться ненаказуемой и кража (?). „Въ моихъ словахъ, продолжалъ губернаторъ, нѣтъ преувеличеній. Что сдѣлаешь, разъ эта администрація такъ невѣжественна и некультурна и часто вмѣсто охраненія правъ обывателей позволяетъ себѣ прямое ихъ нарушеніе. При нашемъ же безденежьѣ мы не имѣемъ возможности обзавестись болѣе интеллигентной полиціей".

Итакъ, по мнѣнію губернатора, все дѣло лишь за смѣной личнаго состава полиціи. Такъ ли это въ дѣйствительности? Одна ли низшая администрація виновата въ томъ беззаконіи и произволѣ, которые сдѣлались характерной чертой современнаго государственнаго строя? Не лежитъ ли центръ тяжести въ томъ именно режимѣ, который питаетъ и вдохновляетъ администрацію, и разъ всю вину не пытаются свалить на невѣжество низшей полиціи, не подписывается ли тѣмъ самымъ приговоръ и тому порядку, при которомъ допустимо столь ненормальное явленіе, когда какой-нибудь завѣдомо некультурный полицейскій чинъ становится почти безконтрольнымъ вершителемъ мѣстныхъ дѣлъ? Мало того, отъ этого лица зависитъ оцѣнка политической благонадежности мѣстныхъ обывателей, и кто не знаетъ, какія тяжелыя нерѣдко послѣдствія можетъ повлечь за собой неблагопріятный отзывъ мѣстнаго цензора нравовъ, компетентность котораго совершенно дискредитируется отзывами самого начальства?

Какъ ни совершенствуется отдѣльными представителями мѣстной администраціи—отъ урядника до губернатора включительно — русское законодательство, источникомъ этихъ усовершенствованныхъ мѣропріятій являются тѣ министерскія предписанія, въ которыхъ постоянно встрѣчаются одни и тѣ же роковые мотивы „особой важности"—государственная безопасность. И если такихъ мотивовъ въ наличности нѣтъ, то ихъ надо „сфабрико-

вать", какъ цинично совѣтовалъ еще полвѣка назадъ одинъ изъ „приказчиковъ" Луи-Наполеона, парижскій префектъ полиціи Мопа...

Крайне интересно узнать, какъ все-таки отразится правительственный актъ 17-го апрѣля на положеніи мѣстныхъ сектантовъ, какія, напримѣръ, измѣненія произойдутъ во взаимныхъ отношеніяхъ урядника Заички, крестьянъ Ивана Ольховика и Николая Черняка? Неужели и теперь свиданія зятя съ тестемъ будутъ встрѣчать затрудненія? Объ этомъ, вѣроятно, мы скоро узнаемъ. Харьковскій губернаторъ предполагалъ лично посѣтить Павловки, чтобы установить болѣе или менѣе правильное взаимодѣйствіе принциповъ вѣротерпимости съ полицейскимъ надзоромъ.

Быть-можетъ, харьковскому губернатору, не раздѣляющему общій всей полиціи взглядъ на сектантовъ, какъ на революціонеровъ, и удастся эта сложная миссія, но постороннему наблюдателю, испытавшему лично на себѣ всю тяжесть мѣстныхъ порядковъ, это представляется невозможнымъ. Меня, по крайней мѣрѣ, эти порядки привели совершенно въ угнетенное состояніе.

Когда, окончивъ свои странствованія въ Павловки, я направился къ другимъ сектантамъ въ Полтавской и смежной Херсонской губерніяхъ, мнѣ всюду стали мерещиться полицейскіе стражники и всюду казалось, что за мной слѣдятъ, какъ за подозрительнымъ лицомъ; когда же полицейскій чинъ появлялся наяву для снятія съ меня допроса, я самъ начиналъ въ себѣ видѣть важнаго преступника, и мнѣ уже грезились различныя преслѣдованія и гоненія. Недурное самочувствіе для научнаго изслѣдованія! Впрочемъ, такія опасенія имѣли всегда подъ собой реальную почву: въ перспективѣ у меня всегда были осложненія съ полиціей, даже тамъ, гдѣ, казалось бы, мой пріѣздъ не могъ вызывать уже никакихъ сомнѣній.

Я ѣздилъ преимущественно по селамъ, гдѣ сосредоточивались сектанты-баптисты, т.-е. находился среди чистыхъ евангеликовъ, которыхъ при самыхъ большихъ натяжкахъ совершенно уже нельзя заподозрить въ революціонизмѣ, такъ какъ всѣ ихъ помыслы обращены на отысканіе Царствія Божія; всѣ мірскія заботы, всѣ земныя дѣла они игнорируютъ; все это—суета. И когда, однако, я пріѣзжалъ къ этимъ сек-

тантамъ „не отъ міра сего“, мнѣ приходилось наталкиваться на обычныя полицейскія препятствія: администрація стерегла „самое мое дыханіе“, какъ выражался еще Сперанскій въ ссылкѣ. У меня не хватало больше энергіи бороться съ этими препятствіями, и я изощрялся лишь въ томъ, чтобы правдой или неправдой какъ-нибудь избѣжать сношеній съ полиціей, ускользнуть отъ ея бдительнаго ока и избавиться такимъ образомъ по возможности отъ безконечно скучныхъ разговоровъ и объясненій. Нигдѣ въ деревняхъ я не ночевалъ, предпочитая хотя бы ночью и за десятки верстъ ѣхать въ городъ или на станцію.

Вотъ какія затрудненія приходилось мнѣ преодолѣть для достиженія своей цѣли, и мнѣ невольно вспомнилось, что въ 80-хъ годахъ, въ этотъ періодъ расцвѣта полицейско-бюрократическаго режима, А. С. Пругавинъ, какъ значится въ его біографіи, помѣщенной въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгауза, долженъ былъ прекратить свои изслѣдованія быта сектантовъ вслѣдствіе преградъ со стороны администраціи [1]).

Прошло почти четверть вѣка, Россія наканунѣ обѣщанныхъ широкихъ реформъ, и, тѣмъ не менѣе, атмосфера для научнаго изслѣдованія не измѣнилась. Когда же будетъ конецъ этому мертвящему гнету? Когда исчезнетъ кошмаръ, тяготѣющій надъ совѣстью и мыслями русскаго народа?

Іюнь 1905 г.

---

[1]) Пользуюсь случаемъ опубликовать имѣющійся въ моемъ распоряженіи чрезвычайно любопытный документъ, характеризующій условія изученія сектантства въ 80 годахъ. Это „совершенно секретный „циркуляръ саратовскаго губернатора Н. Зубова уѣзднымъ исправникамъ отъ 23 сентября 1882 года за № 1129. Привожу in extenso:

„Циркуляромъ моимъ отъ 6 іюля было обращено вниманіе гг. исправниковъ на вредный характеръ ученія, распространяемаго отставнымъ полковникомъ Пашковымъ.

Въ послѣднее время сдѣлалось извѣстнымъ, что въ связи съ этимъ ученіемъ представляется не менѣе вредною дѣятельностью графа Льва Толстого и члена Географическаго Общества Александра Пругавина. Изъ нихъ послѣдній своими поѣздками къ сектантамъ и похвальными статьями объ нихъ въ литературѣ не только внушаетъ незнающимъ дѣла ложныя понятія о расколѣ, но и возбуждаетъ въ самихъ сектантахъ понятіе о сочувствіи ихъ ученію со стороны высшихъ и образованныхъ классовъ общества и самого *правительства* (?).

Въ виду сего и согласно предложенія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 сентября предписываю гг. Исправникамъ сдѣлать распоряженія о наблюденіи за дѣятельностью и сношеніями съ сектантами упомянутыхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы о всякомъ проявленіи ихъ въ этомъ отношеніи мнѣ донести“.

VI. Вѣротерпимость и сектанты въ Павловкахъ.

Описанныя выше мои странствованія „въ поискахъ вѣротерпимости“ и посѣщенія с. Павловокъ служатъ, кажется, довольно наглядной иллюстраціей того, какъ хорошо совмѣстились у насъ принципы офиціально провозглашенной вѣротерпимости съ практикой неослабѣвающаго полицейскаго надзора.

Такое странное на видъ совмѣстительство не можетъ, конечно, удивить русскаго гражданина, уже достаточно привыкшаго къ самымъ причудливымъ и своеобразнымъ комбинаціямъ, которыя легко культивируются, по мнѣнію правящихъ сферъ, въ странѣ съ *самобытными* устоями государственной и общественной жизни. Тѣмъ не менѣе интересно было бы выяснить тѣ мотивы „особливой важности“, которые побуждаютъ держать въ прежнемъ угнетенномъ состояніи павловскихъ сектантовъ и выдѣлять ихъ изъ той среды, на которую простерлись вѣроисповѣдныя привилегіи указа 17 апрѣля.

Стоитъ обратить вниманіе лишь на то, что павловцы съ момента зарожденія въ ихъ средѣ религіознаго вольномыслія принадлежали къ сектѣ „толстовцевъ“, чтобы понять, какъ далеки были всегда ихъ мысли и чувства, блуждающія въ сферѣ не-мірскихъ потребностей духа, отъ идеологіи активныхъ борцовъ за политическую и общественно-экономическую свободу въ Россіи, какъ далеки были они своею проповѣдью принципа „непротивленія злу“ отъ программы и тактики революціонно-прогрессивныхъ партій. Не ясно ли, что здѣсь нечего было страшиться, нечего страшиться и теперь того краснаго призрака революціи, которая мерещится нашей правящей бюрократіи, растерявшейся передъ грознымъ натискомъ объединившихся общественныхъ силъ и

всплывающихъ на поверхность жизни такъ долго сокрытыхъ въ нѣдрахъ народа требованій правъ и свободы, тамъ, гдѣ ея не замѣтило бы и самое недремлющее око прокурора.

Является ли, наконецъ, самый фактъ погрома 1901 г. достаточнымъ оправданіемъ для тѣхъ исключительныхъ полицейскихъ мѣропріятій, которыя были предприняты по отношенію къ павловскимъ сектантамъ? Но какъ разъ эти-то исключительныя мѣры и создали въ свое время благопріятную обстановку для погрома; сохранять ихъ — это значитъ обострять лишь положеніе и поддерживать прежнее броженіе. Если сектанты-раціоналисты могли нѣкогда поддаться временному мистическому экстазу, если ихъ исканія новыхъ путей и неудовлетворенность отжившими, старыми понятіями вылились въ уродливую форму религіознаго фанатизма, то этому скорбному явленію, главнымъ образомъ, надо искать объясненія именно въ томъ ненормальномъ правовомъ положеніи, въ которое попали сектанты съ неустановившимся еще міросозерцаніемъ, когда они были заключены въ удушливое кольцо полицейской опеки и не могли услышать живого, правдиваго слова; естественный процессъ развитія и выработки системы новаго вѣроученія былъ насильственно прерванъ административно-полицейскимъ вмѣшательствомъ, и, такимъ образомъ, работа рвущейся впередъ мысли, стѣсненная невозможными политическими условіями общежитія, не могла найти себѣ выхода,— отсюда погромъ.

Религіозное возбужденіе, проявившееся въ столь рѣзкой формѣ четыре года назадъ въ Павловкахъ, давно уже потеряло свой острый характеръ. Прежніе руководители сектантовъ давно уже томятся „въ глубинѣ сибирскихъ рудъ“ и зловѣщихъ тюремъ. Какіе же мотивы можно теперь привести для сохраненія въ прежней силѣ мѣръ жестокости и притѣсненія? Такихъ мотивовъ нѣтъ! И каждое новое ограниченіе явится вопіющимъ нарушеніемъ неотъемлемыхъ правъ каждаго человѣка на внутреннее самоопредѣленіе. Быть-можетъ, наше правительство боится снять оковы прежняго запрета изъ опасенія, что разбитая армія сектантовъ вновь пополнится свѣжими силами, лишь только свобода совѣсти, мысли и ученія не будетъ наталкиваться на подводные камни въ видѣ полицейскихъ ре-

прессалій, и что тогда господствующая церковь, давно уже надѣвшая чиновничій мундиръ полицейскаго государства и потерявшаго силу нравственнаго авторитета, и *официальное* вѣроисповѣданіе, которое, по мнѣнію нашихъ охранителей, лишь одно „можетъ нести истинный свѣтъ христіанства“, не будутъ въ состояніи противодѣйствовать живымъ силамъ новыхъ вѣроученій? Но гдѣ же тогда религіозная свобода, провозглашенная правительственнымъ актомъ 17 апрѣля?

Неужели еще въ наши административныя и законодательныя сферы не проникло сознаніе, что истину нельзя внушать кулачными мѣропріятіями? Какое жалкое невѣдѣніе! Чего же ждать, однако, отъ той недальновидной и близорукой въ своей оппортюнистической политикѣ правящей бюрократіи, которая подъ напоромъ общественныхъ требованій сочла нужнымъ пойти на временныя уступки и согласиться на словахъ на раскрѣпощеніе отъ прежней религіозной кабалы въ убѣжденіи, что съ успокоеніемъ умовъ удастся вернуться къ испытаннымъ уже порядкамъ полицейскаго государства.

14 іюля 1905 г.

VII. Правительственная вѣротерпимость и административная практика.

Изъ всѣхъ реформъ, обѣщанныхъ русскому обществу, донынѣ, казалось бы, осуществлена лишь одна: провозглашена вѣротерпимость.

Но едва эта реформа, совершенно не затрогивающая прерогативъ верховной власти, столкнулась съ жизнью, какъ къ ней примѣнены были обычные пріемы еще всесильной бюрократіи: на первыхъ же порахъ указъ 17 апрѣля подвергся существеннымъ урѣзкамъ. Выше былъ уже отмѣченъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, предписывавшій мѣстнымъ административнымъ властямъ сохранять въ прежней силѣ стѣсненія по отношенію къ сектантамъ, разъ только налицо будутъ мотивы „особливой важности". Прошелъ еще мѣсяцъ, и появилось новое административное распоряженіе.

Указъ 17 апрѣля предоставилъ адептамъ господствующаго вѣроисповѣданія мѣнять по желанію вѣру; въ виду этого Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ нынѣ выработаны особыя временныя правила, регулирующія отступленія отъ православія. По министерскимъ правиламъ, православные, желающіе перейти въ одно изъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, должны предварительно подать объ этомъ заявленіе мѣстному губернатору, на котораго возлагается обязанность выяснить чрезъ православное духовное начальство, какими причинами вызывается предполагаемый переходъ и приняты ли были мѣры увѣщанія по отношенію къ отпадающему; затѣмъ уже, въ случаѣ безуспѣшности увѣщанія, заявленію дается дальнѣйшее движеніе. Для лицъ, только номинально числящихся въ православіи, въ дѣйствительности же издавна исповѣдающихъ другое исповѣданіе, вопросъ разрѣшается нѣсколько проще:

губернаторъ, удостовѣрившись тѣми средствами, которыя онъ находитъ наиболѣе цѣлесообразными, что означенныя лица дѣйствительно въ данное время принадлежатъ къ уклонившимся отъ православія и что сами они или предки ихъ исповѣдывали инославную христіанскую религію или то нехристіанское вѣроученіе, къ которому они желаютъ быть причислены, передаетъ заявленіе на усмотрѣніе подлежащей инославной или иновѣрной духовной власти.

Ясно, что примѣненіе этихъ правилъ въ жизни означаетъ, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ разрѣшеніе на переходъ изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе будетъ всецѣло зависѣть отъ *усмотрѣнія* административныхъ властей, и здѣсь, слѣдовательно, будетъ открываться широкое поле для административнаго произвола. Вмѣсто свободы перехода по указу 17 апрѣля получается нѣчто совершенно несообразное, почти прежняя закабаленность. Настоящеее министерское предписаніе, отличающееся своей обычной неясностью, не устанавливаетъ ни срока, въ теченіе котораго отпадающій подлежитъ увѣщанію со стороны духовнаго начальства, т.-е., проще сказать, особаго рода сыску (по дѣйствовавшему до 17 апрѣля законодательству такое увѣщаніе продолжалось *до вразумленія*!), ни въ сущности тѣхъ мѣръ, къ которымъ можетъ прибѣгать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ губернаторъ, такъ какъ весьма растяжимое понятіе „цѣлесообразности“ допускаетъ часто слишкомъ уже широкое толкованіе, способное въ концѣ-концовъ оправдать всякія мѣры до преслѣдованія за вѣру включительно.

Министерскія правила, идущія такимъ образомъ вразрѣзъ съ понятіемъ свободы совѣсти и, несомнѣнно, отнимающія почти всякое рѣальное значеніе у закона 17 апрѣля, вызваны якобы необходимостью оградить интересы православія въ виду возникшей пропаганды со стороны представителей инославныхъ исповѣданій и нерѣдко насильственнаго совращенія ими членовъ господствующей церкви. Не является ли, однако, такая мотивировка однимъ изъ тѣхъ благовидныхъ предлоговъ, которыми пользуются правящія сферы для проведенія своихъ контръ-реформъ?

Неужели наша господствующая церковь, столь властно поставленная въ жизни, дѣйствительно нуждается еще

въ какихъ-то исключительныхъ мѣрахъ охраны? Не чрезмѣрно ли и такъ страдаетъ православіе отъ административно-полицейской опеки? Вѣроятно, это кажется лишь публицистамъ Страстного бульвара, взявшимъ на себя неблагодарную обязанность охранять неприкосновенность господствующей вѣры и такъ горячо доказывающихъ на страницахъ *Московскихъ Вѣдомостей*, что законъ 17 апрѣля нанесъ ущербъ православію.

Какъ свидѣтельствуютъ многообразные факты текущей дѣйствительности, въ поддержкѣ нуждаются именно тѣ „религіозные отщепенцы“ господствующей церкви, которые остались все въ томъ же безправномъ положеніи, какъ и прежде, несмотря на объявленную вѣротерпимость.

Скажутъ, быть-можетъ, что новыя министерскія правила и циркуляры имѣютъ характеръ лишь временой мѣры, дѣйствующей до тѣхъ поръ, пока особыя совѣщанія, на которыя возложена задача привести принципы вѣротерпимости въ соотвѣтствіе съ существующимъ законодательствомъ, не закончатъ своихъ работъ въ этой области; но можно ли ждать какихъ-либо благопріятныхъ результатовъ отъ тѣхъ мытарствъ и фильтраціи, которымъ подвергается законъ 17 апрѣля въ петербургскихъ канцеляріяхъ и особыхъ совѣщаніяхъ? Не съ бóльшими ли основаніями, судя по составу образованныхъ совѣщаній, можно предполагать, что по завершеніи работъ объемъ указа 17 апрѣля еще болѣе сузится?

Такова уже судьба всѣхъ правительствующихъ реформъ въ Россіи. Примѣромъ можетъ служить еще недавнее прошлое. 16 августа 1864 года былъ изданъ указъ, предоставлявшій послѣдователямъ менѣе вредныхъ сектъ полную свободу въ дѣлахъ вѣры, за исключеніемъ публичнаго оказательства вѣроученія, т.-е. даровавшій почти тѣ же вѣроисповѣдныя привилегіи, что́ и недавній указъ 17 апрѣля. Но чтобы указъ 1864 г. вошелъ въ силу, потребовалось цѣлыхъ 19 лѣтъ безпрерывной работы различныхъ законодательныхъ комиссій: только 3 мая 1883 г. былъ окончательно обработанъ и опубликованъ законъ 1864 года. Изданіе закона 3 мая, какъ намъ уже неоднократно приходилось говорить, Государственный Совѣтъ мотивировалъ заботой объ охранѣ права каждаго вѣрующаго свободно молиться по зако-

намъ своей совѣсти. Прошло немного лѣтъ, и этотъ законъ, благодаря административнымъ предписаніямъ, оказался мертворожденнымъ.

Не повторяется ли нынѣ буквально то же самое съ указомъ 17 апрѣля? Предварительно согласовать съ нимъ дѣйствующее законодательство было поручено отдѣльнымъ министерствамъ, которыя должны были внести свои законопроекты непосредственно въ Государственный Совѣтъ. Вскорѣ эти функціи были перенесены на особое внѣвѣдомственное совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ гр. Игнатьева; наконецъ, было образовано еще новое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Штюрмера. Пока же эти совѣщанія съ обычной канцелярской волокитой обсуждаютъ законопроекты, долженствующіе твердо установить вѣротерпимость въ Россіи, Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ издаются отдѣльные циркуляры и предписанія, по существу уже урѣзывающіе въ значительной степени то, что́ даровалъ указъ 17 апрѣля, и пытающіеся вернуться къ старымъ порядкамъ.

Слишкомъ понятнымъ и яснымъ при такихъ условіяхъ становится смыслъ и значеніе всѣхъ вновь образованныхъ совѣщаній. И невольно вспоминается мудрое изреченіе короля Лира: изъ ничего и выйдетъ ничего.

8 іюля 1905 г.

VII. Религіозная „амнистія“.

Согласно Высочайше утвержденнымъ 17 апрѣля положеніямъ Комитета Министровъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости, министру юстиціи поручено было „озаботиться принятіемъ мѣръ къ облегченію участи тѣхъ осужденныхъ, для которыхъ въ виду перемѣнъ въ уголовныхъ о посягательствахъ на вѣру законахъ наложенное на нихъ наказаніе можетъ быть смягчено или совсѣмъ отмѣнено“.

Представленный министромъ юстиціи проектъ амнистіи по религіознымъ „преступленіямъ“ 25 іюня, по разсмотрѣніи его въ Комитетѣ Министровъ, получилъ Высочайшую санкцію, и указомъ Правительствующему Сенату однимъ изъ осужденныхъ и отбывающихъ наказаніе за проступки, совершонные противъ вѣры, дарована нынѣ амнистія, другимъ — облегченія; полное помилованіе простерлось лишь на виновныхъ въ тѣхъ преступныхъ дѣяніяхъ, которыя нашимъ уголовнымъ кодексомъ не отнесены къ числу тяжкихъ. Какое же значеніе имѣетъ настоящій правительственный актъ?

Наше законодательство въ области вѣры донынѣ налагало неимовѣрно жестокія и суровыя кары за малѣйшіе проступки противъ религіи, т.-е, вѣрнѣе, за нарушеніе принциповъ того офиціальнаго вѣроисповѣданія, которое было признано господствующимъ въ государствѣ; налагало кару за такіе проступки, которые при сколько-нибудь нормальныхъ условіяхъ, конечно, не могли бы считаться наказуемыми. Естественно, что съ перемѣной правительственныхъ взглядовъ на свободу совѣсти должно было неминуемо послѣдовать освобожденіе тѣхъ, кто годами и десятилѣтіями томились въ тюрьмахъ, ссылкѣ и на каторжныхъ работахъ за дѣянія, не только теперь не наказуемыя и молчаливо признанныя закономъ, но и непосредственно имъ дозволенныя.

Съ провозглашеніемъ вѣротерпимости должны были потерять силу прежніе судебные приговоры по цѣлому ряду дѣлъ. На такихъ-то, нынѣ реабилитированныхъ преступниковъ, невиновныхъ въ сущности ни въ какомъ преступленіи, и распространилась прежде всего полная амнистія: получили помилованіе виновные въ публичномъ оказательствѣ раскола и совершеніи духовныхъ требъ, изобличенные въ изданіи старопечатныхъ книгъ, въ устройствѣ раскольничьихъ скитовъ и пр., въ отступленіи отъ православія въ другое исповѣданіе, знавшіе *о готовящемся* отступленіи и не постаравшіеся воспрепятствовать этому. Полная амнистія коснулась и тѣхъ преступниковъ, которые были виноваты лишь въ томъ, что, будучи свидѣтелями порицанія христіанскаго закона и въ особенности церкви православной, не дали знать объ этомъ подлежащему начальству для прекращенія соблазна (за это законъ караетъ арестомъ или тюрьмой до 8 мѣсяцевъ); въ томъ, что отвлекали въ вѣру магометанскую, еврейскую или иную нехристіанскую, *не* употребляя *насилія* (это преступленіе карается лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и каторжными работами отъ 8 до 10 лѣтъ); въ томъ, что отступили въ нехристіанскую вѣру или совратили въ оную изъ православія; въ томъ, что *препятствовали* присоединиться добровольно къ православной церкви, не употребляя при этомъ насильственныхъ дѣйствій; въ томъ, что распространяли существовавшіе уже между *отпавшими* отъ православія ереси и расколы и заводили новые. Получили прощеніе тѣ изъ послѣдователей ереси и раскола (кромѣ скопцовъ), которые по возвращеніи изъ ссылки, вслѣдствіе обращенія въ православіе, снова отступили; тѣ магометане, евреи и язычники, которые, пользуясь невѣжествомъ инородцевъ, перевели ихъ изъ одной нехристіанской въ другую нехристіанскую вѣру; тѣ духовныя лица инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, которыя дѣлали малолѣтнимъ внушенія, противныя православію, хотя бы даже безъ намѣренія совратить ихъ, и принимали въ свое вѣроисповѣданіе безъ разрѣшенія иновѣрца изъ числа русскихъ подданныхъ; наконецъ, родители, обязанные по закону воспитывать дѣтей въ православіи, но воспитывавшіе ихъ по обрядамъ другого христіанскаго вѣроисповѣданія.

Виновные въ перечисленныхъ выше дѣяніяхъ получаютъ амнистію, — какъ тѣ, которые осуждены и от-

бываютъ наказаніе, такъ и тѣ, противъ которыхъ во время изданія указа не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія или не послѣдовало судебнаго приговора; по отношенію же къ тѣмъ, которые окажутся виновными впредь въ подобныхъ преступленіяхъ, возбужденіе уголовнаго преслѣдованія пріостанавливается до введенія въ дѣйствіе новаго Уголовнаго Уложенія, при чемъ, однако, теряютъ силу установленные уголовнымъ закономъ сроки давности.

Такова сущность той части Высочайшаго указа Правительствующему Сенату, которая даруетъ амнистію по религіознымъ преступленіямъ. Ясно, что огромное большинство приведенныхъ статей касается дѣяній, по существу уже нынѣ ненаказуемыхъ, или такихъ, которыя не могутъ считаться преступными при послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь принциповъ, провозглашенныхъ правительственнымъ актомъ 17 апрѣля.

По отношенію къ лицамъ, осужденнымъ за болѣе тяжкія по классификаціи закона преступленія противъ вѣры, какъ-то: богохульство и порицаніе вѣры, оскорбленіе священно-служителей и нарушеніе церковнаго благочинія, насильственныя дѣйствія при совращеніи изъ православія и пр. (гл. 1, 2, 3 разд. II Улож. ст. 176—211), преступленія, наказуемыя заключеніемъ въ исправительныя отдѣленія, крѣпость и тюрьму или ссылкою на каторжныя работы отъ 12 до 15 лѣтъ и безсрочныя, указъ 25 іюня уменьшаетъ срокъ наказанія—въ первомъ случаѣ, т.-е. за преступленія, наказуемыя тюремнымъ заключеніемъ, на одну треть, во второмъ — на половину, при чемъ для сосланныхъ на поселеніе или перешедшихъ уже въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ предоставляется право по истеченіи 8 лѣтъ пребыванія въ ссылкѣ свободнаго избранія мѣстожительства съ нѣкоторыми, впрочемъ, весьма существенными ограниченіями: воспрещается въ теченіе пяти лѣтъ жить въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, вернувшіеся изъ ссылки подлежатъ на такой же срокъ надзору мѣстной административно - полицейской власти и не возстанавливаются въ своихъ правахъ на имущество. Равнымъ образомъ указъ сокращаетъ срокъ наказанія для несовершеннолѣтнихъ и облегчаетъ участь лицъ, воспользовавшихся льготами по предшествовавшимъ манифестамъ. Наконецъ, на обвиняемыхъ по стт. 197, 200—3 Ул. о нак., т.-е. на скопцовъ и лицъ, принадлежащихъ

къ сектамъ, признаннымъ соединенными съ сѣирѣпымъ изувѣрствомъ, либо съ противонравственными, гнусными дѣйствіями, распространяются льготы, дарованныя преступникамъ вообще, за исключеніемъ виновныхъ въ религіозныхъ преступленіяхъ, манифестомъ 11 августа 1904 года, т.-е. сокращается пребываніе на каторгѣ отъ 4 до 6 лѣтъ. Льготы послѣдней рубрики даруются въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ въ пунктѣ 26 ст. XIX манифеста, т.-е. по удостовѣреніи со стороны надлежащихъ властей въ добромъ поведеніи осужденныхъ.

Такимъ образомъ въ положеніи тяжкихъ преступниковъ противъ вѣры объявленная вѣротерпимость не произвела существенныхъ измѣненій: сокращенъ лишь срокъ наказанія. Не вводя никакихъ новшествъ, указъ 25 іюня предусматриваетъ возможность, что и впредь будутъ повторяться религіозныя преступленія и что впредь они съ такой же непомѣрной строгостью послѣ провозглашенія вѣротерпимости будутъ преслѣдоваться, и такихъ, однако, лицъ до введенія въ дѣйствіе правилъ новаго Уголовнаго Уложенія о посягательствахъ на ограждающія вѣру постановленія указъ 25 іюня не оставляетъ безъ „милостей“: на нихъ распространяются на будущее время тѣ именно льготы, которыя дарованы нынѣ осужденнымъ въ прежнее время за тяжкія религіозныя преступленія, т.-е. будутъ сокращаться сроки наказанія на одну треть или на половину.

Приведенная фактическая справка не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Миніатюрныя формы, въ которыя вылилась „правительственная амнистія“, амнистія уже отживающаго режима, никого не можетъ удовлетворить.

27 іюня 1905 г.

IX. Религіозная свобода и правительственныя реформы.

Въ добавленіе къ безчисленнымъ уже правительственнымъ комиссіямъ по разработкѣ реформы, касающейся вѣротерпимости, добавлено еще новое „особое совѣщаніе". На основаніи опубликованной программы предстоящихъ занятій этого совѣщанія можно судить о плодотворности результатовъ, къ которымъ приведетъ, по всей видимости, работа, вѣроятно, уже послѣдняго бюрократическаго начинанія.

Совѣщаніемъ намѣчены 14 пунктовъ, разрѣшеніе которыхъ, по его мнѣнію, представляется необходимымъ для выполненія предначертаній Указа 17 апрѣля. Какъ и слѣдовало ожидать, программа эта не отличается широтой постановки и сводится преимущественно къ разработкѣ нѣкоторыхъ юридическихъ деталей новаго закона. Не говоря уже о томъ, что совѣщаніе не поднимаетъ никакихъ новыхъ принципіальныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ въ послѣднее время общественной мыслею, оно не затрогиваетъ даже такого основного вопроса, какимъ является нынѣ столь принижающая православіе полицейская опека. И такимъ образомъ теоретическія сужденія по этому поводу Комитета Министровъ, не имѣя никакихъ реальныхъ послѣдствій затерялись въ лабиринтахъ обычной канцелярской работы... Точно такъ же въ программѣ совѣщанія отсутствуетъ выдвинутый современной практикой вопросъ о совращеніи или, вѣрнѣе сказать, вопросъ о предоставленіи адептамъ всѣхъ вѣроученій свободы пропаганды исповѣдуемой ими истины.

Въ этой области наше законодательство требовало бы, казалось, послѣ изданія правительственнаго акта, провозгласившаго религіозную свободу, наибольшей обработки, тѣмъ болѣе, что недостаточно точная классифи-

кація въ данномъ случаѣ особенно тяжело и болѣзненно отзывается на положеніи тѣхъ, кто и при старыхъ порядкахъ позволялъ себѣ не соглашаться съ регламентированными правительственной властью доктринами православія. А между тѣмъ монополія на право религіозной пропаганды, которая предоставлена государственной церкви, дозволяетъ и нынѣ всѣхъ мыслящихъ по религіознымъ вопросамъ несогласно съ официальной указкой подвергать сохраненнымъ во всей своей неприкосновенности драконовскимъ уголовнымъ карамъ.

Только два вопроса, непосредственно вытекающіе изъ указа 17 апрѣля,—о свободномъ переходѣ изъ одного христіанскаго вѣроисповѣданія въ другое, т.-е. о безнаказанномъ и безпрепятственномъ отпаденіи отъ православія и о публичномъ оказательствѣ вѣроученія, несогласнаго съ принципами официальнаго вѣроисповѣданія, могутъ представить общій интересъ въ программѣ занятій, намѣченныхъ особымъ совѣщаніемъ.

Нѣтъ надобности, конечно, еще разъ распространяться на тему о томъ, что при послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь принциповъ Указа 17 апрѣля оба поставленные вопроса могутъ быть разрѣшены только въ смыслѣ предоставленія полной свободы выхода изъ кабальной зависимости отъ какого-либо религіознаго ученія, безъ всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя поставлены временными правилами, выработанными въ канцеляріи Министерства Внутреннихъ дѣлъ и введенными уже въ дѣйствіе. Къ какой фикціи вѣротерпимости приведутъ всѣ эти циркулярныя разъясненія, ставящія попрежнему религіозную свободу подъ контроль мѣстной администраціи, въ зависимость отъ ея усмотрѣнія, другими словами, произвола, можно было видѣть изъ предшествующихъ статей.

Приступающее нынѣ къ занятіямъ особое совѣщаніе о вѣротерпимости, повидимому, съ такой точкой зрѣнія несогласно, такъ какъ, игнорируя всѣ основные вопросы, связанные съ понятіемъ свободы совѣсти, по газетнымъ извѣстіямъ, оно предполагаетъ обратить особое вниманіе на ущербъ, который причинилъ якобы православію указъ 17 апрѣля, и на какую-то проблематическую необходимость охранить неприкосновенность господствующей вѣры, и такъ уже не въ мѣру охраняемой полицейскими силами. Стоитъ лишь вглядѣться въ окру-

жающую реальную дѣйствительность, чтобы воочію убѣдиться, что не только свобода совѣсти, какъ абсолютное право, но и простая вѣротерпимость, заключающаяся лишь въ допущеніи безпрепятственнаго выполненія религіозныхъ обрядовъ, далеко еще не осуществлена въ Россіи, а между тѣмъ правительственная власть начинаетъ уже задумываться о мѣрахъ къ ограниченію и этой „избыточной“, по ея мнѣнію, вѣротерпимости, или „необузданной свободы“, какъ выразился одинъ изъ столповъ православія, чиновникъ особыхъ порученій при синодскомъ оберъ-прокурорѣ и редакторъ миссіонерскаго журнала, г. Скворцовъ, на петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ 1902 года. Да иначе и не можетъ быть, разъ только стоять на точкѣ зрѣнія архаической программы офиціальной народности, провозгласившей нераздѣльной трехчленную формулу русской государственной идеи. Тотъ же Скворцовъ въ своемъ *Миссіонерскомъ Обозрѣніи.* доказываетъ, что требованіе свободы и непринужденія въ вѣрѣ является подкопомъ подъ русскую государственность: „Спаяность государственная и церковная слишкомъ велика въ православно-самодержавной Россіи, чтобы отвергать одно, не трогать другого“.

Поэтому новое петербургское совѣщаніе о вѣротерпимости, какъ и всѣ другія аналогичныя бюрократическія начинанія, заранѣе обречены на безплодіе.

Въ сущности въ настоящее время потеряли всякій интересъ эти канцелярскія работы, равно какъ и мнѣнія, которыхъ придерживаются представители вѣдомства православнаго исповѣданія, мертвенность котораго еще такъ недавно была признана представителями самой церкви. Мнѣнія эти слишкомъ знакомы русскому обществу, и они могутъ представлять лишь историческій интересъ. Но мы наканунѣ созыва народныхъ представителей, которые должны сказать свое слово. Они должны провозгласить тѣ неотъемлемыя права человѣка и гражданина, которыхъ такъ долго произвольно было лишено наше отечество и которыхъ такъ властно нынѣ требуетъ вся мыслящая Россія.

И, конечно, среди различныхъ свободъ одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ свобода совѣсти. Свобода совѣсти безъ всякихъ ограниченій, и можно быть почти увѣреннымъ, что эта элементарная свобода, при которой, согласно духу хри-

стіанства, не должно быть ни іудея ни эллина, будетъ провозглашена независимо отъ первоначальнаго состава народныхъ представителей. Въ бюрократическомъ государствѣ религіозная свобода была подавлена, въ правовомъ государствѣ вѣротерпимость не будетъ простымъ бумажнымъ актомъ, безъ всякихъ почти реальныхъ послѣдствій въ жизни.

Не являясь синонимомъ отдѣленія церкви отъ государства, религіозная терпимость, конечно, можетъ быть осуществлена и при сохраненіи принципа господствующей церкви. Но при такой увѣренности должны ли мы, однако, снять съ очереди вопросъ объ освобожденіи церкви отъ подчиненія свѣтской власти, т.-е. о полномъ разграниченіи вѣдомствъ церкви и государства, о чемъ такъ много говорилось за послѣднее время?

Это подчиненіе при современномъ государственномъ строѣ дошло до крайнихъ предѣловъ. Получивъ бюрократическую организацію, церковь подъ тяжелымъ бременемъ полицейской опеки лишилась своего жизненнаго значенія. Проповѣдуя столь чуждую христіанству идею приниженности человѣческой личности и подчиненія своему подневольному положенію, она явилась врагомъ всѣхъ прогрессивныхъ начинаній и неуклонной защитницей господствующаго общественнаго строя. Своимъ высшимъ „нравственнымъ“ авторитетомъ она освящала для массъ реакціонныя дѣйствія правительства. Вся русская исторія объ этомъ свидѣтельствуетъ, и никогда церковь православная не была „съ народомъ среди всѣхъ его униженій“, какъ смѣло заявлялъ одинъ изъ ораторовъ на религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ, М. А. Тернавцевъ; никогда русская церковь не была съ „бѣднѣйшими подневольными классами“...

Чтобы нынѣ не напоминать собою „сухой смаковницы“ и не быть выразительницей лишь „канцелярскаго богословія“, церкви нужно освобожденіе отъ путъ бюрократическаго гнета. Но свобода православной церкви тѣсно и неразрывно связана съ осуществленіемъ въ Россіи, полной свободы религіи. Она получитъ это освобожденіе съ паденіемъ стараго режима и водвореніемъ конституціоннаго строя. Будетъ ли въ сотсояніи, однако, господствующая церковь, вѣками находившаяся въ „параличѣ“, сдѣлаться прогрессивнымъ учрежденіемъ, способнымъ отстаивать дѣло свободы и соціальныхъ преобразованій,

сможетъ ли она возстановить въ чистомъ видѣ демократическое христіанское ученіе, сумѣетъ ли она приспособиться къ новымъ государственнымъ началамъ, какъ приспособилась къ старому режиму, или она раздѣлитъ участь почти общую всѣмъ „государственнымъ“ церквамъ и, получивъ въ лицѣ своихъ представителей возможность участвовать въ политической жизни страны, сдѣлается охранительницей старыхъ устоевъ, готовой на почвѣ эксплуатаціи предразсудочности массъ поднять знамя контръ-революціи, — это покажетъ недалекое будущее.

Реальныя условія русской жизни, повидимому, мало содѣйствуютъ образованію воинствующей церкви и намъ, кажется, нечего бояться столь могущественнаго на Западѣ вліянія клерикализма. Но, несомнѣнно, однако, что и у насъ при общемъ реакціонномъ характерѣ господствующей церкви, осложненія въ политической жизни будутъ неизбѣжны. Дабы избѣгнуть ихъ, есть одно только средство: одновременно съ политическимъ освобожденіемъ Россіи долженъ быть уничтоженъ и другой оплотъ современнаго государственнаго строя — государственная церковь. Религія есть частное дѣло — дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго лица.

Таковы великіе принципы, выработанные долгимъ историческимъ процессомъ развитія человѣческой мысли. Требованіе объ отдѣленіи церкви отъ государства должно быть начертано на знамени каждой прогрессивной политической партіи—никакой государственной, національной и привилегированной религіи, никакого господствующаго вѣроисповѣданія. Церковь есть частное общество, не пользующееся никакими преимуществами, отсюда должно неминуемо вытекать признаніе всѣхъ церквей равноправными, отмѣна государственной поддержки исключительно лишь господствующей нынѣ церкви и обязательнаго преподаванія догматовъ какого бы то ни было религіознаго культа на общественный счетъ.

Исторія даетъ намъ примѣры, когда въ государствѣ съ свободными учрежденіями господствующая церковь подвергалась стѣсненіямъ и даже преслѣдованіямъ, какъ вредная реакціонная сила. Въ ней видѣли синонимъ общественной и умственной отсталости. Но разъ религія будетъ объявлена частнымъ дѣломъ, общественная роль церкви будетъ сыграна, и для ея реакціонныхъ теченій найдется отпоръ въ свободномъ обмѣнѣ мыслей,— это

единственное и дѣйствительно цѣлесообразное средство для борьбы съ нежелательными сектантскими доктринами. Тамъ, гдѣ свобода осуществляется въ такомъ видѣ, всюду стремятся оградить какъ церковь отъ вмѣшательства государства, такъ и государство отъ вмѣшательства церкви, стремятся разграничить эти столь различные по природѣ факторы. Такъ должна быть понимаема знаменитая формула Кавура: Libera Chiesa in libero stato, готовая осуществиться нынѣ во Франціи.

И мы, перестраивая заново у себя государственный строй, должны также добиваться „свободной церкви въ свободномъ государствѣ“.

1905 г.

X. Черезъ годъ.

„Кто изъ васъ, желая построить башню, не сядетъ прежде и не вычислитъ издержекъ, имѣетъ ли онъ что нужно для совершенія ея, дабы, когда положитъ основаніе и не возможетъ совершить, видѣвшіе не стали смѣяться надъ нимъ, говоря: этотъ человѣкъ началъ строить и не могъ окончить.

(Лук. 14).

Годъ назадъ торжественно провозглашена была у насъ вѣротерпимость: уничтожена была видимо та административная кабала, въ которой находились послѣдователи государственной церкви, дана была свобода исповѣданія многомилліоннымъ „отщепенцамъ“ православія. Вся печать привѣтствовала правительственный актъ, несмотря на его несовершенства; привѣтствовала его, какъ начало той законодательной работы, которая должна была окончательно устранить изъ русской жизни печальные остатки религіозной нетерпимости.

Прошелъ годъ, въ теченіе котораго самыя различныя правительственныя комиссіи усиленно разрабатывали вопросъ объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и о согласованіи дѣйствующаго Уголовнаго Уложенія съ указомъ 17 апрѣля. Общественное мнѣніе и реальныя требованія жизни опредѣленно указывали, въ какомъ направленіи должны были итти законодательныя работы по осуществленію въ Россіи началъ вѣротерпимости. Общество требовало провозглашенія полной свободы совѣсти, т.-е. свободы вѣры и невѣрія, свободы пропаганды исповѣдуемаго вѣроученія и полнаго разграниченія вѣдомствъ церкви и государства; оно требовало устраненія всякихъ уголовныхъ каръ за религіозныя преступленія, уничтоженія самаго термина — „престу-

пленіе“ въ дѣлахъ вѣры, столь несоотвѣтствующаго истинному ученію христіанства.

Наканунѣ великаго праздника православной церкви вновь опубликованъ законъ, долженствующій укрѣпить начала вѣротерпимости.

Новый законъ не вноситъ никакихъ принципіальныхъ измѣненій въ существующее законодательство. Мы ждали, что съ церкви будетъ снята государственная опека, а вмѣсто этого узнаемъ, что отнынѣ всякая попытка совращенія православнаго въ какое-либо вѣроисповѣданіе, ученіе и секту будетъ подвергаться уголовной карѣ, хотя бы это совращеніе выразилось лишь въ публичномъ произнесеніи рѣчи или распространеніи соотвѣтствующаго сочиненія. Между тѣмъ, по разъясненіямъ Правительствующаго Сената, даже по старому кодексу подлежало наказанію лишь совращеніе, соединенное съ какимъ-нибудь насильственнымъ дѣйствіемъ. Теперь же за всякую попытку проповѣдывать ученіе, несогласное съ государственной религіей, виновный будетъ подвергаться заключенію въ крѣпости до одного года. Вмѣсто ожидаемой свободы совѣсти мы добились лишь существенной урѣзки, провозглашенной годъ назадъ вѣротерпимости; голосъ общества и печати, какъ и слѣдовало ожидать, остался втуне.

На практикѣ получается нѣчто совершенно несообразное. Новый правительственный актъ представляетъ самое широкое поприще для вмѣшательства администраціи и полицейскихъ властей въ вѣроисповѣдныя права русскихъ гражданъ. На любомъ собесѣдованіи миссіонеры и другіе дѣятели господствующей церкви могутъ узрѣть попытку „совращенія“ и возбудить уголовное преслѣдованіе противъ виновника въ произнесеніи публичной рѣчи, направленной на совращеніе. Такая уродливая „свобода совѣсти“, такая призрачная вѣротерпимость могла явиться продуктомъ лишь бюрократическаго творчества. Только въ полицейскомъ государствѣ можетъ быть провозглашаема такая свобода совѣсти, на дѣлѣ лишенная самыхъ элементарныхъ требованій, связанныхъ съ этимъ понятіемъ.

Но въ какомъ разительномъ противорѣчіи, однако, стоятъ реальные результаты годовой правительственной работы съ тѣми принципами, которые провозглашалъ

Комитетъ Министровъ, приступая къ разработкѣ проекта вѣроисповѣдныхъ реформъ? Вспомнимъ рѣчь „высокопреосвященнаго“ Антонія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго, доказывавшаго „нравственную тягость“ примѣненія ст. 1006 уст. уг. суд., возлагающей „на духовное начальство обязанность требовать отъ подлежащихъ властей производства предварительнаго слѣдствія по дѣламъ о совращеніи изъ православія“; митрополитъ Антоній такую обязанность „требовать преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ преступленій и проступковъ противъ вѣры“ считалъ противорѣчащей „положеннымъ въ основу православной церкви началамъ мира и христіанской любви“ и полагалъ необходимымъ отмѣнить или измѣнить указанную статью закона; вспомнимъ, что Комитетъ Министровъ, соглашаясь съ высказаннымъ мнѣніемъ, также полагалъ необходимымъ измѣнить дѣйствующее въ этой области законодательство: разъ „церковь сама отказывается итти путемъ насилія надъ религіозными убѣжденіями“, не въ интересахъ государства примѣненіе репрессивныхъ мѣръ. Религіозная нетерпимость, по вѣрному признанію Комитета Министровъ, возбуждаетъ „фантастически-враждебное отношеніе къ православной церкви“; „постоянное обращеніе церкви къ свѣтской власти за содѣйствіемъ въ той или другой формѣ“ лишь обостряло еще болѣе положеніе вещей. „Опираясь не на содѣйствіе свѣтскихъ властей, а на кроткое учительство своихъ пастырей, церковь достигнетъ болѣе благихъ, чѣмъ когда-либо, результатовъ“. Это „послужитъ къ вящшему возвеличенію православной церкви и явится могущественнымъ орудіемъ въ рукахъ ея для борьбы съ религіозными заблужденіями“.

То, что „не подлежало сомнѣнію“ въ теоріи, вылилось совсѣмъ въ иныя формы въ дѣйствительности. Классической формулой „все осталось по-старому“ можно наилучшимъ образомъ характеризовать эту дѣйствительность.

Правда, теоретическое признаніе въ правительственныхъ сферахъ невозможности и безполезности „насильственнаго охраненія православія“ за счетъ несогласныхъ съ нимъ религіозныхъ убѣжденій являлось бы само по себѣ огромнымъ шагомъ впередъ по сравненію съ господствовавшей ранѣе правительственной идеоло-

гіей. Но кто повѣритъ въ искренность этихъ признаній? Не является ли это простымъ „приспособленіемъ“, приспособленіемъ, вынужденнымъ лишь необходимостью, къ новымъ властнымъ требованіямъ русской общественной жизни? Не то же самое ли это двоедушіе и неискренность, къ которымъ принуждало русское правительство прежде несогласныхъ съ офиціальнымъ вѣроисповѣданіемъ и казеннымъ богословіемъ? Мы въ правѣ сдѣлать именно такое заключеніе.

„Принципъ самъ по себѣ, а жизнь сама по себѣ“— откровенно заявлялъ на религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ прот. Соллертинскій. Но и „принципъ“ офиціальныхъ дѣятелей господствующей церкви, съ которыми безъ тенденціозной натяжки мы можемъ отождествлять представителей высшей бюрократіи, руководившихъ разработкой и осуществленіемъ въ жизни правительственныхъ вѣроисповѣдныхъ реформъ, въ дѣйствительности далеко не соотвѣтствуютъ выводамъ, которые дѣлались въ періодъ, когда у насъ разыгрывались „весеннія мелодіи“.

Не лучшимъ ли доказательствомъ служатъ рѣчи тѣхъ же дѣятелей въ петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ. Кто другой, какъ не В. М. Скворцовъ, производилъ мудрыя „богословскія“ изысканія, доказывавшія, что евангельскій текстъ указываетъ „на мѣры, переходящія изъ словъ убѣжденія въ область *дѣйствія*“, по отношенію „къ проповѣдникамъ лжевѣрія и отступникамъ отъ христіанской вѣры“. Вотъ она искренняя апологія насилія, апологія путемъ богословской казуистики чисто акробатическаго характера, которой, въ свою очередь, еще такъ недавно занимался проф. Буткевичъ въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи вопроса о смертной казни.

Но еще болѣе картинно и образно изобразилъ намъ настоящее мнѣніе господствующей церкви, какъ таковой, на свободу совѣсти арх. Антонинъ въ своихъ возраженіяхъ на докладъ кн. С. М. Волконскаго: „Къ характеристикѣ общественныхъ мнѣній по вопросу о свободѣ совѣсти“. Возражая „либераламъ совѣсти“, которые на собраніи доказывали, „что идея протекціонизма должна быть чужда религіи“, что „всѣ религіи въ государствѣ должны пользоваться правомъ гражданства“, арх. Антонинъ говорилъ, что „фактическое сожительство нѣсколь-

кихъ религій“ не отвѣчаетъ „духу Христову, духу вселенской церкви“... „Нѣтъ, Христосъ не можетъ сжиматься... Здѣсь приложимъ всею своею субстанціональною мощью законъ упругости. Съ нимъ никто не можетъ возсѣсть рядомъ. Вы домогаетесь свободы вѣрованія, какъ кому вѣрится, какъ кому взбрело; извольте, это ваше эгоистическое стремленіе, но не санкціонируйте его именемъ Евангелія, духа Христа. Идея солидарности въ глубинѣ своей не христіанская, и въ однѣхъ и тѣхъ же пространственныхъ границахъ созиданіе алтарей истинному Богу и рядомъ какому-нибудь Ваалу недопустимо“. Въ „напускномъ великодушіи: „всѣ вѣры предъ Богомъ равны“ лежатъ, — доказывалъ дальше ораторъ,— принципъ, убивающій идею церкви“. Впрочемъ, въ вопросѣ о насиліи, санкціонируемомъ будто бы христіанствомъ, арх. Антонинъ разошелся со своимъ коллегой г. Скворцовымъ: „Христіанство,—говорилъ онъ,— налагаетъ на чужую совѣсть не кулакомъ исправника, не тесакомъ городового, оно давитъ ее своею внутреннею абсолютною мощью“... „Причина зла не въ томъ, что за однимъ стоитъ городовой, а за другимъ его нѣтъ, а въ томъ, что безусловная, абсолютная истина не допускаетъ никакого взвѣшиванія себя съ ложью“. Архіепископъ Антонинъ отождествляетъ православіе съ христіанствомъ, но, тѣмъ не менѣе, долженъ признать, что въ Россіи „допускаются внѣшнія насилія надъ религіозною совѣстью; это, по его мнѣнію, „прикладная сторона“ дѣла...

Въ сущности эта прикладная сторона и является центромъ міросозерцанія дѣятелей господствующей церкви. „Мы благословляемъ государственную власть въ Россіи,— пишетъ священникъ Потѣхинъ на страницахъ *Миссіонерскаго Обозрѣнія*,— которая, начиная отъ помазанника Божія, благочестиваго царя нашего, и кончая слугами его, всѣми *этими губернаторами, судьями, исправниками, становыми и урядниками*, такъ ненавистными „свободной совѣсти“ пропагандистовъ, идетъ на помощь церкви, препятствуетъ свободѣ отпаданія и совращенія“.

Вотъ она истинная „свобода совѣсти“, вотъ она вѣротерпимость подъ непосредственной опекой полицейскаго урядника, являющаяся идеаломъ нашихъ правительственныхъ реформаторовъ! И конечно, пока всѣ цер-

ковныя преобразованія будутъ проводиться подъ угломъ зрѣнія необходимой полицейской поддержки господствующей церкви; пока будетъ не нарушена солидарность самодержавно-полицейскаго режима и православія — никакой свободы совѣсти въ Россіи не можетъ быть. Не можетъ быть уже потому, что представители нашей государственной жизни считаютъ „свободу совѣсти однимъ изъ главныхъ принциповъ революціи“.

Старый порядокъ сказалъ уже свое окончательное слово. На истощенной почвѣ нѣтъ больше творчества. Молодая, уже свободная Россія можетъ дать лишь новыя силы, необходимыя для обновленія ненормальныхъ церковно-общественныхъ отношеній. Все это служитъ еще разъ яркимъ доказательствомъ, что церковная реформа можетъ быть осуществлена въ духѣ свободы совѣсти лишь при дѣятельномъ участіи народныхъ представителей.

17 апрѣля 1906 г.

III.

Наканунѣ свободы.

1. Наканунѣ амнистіи.

Первымъ актомъ новаго строя, въ который вступаетъ Россія, должна явиться полная амнистія всѣхъ пострадавшихъ въ борьбѣ со старымъ режимомъ. Вся страна единодушно требуетъ, чтобы плѣнники въ періодъ долголѣтней гражданской войны были освобождены, и партія „народной свободы“, которая должна занять главенствующее мѣсто въ первую сессію Государственной Думы, отвѣчая этому народному требованію, въ первую очередь вноситъ соотвѣтствующій законопроектъ амнистіи.

Однако въ этомъ проектѣ амнистіи, выработанномъ В. Д. Набоковымъ, заключается одно существенное упущеніе. Распространяя актъ освобожденія на всѣхъ понесшихъ кару за свои политическія убѣжденія, онъ вовсе не затрогиваетъ лицъ, потерпѣвшихъ за свои религіозныя убѣжденія. Между тѣмъ религіозная амнистія неминуемо связывается съ амнистіей политической; преслѣдованіе такъ называемыхъ религіозныхъ преступленій въ эпоху господства бюрократіи являлось всегда наиболѣе вопіющимъ нарушеніемъ основныхъ правъ русскихъ гражданъ, такъ какъ вся дѣйствовавшая до сихъ поръ законодательная система, ограждающая принципъ неприкосновенности офиціальнаго вѣроисповѣданія, была построена на началахъ, идущихъ въ разрѣзъ съ элементарнымъ представленіемъ о вѣротерпимости и свободѣ совѣсти. Ни одно культурное законодательство Запада не берется квалифицировать преступность тѣхъ дѣяній, которыя такъ точно регламентируетъ нашъ архаическій, отличающійся средневѣковой нетерпимостью уголовный кодексъ.

Съ „перемѣной“ правительственныхъ взглядовъ на свободу совѣсти и послѣдовавшимъ затѣмъ официальнымъ провозглашеніемъ въ Россіи вѣротерпимости неминуемо должно было, конечно, послѣдовать освобожденіе тѣхъ, кто былъ ограниченъ въ своихъ правахъ и нерѣдко десятилѣтіями томился въ тюрьмѣ за дѣянія, закономъ признанныя теперь ненаказуемыми. На этихъ реабилитированныхъ „преступниковъ“, которые при сколько-нибудь нормальныхъ условіяхъ не могли по существу подлежать какому-либо воздѣйствію со стороны государственной власти, а тѣмъ болѣе уже уголовной карѣ, распространилась, какъ мы уже видѣли, объявленная 25 іюня прошлаго года правительственная амнистія. Она коснулась осужденныхъ и отбывающихъ наказанія за тѣ проступки, совершонныя противъ вѣры, которые нашимъ уголовнымъ кодексомъ не были отнесены къ разряду тяжкихъ. По отношенію же къ лицамъ, осужденнымъ за болѣе тяжкія по классификаціи закона преступленія противъ вѣры, къ какимъ относилось порицаніе вѣры, оскорбленіе священнослужителей, нарушеніе церковнаго благочинія и т. д., — преступленія, наказуемыя вплоть до безсрочной ссылки на каторжныя работы, указъ объ амнистіи 25 іюня уменьшилъ лишь срокъ наказанія на половину или на одну треть. Несомнѣнно, однако, что при послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь принциповъ вѣротерпимости, провозглашенныхъ правительственными актами 17 апрѣля и 17 октября прошлаго года, вся система постановленій, ограждающихъ неприкосновенность государственной вѣры, требовала бы измѣненій согласно современнымъ взглядамъ на сущность религіозныхъ преступленій. При такихъ условіяхъ должны были бы потерять силу прежніе судебные приговоры по цѣлому ряду дѣлъ.

Этого не произошло, но это должно произойти теперь. Первое собраніе избранниковъ русскаго народа должно провозгласить полную свободу совѣсти для русскихъ гражданъ и полную религіозную амнистію на ряду съ политической. Это требованіе вытекаетъ не только изъ признанія ненаказуемости по существу большей части такъ называемыхъ религіозныхъ преступленій, но и изъ того реальнаго факта, что подкладкой для религіозныхъ гоненій при старомъ режимѣ служили по преимуществу политическіе мотивы. Вспомнимъ, наконецъ, съ какими

грубыми нарушеніями принциповъ правосудія велись у насъ сектантскіе процессы, хотя бы, напримѣръ, знаменитое въ судебныхъ лѣтописяхъ дѣло павловскихъ крестьянъ. Это дѣло явилось плодомъ провокаціонной дѣятельности правительства, какъ, несомнѣнно, уже выяснено въ настоящее время. А между тѣмъ десятки невинно пострадавшихъ въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ томятся въ глубинѣ „сибирскихъ рудъ“.

25 апрѣля 1906 г.

II. Патріаршество въ связи съ преобразованіемъ отношеній церкви и государства.

Модная одно время идея возстановленія патріаршества, зародившаяся въ бюрократическихъ сферахъ, сошла уже было со сцены. Въ періодической печати достаточно уже было выяснено, что археологическая реставрація учрежденія съ отжившими формами совершенно не соотвѣтствуетъ запросамъ времени, на которыя должна отвѣчать предстоящая реформа церковной жизни. И вотъ теперь эта идея вновь выплыла въ недавнихъ постановленіяхъ предсоборной комиссіи при Синодѣ. Возрожденіе патріархата рѣшено подавляющимъ большинствомъ русскихъ епископовъ, засѣдавшихъ въ синодальномъ присутствіи.

И это понятно: проектируемое епископами преобразованіе церковнаго строя является синонимомъ усиленія епископальной власти Для церкви же и ея многочисленныхъ адептовъ предстоящая реформа церковныхъ отношеній, затрогивающая лишь внѣшнія формы церковнаго управленія, не принесетъ по существу ничего новаго.

Господствующая церковь, превращенная въ простое „вѣдомство православнаго исповѣданія", изнываетъ подъ гнетомъ полицейской опеки; лучшія ея представители единодушно требуютъ освобожденія отъ вѣкового подчиненія ея государственнымъ цѣлямъ и возстановленія каноническаго устройства, т.-е. организаціи церкви свободной, выборной и самоуправляющейся. Такая реформа прогрессивными органами духовной печати признается необходимой для нравственнаго возрожденія церкви, для усиленія ея духовнаго авторитета: „нужно возрожденіе силы церкви

путемъ пробужденія ея творчества". Этого требуетъ „современное церковное сознаніе". Но именно этого не дастъ православію отжившая и осужденная исторіей идея патріархата. Она не устранитъ тлетворнаго вліянія, которое имѣетъ на ходъ церковной жизни бюрократическая организація церкви. Какъ свидѣтельствуетъ вся исторія досинодскаго патріаршества въ московскій періодъ русской исторіи, патріаршество не освобождало церковь отъ порабощенности мірскимъ интересамъ, отъ того административнаго „усмотрѣнія", которое превратило нашу государственную церковь въ „сухую смоковницу" и дѣлало изъ нея орудіе „властованія".

При участіи духовенства въ политической жизни страны епископальныя desiderata въ практическомъ своемъ осуществленіи являются равнозначущими реакціонной попыткѣ создать воинствующую церковь, которая гнетъ бюрократіи замѣнитъ гнетомъ ненавистнаго живой мысли клерикализма. Если бюрократія въ свое время носилась съ идеей возобновленія патріаршества, то, можно думать, ей въ то время смутно грезилась возможность попытки непосредственнаго обращенія къ народу чрезъ духовный авторитетъ патріарха для сохраненія трехчастной формулы русской государственной жизни — символа стараго режима: „православія, самодержавія и національности". Но эта мишурная иллюзія возможности обращенія самодержавія къ народу разбилась о реальныя условія русской жизни, о полное несоотвѣтствіе идеи стараго порядка съ народными надеждами и желаніями.

Въ настоящее время рѣшеніе синодской комиссіи, вырабатывающей матеріалъ для предстоящаго церковнаго собора, имѣетъ болѣе узкую сферу примѣненія. Оно можетъ затрогивать лишь интересы господствующей церкви, т.-е. вопросы скорѣе внутренняго распорядка. Но передъ нами стоитъ еще вопросъ общегосударственнаго характера, который могутъ разрѣшить лишь народные представители. Это общій крайне трудно разрѣшимый вопросъ о системѣ регламентаціи взаимныхъ отношеній церкви и государства.

Во всемъ образованномъ мірѣ въ настоящее время утвердился взглядъ на религію, какъ на частное дѣло гражданина, на которое не должно распространяться вмѣшательство государственной власти; никакое внѣшнее принужденіе не должно стѣснять про-

явленія въ государствѣ религіозныхъ міросозерцаній. Послѣдовательное проведеніе принципа религіозной свободы требуетъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства, категорическаго разграниченія области политики и религіи. Идеальное разрѣшеніе этихъ требованій, выработанныхъ долгимъ историческимъ процессомъ человѣческой мысли и начерченныхъ на знамени всѣхъ прогрессивныхъ политическихъ партій, сводилось бы къ признанію равноправными всѣхъ церквей безъ исключенія, къ уничтоженію государственной національной привилегированной церкви, къ отмѣнѣ государственной поддержки исключительно лишь господствующему вѣроисповѣданію и обязательнаго преподаванія догматовъ какого бы то ни было религіознаго культа на общественный счетъ. Церковь, какъ частное общество, не должна была бы пользоваться никакими особыми преимуществами.

Такая коренная реформа врядъ ли, однако, осуществима при настоящихъ условіяхъ въ Россіи; къ такому рѣшенію вопроса не пришелъ еще и культурный Западъ. Конституціи всѣхъ западно-европейскихъ государствъ на ряду съ другими неотъемлемыми правами личности гарантируютъ неприкосновенность религіозной свободы, но большинство изъ нихъ не проводятъ послѣдовательно этого принципа; въ нихъ живъ еще старый элементъ полицейской опеки государства надъ вѣрующей личностью, который выражается въ нѣкоторомъ предпочтеніи, оказываемомъ покровительствуемому государственному вѣроисповѣданію. Но, конечно, принадлежность къ господствующему вѣроисповѣданію не даетъ на Западѣ никакихъ правовыхъ привилегій. И только одна Россія до сихъ поръ стояла на средневѣковой точкѣ зрѣнія полицейской опеки государства надъ религіозной жизнью гражданъ; насильственной охраны неприкосновенности господствующаго вѣроученія, игнорированія непокровительствуемыхъ религій и, наконецъ, даже насильственнаго искорененія извѣстныхъ религіозныхъ міросозерцаній.

Теперь слѣдуетъ сдѣлать рѣшительный шагъ къ устраненію этого гнета и водворенію религіозной свободы. Если признать при настоящихъ условіяхъ неосуществимой реформу полнаго отдѣленія церкви отъ государства, то вмѣшательство государственной власти

должно выражаться лишь въ формѣ охраны религіозной свободы отъ различныхъ правонарушеній, при чемъ эта охрана естественно должна распространиться на всѣ безъ исключенія въ государствѣ религіозныя группы, т.-е. должна гарантировать вѣрующимъ неприкосновенность религіозной свободы. Эту цѣль и преслѣдуетъ законопроектъ, представленный партіей „народной свободы“ въ Государственную Думу.

Іюнь 1906 г.

III. Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы.

Государственная власть не должна выступать въ роли цензора убѣжденій своихъ подданныхъ: это — первая основная аксіома правового государства. Среди гражданскихъ свободъ, гарантирующихъ такое право подданныхъ, одною изъ важнѣйшихъ, конечно, является свобода совѣсти, затрогивающая наиболѣе интимную сторону духовной жизни человѣка.

Великій принципъ религіозной свободы долженъ быть осуществленъ во всей полнотѣ; неуклонно должно быть признано, что государство не въ правѣ принимать какихъ-либо принудительныхъ мѣръ полицейскаго характера для искорененія того или другого религіознаго міросозерцанія, — другими словами, никакое вѣроученіе не можетъ быть объектомъ государственныхъ мѣропріятій.

Нѣкоторые изслѣдователи, являющіеся въ общемъ защитниками принципа религіозной свободы, полагаютъ, однако, что государство не можетъ признавать безусловной свободы за всѣми вѣроученіями и для нѣкоторыхъ изъ нихъ должно дѣлать изъятіе во имя охраны общественной нравственности и порядка. Такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ изслѣдователей, необходима совокупность извѣстныхъ правовыхъ нормъ, опредѣляющихъ объемъ допустимой въ государствѣ религіозной свободы. Такое признаніе за государствомъ права карательныхъ функцій, ограничивающихъ религіозную свободу гражданъ, выдвинуло бы еще другой сложный вопросъ о составѣ и наказуемости религіозныхъ преступленій. Пришлось бы подвергнуть самому тщательному и детальному критическому анализу юридическую природу рели-

гіозныхъ преступленій, иначе карательная дѣятельность государства въ этой области легко могла бы привести къ реставраціи старыхъ формъ религіозной нетерпимости и полицейской опеки государства надъ вѣрующей личностью. Съ другой стороны, потребовалось бы еще болѣе точное опредѣленіе объема и содержанія правъ, входящихъ въ составъ религіозной свободы.

По мнѣнію другихъ изслѣдователей, отстаивающихъ идею полной религіозной свободы, послѣдовательное проведеніе въ жизнь этого принципа влечетъ за собой отрицаніе права за государствомъ выступать противъ религіозной свободы въ своихъ карательныхъ постановленіяхъ, но зато налагаетъ на государственную власть другую обязанность — дать религіозной свободѣ „правовую охрану". Такую защиту вѣроисповѣдныхъ интересовъ гражданъ отъ преступнаго посягательства съ чьей-либо стороны государство можетъ предоставить путемъ примѣненія извѣстнаго цикла уголовныхъ каръ. На такой именно точкѣ зрѣнія стоитъ пр.-доц. Московскаго университета С. В. Познышевъ, недавно выпустившій новое изслѣдованіе, посвященное разсмотрѣнію вопроса объ отношеніи государства къ религіозной свободѣ [1]).

Тема автора помимо общаго принципіальнаго интереса имѣетъ большое практическое значеніе. Въ ближайшемъ будущемъ Россія должна сдѣлать, наконецъ, рѣшительный шагъ къ реальному осуществленію принципа свободы совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, подвергнуть коренной переработкѣ все дѣйствующее законодательство о религіозныхъ преступленіяхъ.

Наше отечественное законодательство, создавшееся въ періодъ могущественнаго господства полицейско-бюрократическаго режима, до сихъ поръ зиждется на признаніи устарѣвшаго нынѣ принципа полицейской опеки государства надъ религіозной жизнью гражданъ. При такихъ условіяхъ, понятно, въ законодательныхъ нормахъ, а тѣмъ болѣе въ практикѣ государственнаго управленія великій принципъ свободы совѣсти не могъ найти себѣ примѣненія. Вѣроисповѣдныя реформы послѣдняго времени не измѣнили существа

[1]) С. *В. Познышевъ*. „Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы". Къ реформѣ нашего законодательства о религіозныхъ преступленіяхъ. М. 1906. Ц. 1 р. 50 к.

дѣла, тѣмъ болѣе, что начала религіозной терпимости, возвѣщенныя въ недавнихъ правительственныхъ манифестахъ, при укоренившихся въ правительственной практикѣ старыхъ бюрократическихъ традицій, въ жизни не получили вовсе надлежащаго осуществленія. Вводя нѣкоторыя новшества въ дѣйствующія законодательныя нормы, которыя уничтожали существовавшія въ Россіи религіозныя гоненія въ прямомъ смыслѣ этого слова, и устанавливая нѣкоторыя гарантіи религіозной свободы за опредѣленными, признанными государствомъ, вѣроисповѣдными группами, эти реформы почти не затрогивали самаго основанія нашего законодательства. Общая руководящая его идея, связывающая воедино религію и политику, осталась неизмѣнна.

Народнымъ представителямъ надлежитъ теперь провести радикальную реформу, которая должна основываться на совершенно новыхъ началахъ; реформа въ области регламентаціи духовной жизни русскаго народа, какъ признаютъ въ объяснительной запискѣ къ основнымъ положеніямъ сами автора законопроекта о свободѣ совѣсти, внесеннаго группой депутатовъ на разсмотрѣніе Государственной Думы „менѣе чѣмъ гдѣ-либо допускаетъ полумѣры и компромиссы“. Выробатывая новыя начала, долженствующія лечь въ основу новыхъ законодательныхъ нормъ, регулирующихъ отношеніе государства къ религіозной свободѣ, мы должны воспользоваться, конечно, всѣми данными, которыя представляютъ намъ наука, жизнь и практика конституціонныхъ государствъ Западной Европы.

С. В. Познышевъ въ своемъ изслѣдованіи наглядно показываетъ, что большинство западно-европейскихъ законодательствъ, опредѣляющихъ отношеніе государства къ церкви, далеко не стоитъ на высотѣ современной науки и требованій общественной жизни. Въ нихъ много еще анахронизма, поэтому изъ критической оцѣнки и сопоставленія данныхъ этихъ законодательствъ можно извлечь немногія полезныя (и то больше отрицательнаго характера) свѣдѣнія. Законодательному творчеству народныхъ представителей придется выработать правовыя нормы независимо отъ оцѣнки дѣйствующаго права на Западѣ, т.-е. преимущественно путемъ логическаго развитія идеи религіозной свободы. Предстоящія законодательныя постановленія Россіи не должны заключаться

въ подражаніи какому-либо Западно-европейскому законодательству.

Изъ признанія идеи религіозной свободы, независимо даже отъ разрѣшенія вопроса о полномъ разграниченія вѣдомствъ церкви и государства, безусловно вытекаетъ то положеніе, что государство не должно покровительствовать ни одной религіи и, наоборотъ, ни одну религію не должно стѣснять посредствомъ уголовныхъ наказаній и, наконецъ, всякую религію оно должно охранять отъ грубыхъ оскорбленій и насильственныхъ дѣйствій, т.-е. „Государственная власть должна охранять свободу критики и борьбы религіозныхъ міросозерцаній отъ разнаго стѣсняющаго ихъ насилія, отнюдь не стараясь сама рѣшить извѣстные религіозные вопросы и обязать гражданъ къ принятію тѣхъ рѣшеній, которыя представляются ей наиболѣе правильными".

Послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа религіозной свободы не допускаетъ никакихъ ограниченій во имя какихъ-либо государственныхъ соображеній.

Большинство изслѣдователей, иностранныхъ и нашихъ отечественныхъ, въ сущности не согласны съ этимъ взглядомъ. Предлагаемыя ими ограниченія большей частью сводятся къ „признанію за государствомъ права не допускать въ своей средѣ религіозныхъ ученій, противныхъ нравственности и опасныхъ для правопорядка или публичной пропаганды атеизма" (Моль, Блюнчли, Арсеньевъ, Рейснеръ). Авторъ разбираемаго изслѣдованія вполнѣ справедливо возражаетъ противъ такого взгляда.

Не говоря уже объ атеизмѣ (для ограниченія атеистической проповѣди не можетъ быть никакихъ основаній; если право атеизма, по признанію цитированной выше объяснительной записки, безъ всякаго сомнѣнія входитъ въ послѣдовательно проводимый принципъ свободы совѣсти, то столь же несомнѣннымъ должно быть право его пропаганды; право свободы исповѣданія, право невѣрія и пропаганды неразрывно связаны другъ съ другомъ), борьба съ безнравственными и вредными ученіями должна заключаться не въ наказаніяхъ, а въ содѣйствіи свободной и гласной критикѣ этихъ ученій и въ разныхъ мѣрахъ народнаго просвѣщенія. Наказаніе—весьма плохое средство борьбы съ какимъ-либо вѣроученіемъ, какъ это показала хотя бы многолѣтняя русская практика. Принудительныя мѣры,

конечно, не могутъ затормазить распространенія религіи, даже самой что ни на есть вредной, разъ только гонимое ученіе находитъ благопріятную для своего распространенія почву въ психикѣ гражданъ, въ тѣхъ соціально-экономическихъ условіяхъ, при которыхъ течетъ ихъ индивидуальная и общественно-политическая жизнь. Всякое преслѣдованіе неминуемо создаетъ ореолъ мученичества и содѣйствуетъ тѣмъ самымъ еще большему распространенію преслѣдуемаго ученія. Эти соображенія сами по себѣ говорятъ противъ примѣненія какихъ-либо уголовныхъ каръ по отношенію къ ученіямъ, признаннымъ безнравственными. Въ подтвержденіе можно привести достаточно яркій примѣръ изъ русской дѣйствительности.

Противоестественная секта скопцовъ, причисляемая къ однимъ изъ самыхъ изувѣрныхъ и фанатичныхъ ученій, подвергалась у насъ всегда усиленнымъ гоненіямъ. Между тѣмъ сектантская идеологія находила себѣ почву для распространенія въ ненормальныхъ условіяхъ русской жизни и отсутствіи просвѣщенія въ народной массѣ, и скопчество, несмотря на всѣ правительственныя репрессіи, продолжало существовать (см. статью III, V). Наблюденія надъ нашими соотечественниками-скопцами, эмигрировавшими отъ преслѣдованій на родинѣ въ Румынію, гдѣ они не подвергались никакимъ ограниченіямъ, наглядно показываетъ, что терпимость въ этой области привела къ полному вымиранію скопчества. Скопчество въ Румыніи рѣшительно не находитъ послѣдователей и пополняется лишь новыми выходцами изъ Россіи. Сектантская ревность при столкновеніи съ нормальными условіями общежитія испарилась.

Противъ уголовнаго преслѣдованія какихъ бы то ни было безнравственныхъ религіозныхъ ученій говоритъ и то соображеніе, что понятіе „вѣчнаго закона нравственности“, на который ссылаются нѣкоторые изслѣдователи, между прочимъ, К. К. Арсеньевъ, слишкомъ растяжимо. Мы такого „вѣчнаго“ закона, къ сожалѣнію, не знаемъ; его и не можетъ быть, такъ какъ понятія нравственности соотвѣтствуютъ лишь общественной идеологіи даннаго времени, которая легко измѣняется въ зависимости отъ реальныхъ условій общежитія. Такимъ образомъ понятіе о вѣчной правдѣ слишкомъ субъективно и спорно. Ученія вредныя и безнравственныя съ точки

зрѣнія государства въ извѣстное время могутъ оказаться вскорѣ общепризнанными. Если стоять на точкѣ зрѣнія необходимости подавлять путемъ принудительныхъ мѣръ вредныя ученія, то нельзя не согласиться съ г. Познышевымъ, что преслѣдуемыми должны будутъ считаться „всѣ имморалистическія ученія, всѣ вообще ученія, противныя морали, на которой стоитъ казенная печать и которая считается государствомъ истиной". Ученія, враждебныя правопорядку, охраняемому государствомъ, могутъ возникать и не на религіозной почвѣ. Слѣдовательно, государственная власть должна будетъ выступать вообще „въ роли строгаго цензора убѣжденій своихъ подданныхъ". Такой выводъ совершенно не соотвѣтствуетъ представленію о той свободѣ личности, которую стремится гарантировать гражданину каждое конституціонно-правовое государство. Такой путь охраны государственныхъ интересовъ слишкомъ рискованъ и шатокъ; онъ способенъ воскресить порядки стараго полицейскаго режима. Нѣтъ! ученіе, каково бы они ни было, пока оно остается только ученіемъ, не должно быть наказуемо. Когда проявленіе имморалистическихъ вѣрованій выражается въ формѣ преступленій, государственная власть должна съ ними бороться, т.-е. бороться съ реальными, а не предполагаемыми фактами. Въ этомъ отношеніи г. Познышевъ высказываетъ вполнѣ правильный взглядъ, хотя и у него такое признаніе ненаказуемости имморалистическихъ ученій не проводится съ достаточной послѣдовательностью; авторъ какъ бы признаетъ все-таки возможность уголовной кары въ видѣ предупредительной мѣры, съ оговоркой, впрочемъ, что „въ этихъ случаяхъ особенно важно не полагаться исключительно на наказаніе, а видѣть въ немъ лишь необходимое дополненіе широкихъ предупредительныхъ, просвѣтительныхъ мѣръ" и что „въ самомъ наказаніи слѣдуетъ отвести особенно видное мѣсто разнымъ мѣрамъ просвѣщенія".

Небольшой экскурсъ въ область русскаго сектантства показалъ бы намъ опасность уголовнаго наказанія въ качествѣ предупредительной мѣры для послѣдователей нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ изувѣрныхъ сектъ. Къ сожалѣнію, большинство слишкомъ мало знакомо съ русскимъ сектантствомъ и принимаетъ на вѣру показанія изслѣдователей, являющіяся нерѣдко плодомъ из-

мышленія досужей фантазіи [1]). Въ статьѣ „Изувѣрныя секты и вѣротерпимость“ (см. III, IV) мы постараемся показать всю необоснованность той „научной“ экспертизы, на основаніи которой нѣкоторымъ русскимъ сектамъ приписывается характеръ изувѣрныхъ ученій. Мы не будемъ поэтому здѣсь повторять этихъ аргументовъ, подтвержденныхъ далѣе фактическими данными, и добавимъ лишь, что нѣкоторые психіатры, правда, слишкомъ обобщая часто свои выводы, видятъ во многихъ сектахъ, относимыхъ къ числу изувѣрныхъ, проявленія эпидемическаго душевнаго заболѣванія. Конечно, бороться съ болѣзненными явленіями уголовными средствами не только безполезно, но и недопустимо.

Такимъ образомъ, общій выводъ будетъ тотъ, что государство не въ правѣ ограничивать религіозной свободы до тѣхъ поръ, пока эта свобода не проявится въ какомъ-либо дѣяніи, предусмотрѣнномъ общими уголовными законами. Въ послѣднемъ случаѣ совершившіе уголовное преступленіе подлежатъ отвѣтственности. Въ одномъ только можетъ быть ограничена религіозная свобода государственной властью. Государство не можетъ допускать отказа отъ исполненія гражданскихъ или политическихъ обязанностей въ силу религіозныхъ убѣжденій; иначе выходило бы, — какъ справедливо замѣчаетъ г. Познышевъ, — что религіозныя убѣжденія даютъ нѣкоторыя привилегіи, а это открывало бы возможность всякому ссылкою на свои убѣжденія сбросить бремя общественныхъ повинностей. Свобода однако, въ такомъ случаѣ явилась бы нарушеніемъ интересовъ другихъ: но, конечно, „государство должно предоставить каждому, несогласному съ его порядкомъ, право свободнаго выхода изъ него. Оно можетъ также допустить замѣну одного вида служенія индивида обществу другимъ, равноцѣннымъ, если такая замѣна не сопряжена съ излишними тягостями для другихъ гражданъ“.

---

[1]) Такую ошибку, напримѣръ, сдѣлалъ недавно М. М. Ковалевскій, который въ своей статьѣ „Религіозная Свобода“, напечатанной въ *Странѣ*, á propos категорически утверждаетъ, что скопцы и хлысты предписываютъ оскопленіе и повальный грѣхъ всѣмъ послѣдователямъ своего вѣроученія. Эти утвержденія на самомъ дѣлѣ мало соотвѣтствуютъ дѣйствительности.

Итакъ, по мнѣнію г. Познышева, отношенія государственной власти въ религіозной свободѣ должны сводиться къ охранѣ этой свободы отъ различныхъ правонарушеній. Установивъ такое положеніе г. Познышевъ въ своемъ изслѣдованіи пытается намѣтить предѣлы, въ которыхъ допустима охрана религіозной свободы путемъ уголовныхъ каръ.

Вполнѣ раздѣляя выводъ г. Познышева въ критической части его работы, мы однако не можемъ согласиться съ построеніемъ той „системы идеальныхъ нормъ“, которую онъ предлагаетъ въ качествѣ проекта отечественному законодателю. Быть-можетъ, его система является наилучшей изъ дѣйствующихъ системъ, наиболѣе приближающейся къ требованіямъ научныхъ и житейскихъ фактовъ, но она далеко не удовлетворяетъ идеальнымъ требованіямъ.

Во всемъ культурномъ мірѣ все болѣе и болѣе утверждается взглядъ на религію какъ на частное дѣло гражданъ, на которое не должно распространяться вмѣшательство государственной власти. Поэтому для насъ идеальной системой было бы полное невмѣшательство государства въ область религіи, полное разграниченіе интересовъ церкви и государства. По мнѣнію автора, государство не можетъ относиться безразлично къ вопросамъ религіи, такъ какъ послѣдняя является важнымъ благомъ для громаднѣйшаго большинства людей. Такая точка зрѣнія въ сущности недалеко уходитъ отъ взгляда представителей стараго порядка, видѣвшихъ въ религіи одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ государственной жизни. При идеальномъ разрѣшеніи взаимныхъ отношеній церкви и государства нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять въ особую группу религіозныя преступленія, т. е. преступленія противъ религіозной свободы. Такое преступленіе должно разсматриваться какъ простое правонарушеніе; насиліе надъ религіозной свободой есть насиліе надъ личностью, предусматриваемое общимъ уголовнымъ законодательствомъ. Выдѣлять посягательство на религіозную свободу въ отдѣльную группу на томъ основаніи, что эти преступленія затрогиваютъ религіозныя отношенія, къ которымъ примѣшивается какое-то „особое чувство благоговѣнія“, врядъ ли представляется возможнымъ. Если для одного оскорбленіе религіознаго чувства затрогиваетъ его „святая святыхъ“,

то, быть-можетъ, для другого еще въ большей степени эту интимную сторону души будетъ затрогивать оскорбленіе отца, матери или другого близкаго человѣка. Однакоже ни одинъ уголовный кодексъ не выдѣляетъ такихъ преступленій въ особую группу.

Если г. Познышевъ не считаетъ религіознымъ преступленіемъ осквернение трупа или гробницы, потому что здѣсь, по его мнѣнію, оскорбляется чувство уваженія къ человѣческой личности, присущее человѣку безотносительно къ какимъ-либо религіознымъ міросозерцаніямъ, то и съ его точки зрѣнія не должно быть основаній дѣлать какое-либо исключеніе для другихъ видовъ оскорбленія религіознаго чувства. Вѣдь несомнѣнно, что для извѣстнаго вѣрованія оскорбленіе покойника можетъ оказаться самымъ сильнымъ поруганіемъ божества, искренняго и глубокаго религіознаго чувства. Законодатель, который хотѣлъ бы провести извѣстную грань между видами религіозныхъ преступленій, не нарушая принципа религіозной свободы, запутался бы въ противорѣчіяхъ и принужденъ былъ бы отказаться отъ классификаціи этихъ видовъ. Необходимость, между тѣмъ, самой точной классификаціи можно было бы доказать на шаблонныхъ житейскихъ примѣрахъ: безъ нея невозможна та свободная борьба и критика религіозныхъ міросозерцаній, которую г. Познышевъ считаетъ необходимымъ элементомъ религіозной свободы и которую должна, по его представленію, гарантировать гражданамъ государственная власть. Нельзя найти такого общаго критерія, которымъ можно было бы безапелляціонно руководиться, рѣшая вопросъ о зачисленіи того или другого дѣянія въ списокъ преступныхъ. Критерій, заключающійся въ признаніи въ высшей степени проблематичнаго закона нравственности, слишкомъ неопредѣленъ и мало пригоденъ для практическаго законодательства.

Самому г. Познышеву не удалась попытка установить предѣлы допустимой для государства уголовной охраны религіозной свободы.

Въ заключеніе слѣдуетъ добавить, что при послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь принципа невмѣшательства государственной власти въ религіозныя отношенія гражданъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія

противъ лица, покусившагося на религіозную свободу гражданъ, должно итти въ порядкѣ частнаго обвиненія.

Къ такому именно разрѣшенію вопроса объ отношеніи государства къ религіозной свободѣ стремятся тѣ новѣйшія западно-европейскія законодательства, которыя страдаютъ, по мнѣнію г. Познышева, „чрезмѣрно слабой, защитой религіозной свободы".

19 августа 1906 г.

IV. Изувѣрныя секты и вѣротерпимость.

Въ своихъ сужденіяхъ о вѣротерпимости Комитетъ Министровъ, „въ принципѣ“ признавъ, что „убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ-либо неправомѣрномъ дѣяніи“, изъ этого общаго правила счелъ нужнымъ изъять секты изувѣрныя. Исходя изъ такой точки зрѣнія, указъ 17 апрѣля 1905 г., по официальному выраженію, стремившійся обезпечить каждому изъ русскихъ подданныхъ „свободу вѣрованія и молитвъ по велѣніямъ его совѣсти“, выдѣлилъ также изъ группъ сектантовъ, на которыя распространились новыя вѣроисповѣдныя привилегіи, послѣдователей такъ называемыхъ изувѣрныхъ ученій. Такимъ образомъ ст. 203 Улож. о нак., карающая одну лишь *принадлежность* къ извѣстнымъ вѣроученіямъ, сохраняетъ свою силу во всей неприкосновенности.

При такихъ условіяхъ, конечно, прежде всего возникаетъ вопросъ, какими признаками должно руководиться въ жизни при классификаціи сектъ, принадлежность къ которымъ подлежитъ по закону уголовной отвѣтственности?

Наше законодательство въ настоящее время въ сущности знаетъ лишь одну секту, носящую опредѣленный изувѣрный характеръ, это — скопчество, послѣдователи которой подвергаются лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе подъ строжайшій надзоръ мѣстнаго гражданскаго начальства или въ каторжныя работы [1]); ограничиваясь лишь общимъ указаніемъ и не перечисляя въ ст. 203 въ точности существующія изувѣрныя секты, законодатель тѣмъ самымъ какъ бы

---

[1]) Стт. 197, 201, 202 Улож. о нак., стт. 90, 91 Уст. о пред. и пресѣч. прест.

призналъ, что ни одно религіозное ученіе въ силу исповѣдуемыхъ догматовъ и молитвенныхъ обрядовъ не можетъ быть отнесено въ число изувѣрныхъ сектъ, но допустилъ возможность изувѣрныхъ и безнравственныхъ дѣйствій въ жизненномъ проявленіи той или иной секты. Если въ каждый данный моментъ такая секта обнаружится, то изобличенный въ принадлежности къ ней подлежитъ уголовной отвѣтственности по 203 ст., хотя бы даже, какъ разъяснилъ Правительствующій Сенатъ (Рѣш. уг. деп. 1895 г., № 34), не было установлено непосредственно личное выполненіе самыхъ дѣйствій, дѣлающихъ лжеученіе нетерпимымъ въ государствѣ.

Кто же, однако, долженъ констатировать появленіе секты изувѣрнаго характера и опредѣлить ея сущность? По-старому это всецѣло зависитъ отъ „компетентнаго“ мнѣнія тѣхъ экспертовъ - миссіонеровъ, которые являются на судъ вовсе не въ качествѣ свѣдущихъ лицъ, а заинтересованной стороной, т.-е. обвинителями. О солидности же „научныхъ“ данныхъ, на которыхъ до сихъ поръ часто основывались обвиненія сектантовъ въ изувѣрныхъ дѣйствіяхъ, можно судить по примѣру довольно распространенной у насъ секты хлыстовъ, въ которой эксперты почти всегда усматриваютъ признаки изувѣрства; на судѣ до настоящаго времени повторяются шаблонныя обвиненія, что хлысты якобы причащаются грудью своей богородицы и кровью заколотаго младенца, что они сушатъ сердце умерщвленнаго ребенка, обращаютъ его въ порошокъ и запекаютъ въ хлѣбъ, употребляемый для причащенія, что радѣнія хлыстовъ будто бы неизбѣжно соединяются со свальнымъ грѣхомъ и т. д.

Насколько основательны бываютъ подобныя обвиненія хлыстовъ въ противонравственныхъ и гнусныхъ дѣяніяхъ, показываетъ свидѣтельство одного изъ изслѣдователей раскола, котораго при всемъ желаніи нельзя заподозрѣть въ сочувствіи къ сектантству, — проф. казанской духовной академій Н И. Ивановскаго („Судебная экспертиза о сектѣ хлыстовъ“ *Журн. Мин. Юстиціи* 1896 г., № 1).

Въ нашей „ученой“ литературѣ мнѣніе объ изувѣрныхъ дѣйствіяхъ хлыстовъ поддерживается главнымъ образомъ на основаніи *историческихъ* данныхъ, именно указаніе на изувѣрное причащеніе хлыстовъ находится въ книгѣ „Розыскъ“ св. Дмитрія Ростовскаго. Этотъ

святитель, разсказывая объ одномъ изувѣрѣ, неизвѣстно къ какой сектѣ принадлежащемъ, черпалъ свои свѣдѣнія отъ другихъ лицъ, которыя, въ свою очередь, „неизвѣстно какимъ путемъ эти свѣдѣнія собрали“. О дѣтоубійствѣ у хлыстовъ весьма неопредѣленно упоминается и въ другомъ сочиненіи первой половины XVIII в.: „Обличеніе неправды раскольничей“ Ѳеофилакта, архіепископа тверского, и, наконецъ, это видно изъ слѣдственнаго дѣла о хлыстахъ 1745 г.: „Изслѣдованіе о богомерзкой квакерской ереси“. Въ упомянутомъ „изслѣдованіи“ значится, что слѣдственной комиссіей при обыскѣ одного дома въ с. Преображенскомъ, близъ Москвы, найдены были мѣшечки, принадлежавшіе одному учителю-хлысту, съ какими-то крошками. По изслѣдованіи докторомъ и аптекаремъ „черезъ горячую воду и микроскопъ“ было признано, что эти крошки были частями человѣческаго тѣла. Далѣе спрошенная при подъемѣ на дыбу нѣкая дѣвка Лукерья открыла, что на сборищахъ хлыстовъ „чинилось плотское совокупленіе и рождаемыхъ младенцевъ одинъ учитель кололъ въ грудь, разрѣзывалъ брюхо и вынималъ сердце“; послѣ этого тѣла зарывали въ кельяхъ и сѣняхъ въ землю. Сей учитель Артамоновъ въ „пыткѣ предѣльной“ сознался въ убійствѣ дѣтей, и, дѣйствительно, при обыскѣ кости нашли въ одной кельѣ. Однако, по освидѣтельствованіи ихъ въ медицинской конторѣ эксперты показали, что кости эти всѣ „звѣрскія, а не человѣческія“. Впослѣдствіи же выяснилось, что Лукерья показала, „не стерпя подъема на дыбу“.

Таковы почерпнутыя изъ памятниковъ старины „научныя“ историческія данныя, на которыхъ основываютъ нѣкоторые изслѣдователи и эксперты свои выводы объ изувѣрствѣ, наблюдаемомъ въ сектѣ хлыстовъ. Эти изслѣдователи „очень обстоятельно“ разсказываютъ, какъ происходятъ радѣнія и прочія изувѣрныя дѣйствія. И оказывается, что на самомъ дѣлѣ никто изъ нихъ, какъ они сами признаются, не видѣлъ тѣхъ преступленій, которыя они описываютъ, какъ несомнѣнный фактъ. Одинъ изслѣдователь лишь *слышалъ* отъ какой-то богородицы, что хлысты съѣли у нея лѣвую грудь и выпили кровь ея восьмилѣтняго ребенка; другой также въ своемъ сообщеніи руководится „искреннимъ признаніемъ“, сдѣланнымъ какимъ-то хлыстомъ

и т. д. Если эти изслѣдователи сами заявляютъ, что юридически (т.-е. фактически) изувѣрное преступленіе не было обнаружено ни разу, то естественно несравненно большей вѣры заслуживаютъ показанія тѣхъ изслѣдователей, которые отмѣчаютъ и другія черты въ ученіи хлыстовъ. Даже цитируемый нами авторъ указываетъ, что основной заповѣдью хлыстовъ является требованіе — „хранить чистоту, яко зѣницу ока“, что основной нравственный догматъ этого ученія чисто аскетическаго характера: „плотскаго грѣха не творить и женатымъ жить, какъ брату съ сестрой“. Поводъ къ обвиненію хлыстовъ въ изувѣрныхъ дѣйствіяхъ нерѣдко подаютъ символическія пѣснопѣнія хлыстовъ. Такъ въ одномъ стихѣ поется: „Дай намъ пречистымъ тѣломъ твоимъ причаститься“. Но дѣло въ томъ, что этого нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ. Языкъ хлыстовъ преисполненъ аллегоріями и словами, заимствованными изъ текста священнаго писанія, при чемъ точный смыслъ всегда игнорируется: подъ пречистымъ тѣломъ здѣсь подразумѣвается духовное общеніе.

Приведенная справка достаточно ярко рисуетъ необоснованность „научной“ экспертизы, которая естественно въ сектантскихъ процессахъ имѣетъ рѣшающій голосъ. А между тѣмъ на этой почвѣ въ жизни разыгрываются иногда тяжелыя драмы.

Возьмемъ для примѣра секту скопцовъ, отнесенную къ числу „вреднѣйшихъ“, преслѣдуемыхъ закономъ сектъ. Какъ разъяснилъ Сенатъ, наказуя принадлежность къ скопчеству, ст. 201 Ул. о нак., преслѣдуетъ собственно не самый фактъ оскопленія, которое считается дѣяніемъ ненаказуемымъ, а оскопленіе вслѣдствіе религіознаго фанатизма, возбужденнаго скопческимъ ученіемъ (рѣш. уг. касс. деп. 1873 г., № 527, 1874 г. — 656, 1875 г. — 284). Наказаніе за скопчество можетъ быть примѣняемо только къ лицамъ, сознательно и намѣренно сдѣлавшимся скопцами (рѣш. с. 1877 г. № 81), только такія лица подвергаются уголовному преслѣдованію по ст. 203 (рѣш. с. 1871 г. — № 1818, 1872 г.—257). Такъ говоритъ законъ, а жизнь говоритъ нѣчто другое.

Еще сравнительно недавно въ Рязани разбирался одинъ характерный скопческій процессъ. 83 крестьянина Скопинскаго уѣзда обвинялись въ принадлежности къ этой

сектѣ; здѣсь были уже дряхлые старики и старухи, здѣсь были пожилые люди, цвѣтущая молодежь, подростки и даже дѣти. Корреспондентъ, наблюдавшій ихъ на судѣ, говоритъ, что у большинства обвиняемыхъ былъ обыкновенный видъ, они производили чрезвычайное благопріятное впечатлѣніе своею скромностью и ласковымъ отношеніемъ другъ къ другу. Три часа совѣщались по этому дѣлу присяжные. Кромѣ тѣхъ „научныхъ“ данныхъ, которыя представила имъ экспертиза, у нихъ не было, конечно, никакихъ аргументовъ. И вотъ, 65 человѣкъ были осуждены; среди нихъ были и не скопцы. Осужденные были приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Пока же имъ не будетъ опредѣлено мѣсто для поселенія, они должны были вернуться въ тюрьму, гдѣ, быть-можетъ, томились уже нѣсколько мѣсяцевъ. Среди обвиненныхъ изувѣровъ находилась женщина, у которой были дѣти 2 и 5 лѣтъ, которымъ некуда было пріютиться безъ матери. Болѣзненные вопли, рыданія и слезы—такъ закончился судъ правый, скорый и милостивый!..

Есть ли теперь, послѣ объявленія вѣротерпимости, какія-либо гарантіи, что подобныя явленія уже болѣе не повторятся? Разъ вѣроисповѣдная реформа не коснулась существа дѣла, — не въ правѣ ли мы ожидать, что наши эксперты-миссіонеры и другіе дѣятели православія постараются, пожалуй, найти признаки изувѣрства даже тамъ, гдѣ другой бы увидѣлъ лишь идеальную нравственную чистоту? Не такъ далеко еще то время, когда въ вину сектантамъ на судѣ ставилось „фарисейское воздержаніе отъ худыхъ дѣлъ“, когда сектанты заточались въ монастырскія тюрьмы за благотворительность и добрыя дѣла, совершаемыя яко бы съ цѣлью привлечь къ себѣ послѣдователей, когда на основаніи закона 1894 г. подъ видомъ штундизма преслѣдовались самыя различныя фракціи сектантства, и когда обвинители, не имѣя конкретныхъ признаковъ преступнаго дѣянія, находили эти признаки сокрытыми „въ глубинѣ духа“ сектантовъ. И за такія преступленія люди осуждались.

Во избѣжаніе недоразумѣній въ будущемъ, быть-можетъ, не лишнимъ будетъ напомнить еще разъ, что, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Сената, судъ, опредѣляя преступныя свойства той или иной секты для

примѣненія 203 ст. Улож., долженъ въ *точности* установить тѣ *практическія* проявленія религіозныхъ вѣрованій, въ коихъ усматриваются изувѣрныя и противонравственныя дѣйствія, т.-е. долженъ указать, въ чемъ именно состоятъ эти дѣйствія, что, преслѣдуя изувѣрныя секты, законъ (особенно уже послѣ провозглашенія вѣротерпимости) имѣетъ лишь цѣлью охранить интересы частныхъ лицъ и требованіе общественной нравственности; имѣетъ въ виду отдѣльные, единичные и конкретные факты изувѣрства и не допускаетъ какихъ-либо обобщеній, построенныхъ на основаніи научныхъ данныхъ, особенно данныхъ такого рода, о которыхъ мы говорили выше.

Остается, однако, совершенно непонятнымъ, зачѣмъ надо было такъ усиленно подчеркивать въ правительственныхъ актахъ положеніе, что религіозная свобода не коснулась изувѣрныхъ сектъ, самая принадлежность къ которымъ карается закономъ. Неужели недостаточно было общаго признанія Комитета Министровъ, что религіозная свобода не можетъ быть стѣснена лишь до тѣхъ поръ, „пока вредное заблужденіе не проявится въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ“, и что „въ послѣднемъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразнымъ оказывается преслѣдовать въ уголовномъ порядкѣ именно отдѣльныхъ лицъ за тѣ проступки, въ которыхъ противозаконная ихъ дѣятельность проявится?“

2 августа 1905 г.

V. Гоненія на скопцовъ.

(Изъ исторіи сектанства въ Россіи).

Въ № 264 *Русскихъ Вѣдомостей* (1903 г.) была напечатана статья г. W. „Русскіе скопцы въ Румыніи". Рѣчь въ ней шла о нашихъ соотечественникахъ-скопцахъ, эмигрировавшихъ въ Румынію отъ преслѣдованій, которыя грозили имъ на родинѣ. Румынскіе законы не преслѣдуютъ скопцовъ „за вѣру", и скопчество, по словамъ автора статьи, здѣсь „рѣшительно не находило послѣдователей". Эта противоестественная секта, лишенная „фантизирующаго и, пожалуй, импонирующаго ореола преслѣдованія", привлекала „лишь снисходительно-насмѣшливое вниманіе румынъ" и „рекрутировалась только новыми выходцами изъ Россіи". Секта мало-по-малу вымираетъ подъ вліяніемъ терпимости, и случаи насильственнаго оскопленія, приводимые въ статьѣ, авторъ весьма справедливо разсматриваетъ, какъ послѣднія отчаянныя вспышки „дикаго фанатизма старыхъ изувѣровъ, чувствующихъ, что почва ускользаетъ у нихъ изъ-подъ ногъ, и сектантская ревность испаряется при столкновеніи съ обычными условіями". Въ подтвержденіе этого взгляда мы хотимъ разсказать одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ изъ исторіи скопчества въ Россіи, наглядно показывающій, къ какимъ результатамъ привели гоненія, воздвигнутыя въ 50 годахъ прошлаго столѣтія на скопцовъ.

Скопчество при своемъ возникновеніи, быть-можетъ, болѣе, чѣмъ какая-либо другая секта, носило исключительно религіозный характеръ,— это былъ монашескій орденъ среди сектантовъ, скопцы —„люди Божіи". Какъ бы темнымъ и изувѣрнымъ не казалось намъ ученіе этихъ фанатиковъ-ригористовъ, нельзя отрицать, что въ основѣ оно преслѣдовало нравственныя цѣли,— это былъ протестъ противъ деморализаціи нравовъ и въ частности противъ распущенности хлыстовскихъ общинъ, изъ среды которыхъ и выдѣлились въ 60 годахъ XVIII столѣтія скопчество.

Чтобы понять идеологію скопцовъ, какъ представителей извѣстной религіозной секты, мы должны прослѣдить, хотя бы очень кратко, исторію возникновенія и развитія скопческихъ теорій.

Корни скопчества, какъ было указано, лежатъ въ вѣроученіи хлыстовъ. Ошибочно искать объясненія всѣмъ этимъ сектамъ въ какихъ-либо постороннихъ вліяніяхъ: исходною точкой ихъ была окружающая дѣйствительность, и всѣ они являются болѣе или менѣе оригинальнымъ продуктомъ религіозно-народнаго творчества. Хлыстовщина возникла въ средѣ раскольниковъ-старообрядцевъ [1]). Тѣ изъ старообрядцевъ, которые покинули почву церковной традиціи, т.-е. безпоповцы, должны были въ силу необходимости своимъ умомъ создать себѣ новыя формы вѣры. И эта самостоятельная работа мысли, естественно, привела къ постепенной спиритуализаціи религіи въ сферѣ самого старообрядчества. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій этого народнаго умственнаго теченія явилась въ самомъ концѣ XVII столѣтія секта хлыстовъ, принявшая впослѣдствіи сильно мистическую окраску. Смѣнившая обрядовый формализмъ идея, что „церковь Божія“ есть „вѣра“, у хлыстовъ вылилась въ проповѣдь вселенія Бога въ человѣческую душу; отсюда явилось стремленіе къ мистическому соединенію съ божествомъ, возможному только при извѣстномъ патологическомъ состояніи, которое достигалось путемъ круженія и верченія до потери сознанія на радѣніяхъ. Начавъ съ проповѣди воздержанія и аскетизма, хлысты, однако, создали другую, совершенно противоположную идеологію. Самый легкій способъ убить плоть — немедленное удовлетвореніе ея желаній; дѣлая отсюда логическій выводъ, хлысты стали превращать (далеко, впрочемъ, не всегда) свои моленныя собранія въ сходбища съ эротическими цѣлями. Протe-

[1]) Мы оставляемъ въ сторонѣ проявленіе хлыстовской идеологіи въ болѣе ранній періодъ — напримѣръ, извѣстная въ Россіи секта стригольниковъ; а также отдѣльныя болѣе поздніе проявленія хлыстовскихъ и скопческихъ ученій, возникавшихъ и распространявшихся исключительно на почвѣ психопатіи населенія подъ вліяніемъ убійственныхъ экономическихъ и политическихъ условій русскаго общежитія.

Мы беремъ лишь ту среду, въ которой хлыстовская идеологія получила теоретическое обоснованіе; ту среду, въ которой хлыстовское ученіе явилось, такъ сказать, логическимъ развитіемъ господствовавшаго въ ней міросозерцанія.

стомъ противъ такого извращенія первоначальной идеологіи хлыстовщины и явилось скопчество.

Препятствіе къ спасенію души заключается въ женщинѣ: „женская лѣпость весь свѣтъ поѣдаетъ и къ Богу итти не пущаетъ“. Единственное средство къ спасенію—лишать людей самой способности грѣшить. Толкуя произвольно слова евангелиста Матѳея: „Аще око твое соблазняетъ тя, изми е“, скопцы стали подвергать себя мучительной операціи, физически уродуя себя. „Не для корысти и почести я это дѣлаю, а для души“,—говоритъ скопецъ суду присяжныхъ. Аскетическое направленіе народной мысли, сказавшееся въ образованіи скопческой секты, могло принять эпидемическій характеръ, но не могло, конечно, удовлетворить *подобно прежней проповѣди самосожженія массы*. Очень рано секта скопцовъ стала измѣнять свой первоначальный характеръ: проповѣдь умерщвленія плоти пріобрѣтала характеръ проповѣди духовнаго скопчества: „Обрѣзывайтє сердце отъ злыхъ дѣлъ и помышленій“. Если на ряду съ проповѣдью этого духовнаго аскетизма продолжало развиваться скопчество съ изувѣрскимъ насиліемъ, пріобрѣвшее интенсивный ростъ въ царствованіе императора Николая I, то это объясняется исключительно тѣми гоненіями, которыя претерпѣвала секта.

Уже съ первыхъ лѣтъ своего появленія скопчество было отнесено къ разряду сектъ, признанныхъ особо вредными въ государственномъ отношеніи. Правительство стремилось оградить населеніе отъ „безумцевъ“ не путемъ духовнаго увѣщаванія и другихъ нравственныхъ мѣръ, а „градскимъ казненіемъ“. Въ первые годы царствованія Александра I, въ „золотой вѣкъ русскаго сектантства“, когда правительство смотрѣло на расколъ, какъ на „церковное заблужденіе“ и не придавало ему „политическаго значенія“, и на скопцовъ смотрѣли „сквозь пальцы“. „И разумомъ и опытомъ давно уже дознано,—говорилъ Александръ I,—что умственныя заблужденія простого народа преніями и народными увѣщаваніями въ мысляхъ его углублялись, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-помалу изглаждаются и исчезаютъ“. Въ послѣдніе годы своей жизни Александръ I самъ нѣсколько склонный къ мистицизму, подъ вліяніемъ Аракчеева сталъ поступать съ сектантами болѣе строго: прежде скопцовъ

отдавали подъ надзоръ полиціи и духовнаго начальства (ссылали только зачинщиковъ и оскопителей); подъ конецъ царствованія, согласно положенію Комитета Министровъ, постановлено было всѣхъ скопцовъ, годныхъ къ военной службѣ, брать въ отдѣльные корпуса Грузіи и Сибири, а неспособныхъ и женщинъ ссылать въ Иркутскую губернію на поселеніе и на суконныя фабрики. По иниціативѣ того же Аракчеева для борьбы съ нѣкоторыми сектами были приняты тогда же и другія мѣры. Такъ 13 пунктъ „обязанностей гражданскаго начальства“ въ Высочайше утвержденномъ 3 февраля 1825 г. Положеніи Комитета Министровъ гласилъ: „какъ ничто не можетъ имѣть большого вліянія надъ простымъ народомъ, какъ презрѣніе или посмѣяніе надъ заблужденіями, въ кои совращатъ его ищутъ... то въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ именовать субботниковъ жидовскою сектою и оглашать; что они подлинно суть жиды“.

Программа Аракчеева всецѣло была принята въ 40 годахъ по отношенію къ скопцамъ; такъ, по указу 2 ноября 1849 года, оскопившихся повелѣвалось водить въ женской одеждѣ и дурацкой шапкѣ по селенію на посмѣшище. Эта нравственная мѣра, какъ предполагалось, должна была возбуждать въ народѣ презрѣніе и омерзѣніе къ скопчеству; это лучшее средство, по словамъ указа, отвратить навсегда отъ поступленія въ скопческую секту. Одна изъ такихъ „шутовскихъ процессій“ описана въ донесеніи орловскаго губернатора отъ 14 января 1850 г. При исполненіи этого обряда въ одной изъ деревень крестьянки, по словамъ губернаторскаго донесенія, пѣли свадебныя пѣсни, а дѣти съ крикомъ и свистомъ забѣгали впередъ скопцовъ, бросая въ нихъ грязью и всячески издѣваясь надъ ними. На сектантовъ, какъ видно изъ того же донесенія, наказаніе не возымѣло благотворнаго дѣйствія: скопцы остались равнодушными и не раскаялись, заявляя, что „терпятъ ради спасенія души“. Нѣсколько иное впечатлѣніе вынесъ о такой процессіи въ Нижегородской губерніи извѣстный изслѣдователь раскола Мельниковъ-Печерскій, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ [1]).

---

[1]) Въ сочиненіи П. С. Усова „Этнографъ-беллетристъ“ *Истор. Вѣстн.* 1884 г., кн. 10 стр. 78.

„Въ 1851 г. было предписано нижегородскому губернатору одного подсудимаго скопца въ Лукояновскомъ уѣздѣ одѣть въ бабій сарафанъ и показать народу на базарѣ. Мѣстное начальство облекло это исполненіе въ такія формы, которыя съ самаго начала не предвѣщали нечего добраго. Для того, чтобы одѣть скопца въ сарафанъ, командировали слишкомъ за двѣсти верстъ старшаго полиціймейстера Нижняго-Новгорода Зенгбуша. Взявъ скопца изъ лукояновскаго тюремнаго замка, онъ съ особенною торжественностью провезъ его 47 верстъ до зашт. гор. Починокъ, какъ будто въ Лукояновѣ не было базара. Всеобщая народная молва гласила, что полиціймейстеръ ѣдетъ казнить скопца. Зенгбушъ, нарядивъ скопца въ сарафанъ, хотѣлъ показать свое усердіе къ службѣ тѣмъ, что, съ Высочайшаго соизволенія, какъ онъ выразился, кажется, даже въ рапортѣ своемъ, „пригласилъ народъ плевать скопцу въ глаза“, но на многолюдномъ базарѣ не было смѣха. Смущенная толпа вслѣдствіе распространившейся молвы о казни ожидала появленія палача и висѣлицы. Кончилось дѣло тѣмъ, что всѣ, и раскольники и не раскольники, смотрѣли на скопца, какъ на мученика, старухи плакали, а когда скопца повезли обратно въ уѣздный городъ, то народное къ нему участіе выразилось въ необыкновенно щедромъ подаяніи ему калачами и деньгами. Скопчество и хлыстовщина отъ такой мѣры не только не уменьшились въ Лукояновскомъ уѣздѣ, но даже увеличились“.

Разсказанное здѣсь, конечно, давно уже отошло въ область исторіи, давно уже признана безполезность такого рода нравственныхъ воздѣйствій, какъ „всенародное посмѣяніе“. На ряду съ обрядами „посмѣянія“ въ теченіе тѣхъ же пятидесятыхъ годовъ правительство подвергаетъ послѣдователей скопической секты суровымъ наказаніямъ (указъ 10 іюня 1850 г.): ссылкѣ въ каторжныя работы въ отдаленныя мѣста Сибири, наказанію плетьми, наложеніемъ клейма и т. д.

И въ наше время законодательство въ борьбѣ со скопчествомъ руководится тѣми же принципами, смягчились только прежнія суровыя наказанія: скопцы за одну лишь принадлежность къ сектѣ ссылаются на вѣчное поселеніе въ Якутскую губернію.

Трудно сказать, распространяется ли скопчество въ настоящее время или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ съ

увѣренностью можно утверждать, что поддерживаютъ эту противоестественную сектантскую идеологію исключительно лишь ненормальныя условія русской жизни и отсутствіе просвѣщенія въ народной массѣ. Современное законодательство не можетъ, конечно, игнорировать случаи насильственнаго оскопленія фанатиками-ригористами; оно должно ограждать населеніе отъ возможнаго вреднаго деморализующаго вліянія скопческихъ теорій, но для ослабленія скопчества необходимо, чтобы мѣры борьбы противъ него не принимали характеръ религіозныхъ гоненій и посягательствъ на свободу совѣсти, личности, что можно встрѣтить при столкновеніи закона съ жизнью. Законодательство, ставъ на общественную точку зрѣнія, должно ингорировать скопчество, какъ религіозную секту. Гоненіе за „вѣру“ только способствуетъ распространенію преслѣдуемаго ученія.

Ниж. Лист.

1903 г.

VI. Старообрядческія и сектантскія общины.

(Законъ 17 октября 1906 г.)

Первому русскому парламенту не суждено было закончить своихъ работъ; не пришлось ему разработать и законопроекта о свободѣ совѣсти. За эту разработку послѣ роспуска Думы немедленно принялось само правительство. Спѣшность въ проведеніи новаго законопроекта мотивировалась необходимостью скорѣйшаго осуществленія началъ вѣротерпимости, провозглашенныхъ въ правительственныхъ актахъ 17 апрѣля и 17 октября 1905 года. Фактъ заслуживающій вниманія. По признанію самого правительства больше года различныя „недоразумѣнія и затрудненія“ на практикѣ препятствовавшемъ старообрядцамъ и сектантамъ воспользоваться новымъ правомъ. Это — наилучшая характеристика плодотворности бюрократической работы.

Два года, начиная съ 12 декабря 1904 г., безостановочно работали самыя разнообразныя правительственныя комиссіи для выработки мѣръ къ немедленному „устраненію стѣсненій въ области религіи“ и для укрѣпленія „начертанныхъ въ Основныхъ Законахъ имперіи Россійской началъ вѣротерпимости“, и до сихъ поръ работа ихъ, какъ теперь оказывается, въ сущности еще не дала почти никакихъ реальныхъ результатовъ. Какъ ни желательно само по себѣ возможно скорѣе проведеніе въ жизнь хотя бы элементарныхъ началъ свободы вѣроисповѣданія въ Россіи, врядъ ли можно было бы признать желательнымъ отступленія отъ общаго порядка и изданіе закона о свободѣ вѣроисповѣданія помимо обсужденія его въ ближайшей сессіи Государственной Думы. У насъ слишкомъ мало довѣрія къ бюрократическому творчеству. При такой крайней „необходимости“ правительство, конечно, могло бы ограничиться изданіемъ лишь временныхъ правилъ.

Фильтрація законопроекта о свободѣ вѣроисповѣданій въ законодательномъ учрежденіи народныхъ представителей была бы только въ интересахъ многочисленныхъ у насъ вѣроисповѣдныхъ группъ. Новый законъ явился бы тогда не въ видѣ частичной уступки, а былъ бы дѣйствительнымъ логическимъ развитіемъ прочно установленнаго въ Россіи принципа свободы совѣсти. Какъ бы то ни было, законопроектъ о свободѣ вѣроисповѣданій, разработанный въ департаментѣ общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по разсмотрѣніи его въ Совѣтѣ Министровъ, согласно Именному Высочайшему Указу 17 октября, сдѣлался теперь законодательной нормой, изданной въ порядкѣ верховнаго управленія; съ этимъ закономъ приходится уже считаться какъ съ фактомъ.

Опубликованный 17 октября законъ о старообрядцахъ и сектантахъ касается лишь права организаціи религіозныхъ обществъ. Продуктъ преимущественно канцелярской работы, онъ чрезвычайно детально регламентируетъ устройство старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ, порядокъ ихъ образованія и дѣйствія; съ пунктуальной и мелочной тщательностью онъ говоритъ объ обязанностяхъ лицъ, входящихъ въ составъ организуемыхъ общинъ, и о правахъ администраціи, въ зависимость отъ которой ставятся религіозныя общества. Система административной опеки въ новомъ законѣ сохранена во всей силѣ.

Комментируя указъ о религіозныхъ обществахъ, правительственный официозъ заявлялъ, что по новому закону особенности религіознаго быта признаются дѣломъ совѣсти, государство озабочено лишь тѣмъ, чтобы особенности эти были согласованы съ общимъ гражданскимъ укладомъ страны. Но, конечно, при ненормальной постановкѣ этого „общаго гражданскаго уклада“ и всѣ попытки согласованія съ нимъ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣропріятій неминуемо должны принимать тѣ же формы. Это въ дѣйствительности и отразилось на законѣ о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ.

Когда въ правительственныхъ совѣщаніяхъ о вѣротерпимости былъ выработанъ проектъ правилъ о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ, въ которыхъ „точнѣе и опредѣленнѣе говорилось о закрытіи общинъ, чѣмъ объ ихъ открытіи“, совѣтомъ всероссійскихъ съѣздовъ старо-

обрядцевъ былъ представленъ въ Министерство Внутреннихъ дѣлъ выработанный на съѣздѣ въ августѣ 1905 г. проектъ нормальнаго устава старообрядческихъ общинъ. Передъ окончательнымъ утвержденіемъ опубликованнаго нынѣ закона представители старообрядчества были вызваны въ Петербургъ на совѣщаніе, состоявшееся 29 сентября подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Крыжановскаго и при участіи директора департамента общихъ дѣлъ А Д. Арбузова. Вызванные делегаты весьма обстоятельно доказывали на совѣщаніи, что предоставляемыя закономъ администраціи права утверждать выбранныхъ общиной представителей, право не разрѣшать открытіе храмовъ, закрывать общины и т. д. даетъ мѣсто для произвола административныхъ и полицейскихъ властей. Подъ вліяніемъ этихъ указаній въ законопроектъ были внесены частичныя измѣненія: напримѣръ, уничтожено требованіе о троекратномъ печатаніи въ мѣстныхъ или губернскихъ областныхъ вѣдомостяхъ о созывѣ общаго собранія общины, исключенъ пунктъ, ставящій условіемъ для разрѣшенія сооруженія молитвенныхъ домовъ „наличность необходимыхъ для исполненія постройки денежныхъ средствъ“; вмѣсто категорическаго запрещенія настоятелямъ и наставникамъ новыхъ религіозныхъ общинъ употреблять православныя іерархическія наименованія, внесено примѣчаніе, что „среди старообрядцевъ поповническихъ согласій духовныя лица могутъ пользоваться соотвѣтствующимъ старообрядческимъ наименованіемъ“ (?). Найти смыслъ послѣдней поправки трудно: первое категорическое запрещеніе и второе разрѣшеніе однозначущи. Еще большее возбуждаетъ недоумѣніе поправка въ самомъ существенномъ пунктѣ о правахъ администраціи. Проектъ гласилъ, что губернаторъ отказываетъ въ разрѣшеніи образовать общину, „если признаетъ, что заявленное ходатайство возбуждено лицами, на которыхъ дѣйствія настоящаго положенія не распространяются“. Текстъ закона гласитъ: губернаторъ „или разрѣшаетъ образованіе общинъ или отказываетъ въ этомъ“. Мотивъ, который могъ бы вызвать отказъ, такимъ образомъ исключенъ; глухое заявленіе закона о правѣ отказа лишь расширяетъ область „административнаго усмотрѣнія“; своею неопредѣленностью онъ допускаетъ еще большій произволъ. Къ этой статьѣ

прибавленъ лишь пунктъ, что учредители общины могутъ приносить жалобы въ установленномъ порядкѣ первому департаменту Правительствующаго Сената.

И такъ, устанавливаемая въ законопроектѣ мелочная административная опека религіозныхъ обществъ осталась неизмѣненной. Помимо непосредственнаго давленія, которое можетъ оказывать администрація, разъ ей предоставлено право давать или не давать согласіе на утрержденіе лицъ, выбранныхъ общиною въ свои руководители, право не разрѣшать общины и закрывать ее, если въ дѣятельности общины обнаружатся „дѣйствія, противныя закону и ограждающимъ нравственность установленіямъ". (Вспомнимъ, что въ сущности до сихъ поръ у насъ не отмѣнено еще пресловутое выдѣленіе изъ общей нормы сектъ „особо вредныхъ", которое давало оправданіе самимъ произвольнымъ дѣйствіямъ администраціи)—самостоятельность религіозныхъ общинъ должна превратиться въ полнѣйшую фикцію при той, дѣйствительно, „паутинѣ" формальныхъ условій, которыми обставляется ихъ дѣятельность. Община получаетъ право на существованіе лишь при подписи заявленія объ ея открытіи пятидесятью учредителями; имущество свыше 5.000 руб. община можетъ пріобрѣтать лишь съ Высочайшаго соизволенія, строить храмы и молитвенные дома съ разрѣшенія губернаторовъ и т. п. Другими словами, огромныя старообрядческія общины, каковы, напримѣръ, Рогожская, Преображенская, не получаютъ еще права функціонированія. Особенное вниманіе приходится обратить на ст. 28 новыхъ правилъ, по которой лица подсудимыя и исключенныя изъ сословныхъ обществъ лишаются права на религіозное представительство. Принимая во вниманіе, что эта подсудность и исключеніе изъ сословныхъ обществъ вызывается при настоящихъ условіяхъ нерѣдко по мотивамъ политическаго характера, легко судить къ какимъ результатамъ можетъ привести примѣненіе на практикѣ такой статьи. Соединеніе политики и религіи является прямымъ нарушеніемъ идеи свободы совѣсти! Наконецъ, религіозныя общины указомъ 17 октября превращаются отчасти въ своего рода полицейскія агентуры, на которыя налагаются сложныя обязанности по доставленіи администраціи необходимыхъ правительству свѣдѣній, напримѣръ, составленіе призывныхъ списковъ. При мелочной и под

робной регламентаціи статей, регулирующихъ жизнь религіозныхъ общинъ, страннымъ является полное игнорированіе самыхъ насущныхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ особенно настоятельно требуется при неясности и полной путаницѣ нашихъ теперешнихъ законовъ, опредѣляющихъ вѣроисповѣдныя права представителей религіознаго разномыслія въ Россіи. Какъ разрѣшается вопросъ о публичномъ оказательствѣ вѣроученія, несогласнаго съ ученіемъ господствующей церкви? вѣроученія, послѣдователи котораго, допустимъ, создали общину, зарегестрированную по исполненіи всѣхъ формальностей мѣстной администраціей? Новый законъ говоритъ лишь, что „духовнымъ лицамъ, настоятелямъ и наставникамъ дозволяется употребленіе церковнаго облаченія, а также монашескаго и духовнаго одѣянія". По буквѣ закона широко толкуемое „публичное оказательство", категорически запрещаемое старымъ уложеніемъ, остается подъ запретомъ и нынѣ. Въ 1856 г. алтари старообрядческихъ храмовъ на Рогожскомъ кладбищѣ были закрыты подъ видомъ допущеннаго тамъ „публичнаго оказательства", направленнаго на совращеніе православныхъ. Пока этотъ вопросъ точно не будетъ разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ, религіозныя общины не могутъ функціонировать нормально. Совершенно аналогичное приходится сказать и по вопросу о совращеніи. Изданный 14 марта 1906 г. законъ, сдѣлавъ весьма существенную урѣзку въ указѣ 17 апрѣля 1905 г., объявилъ всякое совращеніе наказуемымъ въ уголовномъ порядкѣ. Онъ пошелъ въ этомъ отношеніи даже дальше прежде дѣйствовавшихъ законоположеній; такъ, по разъясненіямъ Правительствующаго Сената, совращеніе путемъ убѣжденій, совращеніе, не соединенное съ насиліемъ, не подлежало наказанію, что и вошло въ видѣ законодательной нормы въ новое Уголовное Уложеніе. По закону 14 марта совращеніе черезъ публичное произнесеніе рѣчи или распространеніе сочиненія наказуется годомъ заключенія въ крѣпость. По утвержденному уже уставу, напримѣръ, харьковскаго общества евангельскихъ христіанъ, обществу разрѣшается устройство публичныхъ чтеній, изданіе соотвѣтствующихъ брошюръ и т. д. Возникаетъ вопросъ, въ какой мѣрѣ религіозныя общества въ данномъ случаѣ будутъ подлежать отвѣтственности по закону 14 марта?

Новые законы на этотъ возможный въ жизни вопросъ не отвѣчаютъ.

Наряду съ этимъ возникаетъ и другой чрезвычайно важный въ житейскихъ отношеніяхъ вопросъ: какое положеніе займутъ отнынѣ тѣ русскія дессиденты, которые не вступятъ въ религіозныя общины или не въ состояніи будутъ ее организовать за отсутствіемъ требуемаго закономъ числа учредителей? Чѣмъ будутъ опредѣляться ихъ вѣроисповѣдныя права? Умолчаніе по этому поводу со стороны закона грозитъ возрожденіемъ прежнихъ религіозныхъ гоненій: администрація, конечно, при желаніи можетъ признать незаконными любыя собранія вѣрующихъ, не вошедшихъ въ составъ религіозной общины.

Итакъ, если мы начнемъ оцѣнивать законъ 17 октября съ точки зрѣнія нормальныхъ требованій, онъ окажется малоудовлетворительнымъ; если мы сравнимъ его съ предшествовавшей практикой, онъ, конечно, окажется большимъ шагомъ впередъ съ практикой не переживаемаго нами теперь переходнаго времени, когда жизнь въ сущности регулируется не законами, а исключительно лишь предписаніями свыше, характеръ которыхъ всецѣло вытекаетъ изъ настроенія въ данный моментъ правящихъ сферъ, въ свою очередь, зависящаго отъ импульса общественной жизни, а съ той практикой, которая была до провозглашенія вѣротерпимости — перваго реальнаго завоеванія современнаго освободительнаго движенія. Огромнымъ пріобрѣтеніемъ само по себѣ является уже признаніе закономъ существованіе старообрядческихъ и сектантскихъ обществъ. Законъ 3 мая 1883 г. (ст. 45 — 64 уст. пред.), даровавшій нѣкоторыя вѣроисповѣдныя льготы сектантамъ, категорически запрещалъ заводить скиты и обители (ст. 47); въ многочисленныхъ богадѣльняхъ, игравшихъ роль такихъ обителей, были поставлены особые смотрители изъ чиновниковъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ; къ внѣшнимъ оказательствамъ вѣроученія (ст. 59) было отнесено священнослужительское одѣяніе, администрація же къ такимъ атрибутамъ внѣшняго оказательства относило даже ношеніе длинныхъ волосъ и шляпъ, походящихъ на шляпы православнаго духовенства. На сооруженіе молитвеннаго дома требовалось каждый разъ особое разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, а какъ трудно

было на дѣлѣ получить это разрѣшеніе указываетъ хотя бы тотъ фактъ, что въ нижегородской епархіи въ 90 годахъ на 172 моленныхъ—разрѣшенныхъ правительствомъ приходилось лишь 12; даже на исправленіе зданія приходилось всякій разъ испрашивать особое разрѣшеніе, которое большею частью не давалось, о чемъ свидѣтельствуютъ безчисленные судебные процессы, доходившіе до Сената, или давались при условіи, не измѣнять наружнаго вида (ст. 48). Новый законъ, предоставляя общинамъ веденіе метрическихъ книгъ, устраняетъ тяжелую зависимость нашихъ дессидентовъ отъ духовныхъ консисторій, полицейскихъ управленій и т. д. Впрочемъ, говорить о благодѣтельномъ вліяніи новаго закона, пожалуй, еще преждевременно. Практика покажетъ, въ какія формы выльется его примѣненіе. Разъ не устраненъ изъ жизни самый принципъ административной опеки, въ будущемъ легко можетъ повториться судьба закона 3 мая 1883 г.

Мы увѣрены, что первое время, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ старообрядцамъ административныхъ стѣсненій не будетъ. Это не въ выгодахъ правительственной партіи наканунѣ избирательной компаніи. Изданіе новаго закона о старообрядцахъ и сектантахъ въ день годовщины Манифеста 17 октября какъ бы подчеркиваетъ политическое значеніе этого акта.

Институт литературы ЦИК СССР им. М. Горького

Post scriptum.

(Синодъ и либеральныя реформы.)

Нашъ сборникъ заканчивался печатаньемъ, когда Свя-тѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ было издано постановленіе, предлагающее духовнымъ пастырямъ въ день годовщины манифеста 17 октября съ церковнаго амвона осудить братоубійственную войну и произнести слово о гражданской свободѣ.

Синодъ молчалъ, когда происходили кровавые ужасы въ Бѣлостокѣ и Сѣдлецѣ; онъ молчалъ, когда почаевскіе иноки издавали листки, направленные противъ освободительнаго движенія и разжигающіе національную ненависть; онъ санкціонировалъ активное выступленіе духовныхъ пастырей въ рядахъ контръ-революціи и молча внималъ тѣмъ человѣконенавистническимъ проповѣдямъ, которыя лились съ церковныхъ амвоновъ изъ устъ „христопродавцевъ", надѣвшихъ полицейскій мундиръ; онъ санкціонировалъ появленіе странствующихъ по деревнямъ каѳедръ, съ которыхъ проповѣдники въ епископскомъ санѣ, охраняемые отрядами стражниковъ и драгунъ, призывали населеніе къ избіенію интеллигенціи; онъ поставилъ, по выраженію Герцена, „кордегардію рядомъ съ алтаремъ, Евангеліе, отпускающее грѣхи,—рядомъ съ военнымъ артикуломъ, разстрѣливающимъ за поступки". Но синодъ не только молчалъ. Когда въ рядахъ наиболѣе достойныхъ представителей духовенства поднимался негодующій голосъ, его заставляли умолкнуть. Кара обрушилась на харьковскихъ священнослужителей, высказавшихся противъ смертной казни; то же постигло и представителей ялтинскаго духовенства, осмѣлившихся заявить, что они „считаютъ русское освободительное движеніе согласнымъ съ божескими и человѣческими законами". Еще недавно Синодъ лишилъ

священническаго сана бывшихъ членовъ Государственной Думы Огнева и Афанасьева за то только, что они открыто и смѣло съ трибуны возвысили голосъ въ защиту свободы, за то, что они безкорыстно и честно осудили кровавыя насилія и, выполняя свой долгъ служителей алтаря, стремились къ осуществленію въ жизни истинно-христіанскихъ началъ; еще недавно Синодъ подвергалъ монастырскимъ заключеніямъ священнослужителей, пытавшихся объяснить народу значеніе манифеста 17 октября; еще недавно чрезъ мѣстныхъ владыкъ и епархіальное начальство и даже чрезъ администрацію и департаментъ полиціи Синодъ производилъ сыскъ о „вольнодумныхъ“ священникахъ, о возможныхъ кандидатахъ въ Государственную Думу, требуя ихъ характеристики и указанія на степень вліянія этихъ кандидатовъ на паству.

И теперь вдругъ Синодъ заговорилъ о „либеральныхъ реформахъ“. Наивные „монархисты“, засѣдавшіе въ Кіевѣ, возмутились либерализмомъ Синода и съ благословенія кіевскаго митрополита и мѣстныхъ епископовъ осудили посланіе Синода.

Какъ ошиблись, однако, они, думая, что Правительствующій Синодъ неожиданно измѣнилъ принципамъ своей вѣковой политики, что Синодъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ запрещавшій въ своихъ указахъ пастырямъ говорить „съ каѳедры“ и „частнымъ путемъ“ крестьянину, „что онъ такой же человѣкъ, какъ и помѣщикъ, его братъ во Христѣ, созданный по тому же образу Божію“, запрещавшій заступничество за мужика даже въ случаѣ крайней безчеловѣчности помѣщиковъ, считавшій крѣпостничество „христіанскимъ идеаломъ“, — выступилъ теперь въ роли защитника „гражданской свободы“. „Истинно-русскіе люди“ не поняли тактическаго шага Правительствующаго Синода. Это бюрократическое учрежденіе столь же далеко отъ либерализма, какъ дѣятели православія отъ истиннаго христіанства. Его воззрѣнія — возрѣнія „союза русскаго народа“. Это торжественно заявилъ Синодъ черезъ нѣсколько дней послѣ „либеральнаго“ постановленія въ лицѣ своего товарища оберъ-прокурора Роговича, признавшаго, что „союзъ русскаго народа есть весь русскій православный народъ“. Духовенство должно оказывать ему всяческое содѣйствіе. И вотъ Синодъ, привѣтствующій великій день

изданія Высочайшаго манифеста 17 октября о свободѣ русскаго народа, одновременно подписывается въ своей солидарности съ дѣятельностью „союза русскаго народа“, выставляющаго требованіе объ уничтоженіи этого правительствующаго акта!

Странное, но понятное для всѣхъ противорѣчіе! Мы не имѣемъ вовсе желанія разбираться въ мотивахъ и въ тѣхъ „особыхъ соображеніяхъ“, которыми руководствовался Правительствующій Синодъ, дѣлая свое первое постановленіе. Внутренній смыслъ его слишкомъ ясенъ. Синодъ остался на „старомъ берегу“. На истощенной почвѣ, гдѣ нѣтъ талантовъ, нѣтъ творчества, нѣтъ силы мысли, — не могутъ возрасти начала, необходимыя для обновленія стараго міра. Русская исторія нашла уже другое русло! И мы вмѣстѣ съ Герценомъ будемъ проповѣдывать „смерть какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія!“ Христосъ уже восторжествовалъ надъ языческимъ, гордымъ и мощнымъ прежде Римомъ! Старый порядокъ умеръ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . III—V

I.

Старый порядокъ.

I. Государство и церковь 9
II. Свобода совѣсти 25
III. Законъ и „религіозные отщепенцы“ 30
IV. На Рогожскомъ кладбищѣ 41
V. Штундисты или баптисты? 57
VI. Духоборы и штундисты 67
VII. Инквизиція въ Россіи 77

II.

Въ переходное время.

I. Комитетъ Министровъ о свободѣ совѣсти 83
II. Официальная вѣротерпимость 87
III. Провозглашеніе вѣротерпимости 91
IV. Свобода совѣсти и полицейская опека 95
V. Въ поискахъ вѣротерпимости 101
VI. Вѣротерпимость и сектанты въ Павловкахъ 130
VII. Правительственная вѣротерпимость и административная практика 133
VIII. Религіозная „амнистія“ 137
IX. Религіозная свобода и правительственныя реформы 141
X. Черезъ годъ 147

II

III.

Наканунѣ свободы.

Стр.

I. Наканунѣ амнистіи 155
II. Патріаршество въ связи съ преобразованіемъ отношеній церкви и государства 158
III. Религіозныя преступленія съ точки зрѣнія религіозной свободы 162
IV. Изувѣрныя секты и вѣротерпимость 172
V. Гоненіе на скопцовъ 178
VI. Старообрядческія и сектантскія общины 184
Post scriptum. (Синодъ и либеральныя реформы) 191

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
JUL 1
7175
CANCELLED
JUN 2

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
JUL 1 1981
7178459

CANCELLED
JUN 2 1981